

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) (Тромсё, Норвегия)

Александр ГЕРРЕЙРО

доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета (Лиссабон, Португалия)

Душко ДИМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия)

Лотар ДЕТЕРМАН

доктор права, лектор факультета права Калифорнийского университета в Беркли (Беркли, США)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ
доктор юридических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного частного
и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный
институт международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Анатолий Яковлевич КАПУСТИН
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой международного права, Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ
доктор права, профессор международного права
Пекинского технологического института, главный редактор
Оксфордской онлайн-библиографии международного права
(Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук,
Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры
международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Цзэнцзюн КУАН
профессор международного права, Китайский институт приграничных и
морских исследований, Уханьский университет (Ухань, КНР)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
международного и европейского права, Казанский (Приволжский)
федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

Дмитрий Константинович ЛАБИН
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Лев Александрович ЛАЗУТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой международного и европейского
права, Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и международного права, Российская таможенная
академия (Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ
доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация
международного права (Москва, Российская Федерация)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ
доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма
«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»
(Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН
доктор юридических наук, профессор, президент Академии права,
Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Борис Иванович НЕФЁДОВ
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Тим ПОТЬЕ
доктор права, профессор и старший научный сотрудник Школы права и
дипломатии им. Флетчера, Университет Тафтса (Массачусетс, США)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ
доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента)
Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным
вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи
государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы
по межпарламентским связям Азербайджан-Россия (Баку, Азербайджан)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
международного права, Новосибирский
государственный университет (Новосибирск, Российская Федерация)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой международного права,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития России
(Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
интеграционного права и прав человека,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Москва, Российская Федерация)

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать
материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуника-
ций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов
«Международный союз юристов»; Федеральное государственное авто-
номное образовательное учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 107

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать __.12.2025 г.

Тираж: 1000 экземпляров, 1-й завод ____ экз.

Заказ № ____

Отпечатано в производственном отделе

Издательского дома МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтевская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2025

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Doctor of Laws, Professor, Honorable Researcher of the Russian Federation, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Laws, Professor, Honorable Researcher of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the International Law Department, RUDN University (*Moscow, Russian Federation*)

Adel I. Abdullin

Doctor of Laws, Professor, Head of the International and European Law Department, Kazan (Volga region) Federal University (*Kazan, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Doctor of Laws, Professor, UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with the Arctic University of Norway (*Tromsø, Norway*)

Duško Dimitrijević

Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics (*Belgrade, Serbia*)

Lothar Determann

Dr., Lecturer at the UC Berkeley School of Law, The University of California, Berkeley (*Berkeley, USA*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Damir K. Bekyashev

Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebkov

Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir V. Ustinov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (*Rostov-on-Don, Russian Federation*)

Alexandre Guerreiro

Doctor of Laws, associated member of the Institute
of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon
(Lisbon, Portugal)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International
and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

John Anthony Carty

PhD, Professor of International Law at Beijing Institute of Technology,
Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law
(Oxford, Great Britain)

Anatoly Ya. Kapustin

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of
the Department of International Law, Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Rustam A. Kasyanov

Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration
and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws,
Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber
of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor
of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute
of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia (Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies,
Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and
European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
Professor at the International Law Department,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Head of the International and European Law Department,
Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department,
Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law
Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky,
Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law
Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament)
of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission
on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly
of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary
Relations Azerbaijan-Russia (Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor of International Law and Senior Fellow, Fletcher
School of Law and Diplomacy, Tufts University (Massachusetts, USA)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International

Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences,
Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade
Academy of the Ministry for Economic Development of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science
Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in «**Moscow Journal of International Law**» is free of charge for
all the authors.

The journal doesn't have any Article processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by
the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and
editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be
published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of
International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov

Proofreader – Xenia E. Poltevsckaya

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2025

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	HUMAN RIGHTS
<i>Иванов Д.В.</i> Современные тенденции международно-правового регулирования вынужденной миграции: «экстернализация» международной защиты	6 <i>Ivanov D.V.</i> Modern Trends in International Legal Regulation of Forced Migration: “Externalization” of International Protection
ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS
<i>Боклан Д.С.</i> Новое измерение международного сотрудничества в рамках БРИКС: международно-правовой подход	24 <i>Boklan D.S.</i> New Dimension of International Cooperation within the BRICS: International Legal Approach
МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО	INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW
<i>Вылегжанин А.Н., Суворов Г.А., Юзбашьян М.Р.</i> Природоресурсная деятельность в космосе: к формированию российского законодательства	35 <i>Vylegzhanin A.N., Suvorov A.G., Yuzbashyan M.R.</i> Basic Issues of the Creation of Russian Legislation on Natural Resource Activities in Outer Space
<i>Веремеев Н.В.</i> Политика Китайской Народной Республики в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер	59 <i>Veremeev N.V.</i> China Sanctions, Countermeasures and Unilateral Restrictive Measures Policy
МЕЖДУНАРОДНОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	INTERNATIONAL ADMINISTRATIVE LAW
<i>Кривельская О.В.</i> Международное административное право в свете последних мировых изменений	74 <i>Krivelskaya O.V.</i> International Administrative Law in the Light of Recent Global Developments
<i>Зассеева А.С.</i> Особенности международно-правового статуса непризнанных государств	84 <i>Zasseva A.S.</i> Features of the International Legal Status of Unrecognized States
МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО	AIR LAW
<i>Войников В.В.</i> Консультативное заключение суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2025 года: проблема соотношения правил о свободе предоставления услуг и норм международного воздушного права	96 <i>Voinikov V.V.</i> Advisory Opinion of the Eurasian Economic Union Court of 7 April 2025: The Problem of the Relationship between the Rules on the Freedom to Provide Services and the Provisions of International Air Law
МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО	LAW OF THE SEA
<i>Зиланов В. К., Куюнко Е.В.</i> Гренландский узел: от сотрудничества к разногласиям в сфере рыболовства	110 <i>Zilanov V.K., Kienko E.V.</i> Greenland Knot: from Cooperation to Disagreement in Fisheries
МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО	SPACE LAW
<i>Бразовская Я.Е., Авдыш Д.М.</i> Современные правовые вызовы колонизации Марса: комплексный аналитический обзор регуляторных механизмов (2024–2025 годы)	123 <i>Brazovskaya Ya.E., Avdysh D.M.</i> Contemporary Legal Challenges in Mars Colonization: a Comprehensive Analytical Review of Regulatory Frameworks (2024–2025)
ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	EUROPEAN UNION LAW
<i>Дыханов И.В.</i> Особенности регулирования дноуглубительной деятельности в рамках права Европейского союза	137 <i>Dykanov I.V.</i> Regulation of Dredging Operations within the Framework of the Law of the European Union and its Peculiarities

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-6-23>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 10.06.2025

Принята к публикации: 22.10.2025

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

prof.ivanovdv@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1231-6072

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ: «ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ» МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ

ВВЕДЕНИЕ. Проблемы, связанные с вынужденной миграцией, продолжают оставаться одними из приоритетных и чувствительных вопросов во многих государствах. В статье был проведен анализ различных инициатив отдельных государств, связанных с передачей вынужденных мигрантов в третьи страны и рассмотрением их ходатайств о предоставлении международной защиты за пределами своей территории на основе международных соглашений или политических договоренностей. Эта практика представляет собой одну из современных тенденций в международно-правовом регулировании вынужденной миграции. В научной доктрине и в отдельных актах, публикуемых Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН), она именуется «экстернализацией» международной защиты. Актуальность исследования обусловлена ростом числа вынужденных мигрантов и ужесточением миграционной политики в принимающих государствах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье рассматриваются примеры как двусторонних соглашений по «экстернализации» международной защиты, так и предложение Комиссии Европейского союза (ЕС) закрепить эту практику на уровне права ЕС. Отдельными государствами – членами ЕС, в первую очередь Италией, формируется тенденция экстерриториального применения национального законодательства в области правового регулирования отдельных аспектов вынужденной миграции на территории другого государства, которая должна соответствовать также и праву ЕС. Автор особое внимание уделяет правовому анализу «миграционных соглашений» отдельных государств, в частности Протокола об экстерриториальном управлении миграцией между Правительством Итальянской Республики и Советом министров Республики Албания 2023 г. и его последствиям¹, а также Предложению Комиссии ЕС о принятии нового Регламента о возврате². В исследовании использовались исторический, формально-юридический,

¹ Protocol on extraterritorial migration management between the Government of the Italian Republic and the Council of Ministers of the Albanian Republic. URL: <https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2023/12/PROTOCOLLO-ITALIA-ALBANIA-in-materia-migratoria.pdf> (accessed date: 1.08.2025).

сравнительно-правовой методы, метод системного анализа и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выявлено, что «экстернализация» принимает различные формы, включая экстерриториальное рассмотрение ходатайств, меры по перехвату мигрантов, передачу обязанностей третьим странам и др. При этом подобные практики часто сопровождаются нарушениями прав человека, включая ограничение доступа к процедурам рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища и риск нарушения принципа невысылки. Национальные и международные суды неоднократно признавали такие меры незаконными.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Исследование демонстрирует, что политика «экстернализации» противоречит принципам глобальной солидарности и справедливого распределения ответственности. Несмотря на попытки формального закрепления гарантий для вынужденных мигрантов, риски их нарушений остаются высокими, особенно при передаче в страны с неразвитыми системами убежища. Автор подчеркивает необходимость

соблюдения международных стандартов и усиления роли судебного контроля для предотвращения злоупотреблений. В заключение отмечается, что дальнейшее развитие этой практики требует комплексного подхода, учитывающего как безопасность государств, так и защиту прав вынужденных мигрантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вынужденная миграция, убежище, «экстернализация» международной защиты, «оффшорные соглашения», экстерриториальное применение национального права, лица, ищущие убежище, беженцы, вынужденные мигранты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Иванов Д.В. 2025. Современные тенденции международно-правового регулирования вынужденной миграции: «экстернализация» международной защиты. – Московский журнал международного права. № 4. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-6-23>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

HUMAN RIGHTS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-6-23>

Research article

UDC: 341

Received 2 June 2025

Approved 15 September 2025

Dmitry V. IVANOV

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

MODERN TRENDS IN INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF FORCED MIGRATION: “EXTERNALIZATION” OF INTERNATIONAL PROTECTION

² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a common system for the return of third-country nationals staying illegally in the Union, and repealing Directive 2008/115/EC of the European Parliament and the Council, Council Directive 2001/40/EC and Council Decision 2004/191/EC COM/2025/101 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52025PC0101> (accessed date: 1.08.2025).

INTRODUCTION. Problems related to forced migration continue to be one of the priority and sensitive issues in many countries. The article analyzes various initiatives of individual States related to the transfer of forced migrants to third countries and the consideration of their applications for international protection outside their territory on the basis of international agreements or political arrangements. This practice represents one of the modern trends in the international legal regulation of forced migration. In scientific doctrine and in separate acts published by the UNHCR, it is referred to as the “externalization” of international protection. The relevance of the study is due to the growing number of forced migrants and tightening of migration policies in the host countries.

MATERIALS AND METHODS. The article examines examples of both bilateral agreements on the “externalization” of international protection and proposals by the Commission of the European Union (hereinafter – EU) to consolidate this practice at the level of EU law. Individual EU member States, primarily Italy, are developing a trend of extraterritorial application of national legislation in the field of legal regulation of certain aspects of forced migration on the territory of another State, which must also comply with EU law. The authors pay special attention to the legal analysis of the “migration agreements” of individual states, in particular the Protocol on the Extraterritorial Management of Migration between the Government of the Italian Republic and the Council of Ministers of the Republic of Albania 2023 and its consequences, as well as the Proposal of the EU Commission on the adoption of a new Return Regulation. The research used historical, formal legal, comparative legal methods, the method of system analysis, etc.

THE RESEARCH RESULTS. It has been revealed that “externalization” takes various forms, including

extraterritorial consideration of applications, measures to intercept migrants, transfer of responsibilities to third countries, etc. However, such practices are often accompanied by human rights violations, including restrictions on access to asylum and the risk of forced expulsion. Judicial authorities have repeatedly recognized such measures as illegal.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The study demonstrates that the policy of “externalization” contradicts the principles of global solidarity and fair distribution of responsibilities. Despite attempts to formalize guarantees for migrants, the risks of violations remain high, especially when transferred to countries with underdeveloped asylum systems. The author emphasizes the need to comply with international standards and strengthen the role of judicial control to prevent abuse. In conclusion, it is noted that the further development of this practice requires an integrated approach that takes into account both the security of States and the protection of the rights of forced migrants.

KEYWORDS: forced migration, asylum, “externalization” of international protection, “offshore agreements”, extraterritorial application of national law, asylum seekers, refugees, forced migrants

FOR CITATION: Ivanov D.V. Modern Trends in International Legal Regulation of Forced Migration: “Externalization” of International Protection. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-6-23>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

За последние десять лет численность вынужденных мигрантов в мире увеличилась почти в два раза³. Усиление миграционного давления на государства приводит к социальной напряженности в принимающих государствах и способствует политизации этой темы [Goodwin-

Gill 2001; Dinas, Matakos, Xefteris, Hangartner 2019:244-254]. Правительства государств принимают различные меры для сдерживания миграционных потоков в рамках национальной миграционной политики. В последние годы правительства отдельных государств все чаще используют различные формы экстерриториального рассмотрения ходатайств о предоставлении международной защиты и передачу лиц,

³ УВКБ ООН : [официальный сайт]. URL: <https://www.unhcr.org/global-trends> (accessed date: 1.08.2025).

ищущих убежище, в третьи страны на основе международных соглашений и политических договоренностей. В качестве примера международных соглашений можно привести Соглашение между Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительством Республики Руанда о создании партнерства по вопросам убежища для укрепления общих международных обязательств по защите беженцев и мигрантов от 5 декабря 2023 г.⁴ и Протокол об экстерриториальном управлении миграцией между Правительством Итальянской Республики и Советом министров Республики Албания от 6 ноября 2023 г. Однако большая часть такого рода актов, которые в настоящей статье будут именоваться «миграционными соглашениями» между государствами, оформляется в виде политических договоренностей и по своей юридической природе не относится к международным договорам в смысле международного права.

Таким образом, формируется устойчивая тенденция, при которой одни государства передают выполнение принятых на себя международно-правовых обязательств другим государствам в области правового регулирования отдельных аспектов вынужденной миграции на основе двусторонних соглашений [Osso 2023:278-279].

Следует подчеркнуть, что подобная практика имеет глобальный характер и наблюдается в различных частях мира. В доктринальных источниках, а также в официальных документах УВКБ ООН она обозначается термином «экстернализация» международной защиты. Как правило, развивающиеся государства, где национальные системы убежища не полностью сформированы, соглашаются принимать вынужденных мигрантов в ответ на политические и финансовые преференции от развитых государств. Для вынужденных мигрантов «экстернализация» сопряжена с риском нарушения их основных прав и свобод, а для государства-отправителя она является отступлением от взятых на себя международно-правовых

обязательств в рамках глобальной системы защиты вынужденных мигрантов.

Несмотря на это, отдельные государства в силу экономических, социальных, политических и других причин прибегают к «экстернализации» международной защиты.

2. Понятие «экстернализации» международной защиты

В Записке УВКБ ООН касательно «экстернализации» международной защиты 2021 г.⁵ (далее – Записка 2021 г.) содержится определение этого термина. Согласно п. 5 документа под «экстернализацией» международной защиты следует понимать «принятые государствами меры – в одностороннем порядке или в сотрудничестве с другими государствами, – которые реализуются или действуют за пределами территории таких государств и прямо или опосредованно препятствуют тому, чтобы лица, ищущие убежище, и беженцы добрались до конкретной страны или региона „назначения“, и/или тому, чтобы они смогли запросить защиту или воспользоваться защитой в этой стране или регионе». Там же отмечается, что «меры представляют собой экстернализацию, если они предполагают ненадлежащие гарантии обеспечения международной защиты, а также передачу ответственности за выявление или удовлетворение потребностей в международной защите другому государству либо неудовлетворение таких потребностей, в связи с чем такие меры становятся незаконными».

Согласно Приложению к Записке УВКБ ООН касательно «экстернализации» международной защиты «Политика и практика, связанные с экстернализацией международной защиты» 2021 г.⁶ (далее – Приложение к Записке 2021 г.) к данной политике относятся:

- экстерриториальное рассмотрение ходатайств на территории третьей страны;
- меры по перехвату прибывающих лиц;
- меры по предотвращению их прибытия;

⁴ UK-Rwanda treaty: provision of an asylum partnership. 5 December 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-rwanda-treaty-provision-of-an-asylum-partnership/uk-rwanda-treaty-provision-of-an-asylum-partnership-accessible> (accessed date: 1.08.2025).

⁵ УВКБ ООН. Записка УВКБ ООН касательно «экстернализации» международной защиты. 28 мая 2021 г. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2021/ru/121534> (accessed date: 1.08.2025).

⁶ УВКБ ООН. Приложение к Записке УВКБ ООН касательно «экстернализации» международной защиты. Политика и практика, связанные с «экстернализацией» международной защиты. 28 мая 2021 г. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2021/ru/123811> (accessed date: 1.08.2025).

– ненадлежащее выполнение или уклонение от выполнения соответствующих международному праву мер передачи обязанностей.

«Экстернализация» может представлять собой не только прямые запреты и превентивные меры, но и косвенные средства, такие как предоставление поддержки или помощи в области безопасности или управления миграцией в третьих странах и т. д. [Bill, Kysel, Podkul 2016:191]. Следует отметить, что передача международных обязательств в области международно-правового регулирования вынужденной миграции из одного государства в другое может быть реализована без нарушения международного права. К таким формам реализации передачи ответственности, согласно Приложению к Записке 2021 г. УВКБ ООН, можно отнести:

- механизмы «безопасной третьей страны» или «первой страны убежища»;
- региональные механизмы высадки на берег, которые обеспечивают надлежащие гарантии и реализуются в целях распределения обязанностей;
- программы расселения;
- программы допуска по гуманитарным основаниям и по другим дополнительным и обычным каналам;
- процедуры защищенного въезда;
- процедуры в посольствах, которые предполагают передачу обязанностей в области международной защиты в соответствии с международным правом в области вынужденной миграции и защиты прав человека⁷.

В противовес этому различные практики «экстернализации» международной защиты противоречат международно-правовым обязательствам государств и являются неправомерными. Государства, которые реализуют политику «экстернализации», часто подменяют ею программы расселения, передачу лиц, ищущих убежище, в безопасные страны и другие правомерные механизмы. Все это приводит к размыванию понятийно-категориального аппарата. По этой причине «экстернализацию» международной защиты следует отличать от широко

распространенных программ «расселения» (resettlement) по линии УВКБ ООН и концепции «безопасной третьей страны» (safe third country), договоров о реадмиссии, дублинской системы в ЕС⁸ [Бирюков, Алиев 2018:117].

Суть политики «экстернализации» заключается в создании государством препятствий в доступе к собственной национальной системе убежища и передаче или перекладывании ответственности за вынужденных мигрантов на другое государство.

Позиция УВКБ ООН о неправомерности «экстернализации» международной защиты разделяется научным сообществом. Некоторые ученые определяют «экстернализацию» как собирательный термин, представляющий собой процесс частичной или полной передачи государством своих функций, которые обычно осуществляются на его собственной территории, за ее пределы [Cantor, Tan, Gkliati, Mavropoulou, Allinson, Chakrabarty, Grundler, Hillary, McDonnell, Moodley, Phillips, Pijnenburg, Reyhani, Soares, Yacoub 2022:122]. Ш. Бар-Тувия, рассматривая политику «экстернализации», называет ее «...обменом обязательств в сфере прав человека на деньги» [Bar-Tuvia 2018:510-511]. Таким образом, отдельные государства заключают так называемые «миграционные соглашения» с целью отказа от ответственности или перекладывания ответственности в области международного правового регулирования вынужденной миграции.

В научной литературе часто встречается мнение, что данные соглашения заключаются между богатыми принимающими государствами Глобального Севера (США, Австралией, Великобританией и др.) и государствами транзита или государствами Глобального Юга (такими как Мексика, Индонезия, Ливия, Турция, Руанда и др.) [Pijnenburg 2023:151-170; Perez 2023:318]. Отдельные исследователи утверждают, что «... западные государства могут избавиться от своих обязательств по отношению к беженцам и лицам, ищущим убежище, заплатив за это другим государствам» [Bar-Tuvia 2018:510-511].

⁷ УВКБ ООН. Приложение к Записке УВКБ ООН касательно «экстернализации» международной защиты. Политика и практика, связанные с «экстернализацией» международной защиты. 28 мая 2021 г. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2021/ru/123811> (accessed date: 1.08.2025).

⁸ Ястребова А.Ю. *Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации*. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 458-459. URL: http://dipacademy.ru/documents/1052/Yastrebova_dissert_30.11.207.pdf (дата обращения: 09.08.2025).

Согласно Приложению к Записке 2021 г. такого рода «международное сотрудничество не должно ограничивать доступ к международной защите; препятствовать выходу из ситуаций отсутствия безопасности или преследования; или приводить к тому, что люди по иным причинам подвергнутся повышенной опасности нарушения прав человека. Кроме того, совместные инициативы не следует реализовывать таким образом, чтобы они ослабляли системы защиты лиц, ищущих убежище, беженцев и лиц без гражданства». Подобные соглашения сопряжены риском недобросовестного сотрудничества государств [Cantor, Tan, Gkliati, Mavropoulou, Allinson, Chakrabarty, Grundler, Hillary, McDonnell, Moodley, Phillips, Pijnenburg, Reyhani, Soares, Yacoub 2022:151-152]. По мнению УВКБ ООН, ходатайства лиц, ищущих убежище, и беженцев должны, как правило, рассматриваться на территории того государства, в которое они прибыли или которое иным образом обладает юрисдикцией над ними⁹.

Существуют различные формы экстернализации, в частности практики различных государств «экстернализовать» международную защиту, перепоручая выполнение отдельных этапов процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища в соответствии с национальным правом государства, осуществляющего «экстернализацию», или в соответствии с национальным правом государства, куда передаются лица, ищущие убежище. Это называется экстерриториальное рассмотрение ходатайств вынужденных мигрантов на территории третьих стран.

В п. 3 Пояснительной записки УВКБ ООН по двусторонним и (или) многосторонним соглашениям о передаче лиц, ищущих убежище, от 1 мая 2013 г.¹⁰ (далее – Пояснительная записка 2013 г.) закрепляются основные принципы для оценки правомерности и целесообразности соглашений о передаче лиц, ищущих убежище, среди которых: максимальный учет намерения лица по выбору государства убежища; юрисдикция государства за пределами своей территории; соблюдение международно-правовых

обязательств; принцип разделения бремени и ответственности; обязательная юридическая сила соглашений; возможность обжалования решения о передаче в судебных инстанциях; прозрачность и гарантии защиты прав лиц, ищущих убежище и т.д.

Профессор Г. Гудвин-Гилл выделяет два вида требований, которым должны соответствовать «миграционные соглашения» об «экстернализации»:

1) формальные требования (публичность, прозрачность, документирование, судебный контроль) упоминаются им в контексте необходимости четкого определения полномочий и их последствий в «миграционных соглашениях», а также обеспечения прозрачности и подотчетности;

2) существенные требования (обеспечение защиты, доступ к убежищу, право на обжалование решений) упоминаются в связи с необходимостью гарантировать, что лица, нуждающиеся в международной защите, не будут подвергнуты риску высылки или ненадлежащего обращения [Goodwin-Gill 2011:455-457].

Согласно подп. VI п. 3 Пояснительной записки 2013 г. при реализации экстерриториального рассмотрения ходатайств должны быть соблюдены следующие гарантии для лиц, ищущих убежище:

- проведение индивидуальной оценки потребностей в международной защите до передачи с учетом процедурных гарантий;
- доступ в государство, куда они будут отправлены;
- соблюдение принципа невысылки;
- доступ к справедливым и эффективным процедурам определения статуса беженца и (или) других форм международной защиты;
- обращение в соответствии с принятыми международно-правовыми нормами (в частности, что касается надлежащих условий приема; доступа к услугам здравоохранения, образованию и другим основным услугам; гарантии защиты от произвольного задержания; выявление лиц с особыми потребностями и оказание им помощи);

⁹ УВКБ ООН. Пояснительная записка по двусторонним и (или) многосторонним соглашениям о передаче лиц, ищущих убежища. 1 мая 2013 г. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2013/ru/16943> (accessed date: 1.08.2025).

¹⁰ УВКБ ООН. Пояснительная записка по двусторонним и (или) многосторонним соглашениям о передаче лиц, ищущих убежища. URL: <https://www.refworld.org/ru/policy/position/unhcr/2013/ru/16943> (accessed date: 1.08.2025).

– возможность пользоваться убежищем и доступ к долгосрочным решениям в случае принятия положительного решения о предоставлении международной защиты.

Таким образом, при заключении «миграционных соглашений» о передаче лиц, ищущих убежище, государства должны обеспечивать соответствие таких актов вышеуказанным международным стандартам, чтобы они не квалифицировались как неправомерные меры – «экстернализация» международной защиты. При этом, даже если соглашения будут соответствовать данным стандартам, их ненадлежащее исполнение также будет рассматриваться как политика «экстернализации». В настоящее время политика «экстернализации» представляет собой систематическое привлечение третьих стран к предотвращению въезда мигрантов, включая лиц, ищущих убежище, на территорию государства убежища [Bill, Kysel, Podkul 2016:194].

3. Практика применения отдельными государствами политики «экстернализации»

Некоторые ученые к политике «экстернализации» относят односторонние меры, принятые США для борьбы с прибытием лиц, ищущих убежище, на лодках, начиная с 1980-х гг. XX в., а также попытки администрации президента Р. Рейгана договориться с Панамой, Гондурасом и некоторыми государствами Карибского бассейна для размещения на их территории лиц, ищущих убежище [Magner 2004:79-81; Koh 1995:153-154; Dastyari, Ghezelbash 2020:16-17].

3.1. Австралия

Наиболее исследованной в научной литературе является политика Австралии в борьбе с незаконным прибытием. В начале 2000-х гг. эти меры предполагали перехват и возвращение лодок с мигрантами на территории государств происхождения или транзита (Индонезия,

Вьетнам и Шри-Ланка) в рамках таких операций, как «Тихоокеанское решение» и «Суверенные границы» [Dastyari, Ghezelbash 2020:19-20]. В этот же период при финансировании Австралии Международная организация по миграции (далее – МОМ) оказывала помощь незаконным мигрантам в Индонезии, Папуа – Новой Гвинее, Камбодже и Восточном Тиморе [Taylor 2010:338-342]. Параллельно с этим Австралия договорилась о перенаправлении лиц, ищущих убежище, в Науру и Папуа – Новую Гвинею для рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища. Следует отметить, что к тому времени Науру не являлась участником Конвенции о статусе беженцев 1951 г., а Папуа – Новая Гвинея присоединилась к ней со значительными оговорками [Bill, Kysel, Podkul 2016:204]. Если в начале 2000-х гг. предполагалась передача лиц, незаконно прибывших на территорию Австралии, в центры временного размещения на территории Науру и Папуа – Новой Гвинеи для рассмотрения их ходатайств, то впоследствии политика Австралии изменилась, и политические договоренности о передаче лиц, ищущих убежище, третьим странам не предполагали их возвращение на территорию Австралии.

Одним из первых таких «миграционных соглашений» было Соглашение между правительством Австралии и правительством Малайзии о передаче и расселении от 25 июля 2011 г.¹¹ Это Соглашение предусматривало передачу Австралией в Малайзию лиц, ищущих убежище, прибывших в Австралию по морю, а также принятие из Малайзии беженцев, которые были признаны таковыми со стороны УВКБ ООН. Несмотря на оптимистичную оценку со стороны УВКБ ООН¹², Верховный суд Австралии запретил министру по иммиграции и гражданству отправлять в Малайзию лиц, ищущих убежище, так как национальное законодательство этой страны не соответствует международным стандартам прав человека в области правового регулирования вынужденной миграции¹³.

¹¹ Arrangement between the Government of Australia and the Government of Malaysia on Transfer and Resettlement. 25 July 2011. Australia–Malaysia Arrangement. URL: <https://www.unsw.edu.au/content/dam/pdfs/law/kaldor/resources/2024-05-arrangement-australia-malaysia-transfer-resettlement.pdf> (accessed date: 1.08.2025).

¹² UNHCR. Australia-Malaysia Statement. Press release. 25 July 2011. URL: <https://www.unhcr.org/news/news-releases/unhcr-statement-australia-malaysia-arrangement> (accessed date: 1.08.2025).

¹³ High Court of Australia Plaintiff M70/2011 v. Minister for Immigration and Citizenship Plaintiff M106 of 2011 by His Litigation Guardian, Plaintiff M70/2011 v. Minister for Immigration and Citizenship [2011] HCA 32. URL: <https://www.hcourt.gov.au/assets/publications/judgment-summaries/2011/hca32-2011-08-31.pdf> (accessed date: 1.08.2025); Inquiry into Australia's agreement with Malaysia in relation to asylum seekers, Australian Human Rights Commission Submission to the Senate Standing Committees on Legal and Constitutional Affairs 14 September 2011. URL: <https://humanrights.gov.au/our-work/legal/inquiry-australias-agreement-malaysia-relation-asylum-seekers> (accessed date: 1.08.2025).

В 2012 г. новое правительство Австралии возродило «Тихоокеанское решение» и инициировало открытие центров рассмотрения ходатайств в Науру и Папуа – Новой Гвинее. По мнению Джейн МакАдам, основная идея заключалась в том, что плохие условия содержания, отсутствие юридических консультаций и механизмов рассмотрения, а также задержка переселения (около пяти лет) должны были отпугнуть лиц, ищущих убежище, прибывать на лодках [McAdam 2013:439]. Начиная с 2013 г. Австралия перешла от идеи передачи лиц, ищущих убежище, во временные центры для рассмотрения их ходатайств на передачу ответственности за этих лиц другим государствам и отказ в принятии их обратно на территорию Австралии. С этой целью были заключены следующие «миграционные соглашения»:

- Региональное соглашение о расселении между Австралией и Папуа – Новой Гвинеей от 19 июля 2013 г.¹⁴;

- Меморандум о взаимопонимании между правительством Независимого государства Папуа – Новая Гвинея и правительством Австралии, касающийся перевода в Папуа – Новую Гвинею, оценки и поселения в ней определенных лиц, и связанных с этим вопросов от 4 августа 2013 г.¹⁵;

- Меморандум о взаимопонимании между Республикой Науру и Австралийским

Содружеством, касающийся передачи и оценки лиц в Науру и связанных с этим вопросов от 3 августа 2013 г.¹⁶;

- Меморандум о взаимопонимании между правительством Королевства Камбоджа и правительством Австралии, касающийся поселения беженцев в Камбодже от 26 сентября 2014 г.¹⁷

Вышеуказанные акты также подвергались критике со стороны УВКБ ООН¹⁸. Реализация Австралией этих «миграционных соглашений» с государствами региона неоднократно сталкивалась с юридическими и институциональными трудностями, в том числе с запретами со стороны судебных органов как самой Австралии, так и принимающих государств. Показательным является прецедент с Меморандумом о взаимопонимании между Австралией и Папуа – Новой Гвинеей, действие которого было прекращено решением Верховного суда Папуа – Новой Гвинее. Суд признал неконституционными положения, предполагающие содержание лиц, ищущих убежище, на территории острова Манус, а также их принудительную передачу из Австралии в третью страну¹⁹.

Подобные договоренности Австралии с третьими странами, широко обсуждаемые в средствах массовой информации, а также на уровне различных международных органов и организаций получили наименование «оффшорные соглашения»²⁰.

For example, an MOU between Australia (a State party to the Refugee Convention) and Malaysia (not a party to the Convention) was struck down by the High Court of Australia in 2011 because the relevant rights of individuals transferred by Australia could not be assured in Malaysian domestic law or in practice (Plaintiff M70/2011 v. Minister for Immigration and Citizenship [2011] HCA 32. Paras 125-126).

¹⁴ National Legislative Bodies. National Authorities, Regional resettlement arrangement between Australia and Papua New Guinea. 19 July 2013. URL: <https://www.refworld.org/legal/agreements/natlegbod/2013/en/63316> (accessed date: 1.08.2025).

¹⁵ Memorandum of Understanding between the Government of the Independent State of Papua New Guinea and the Government of Australia, relating to the transfer to, and assessment and settlement in, Papua New Guinea of certain persons, and related issues. 4 August 2013. URL: <https://www.refworld.org/legal/agreements/natlegbod/2013/en/104189> (accessed date: 1.08.2025).

¹⁶ Memorandum of Understanding between the Republic of Nauru and the Commonwealth of Australia, relating to the Transfer to and Assessment of Persons in Nauru, and Related Issues. 3 August 2013. URL: <https://www.refworld.org/legal/agreements/natlegbod/2013/en/23705> (accessed date: 1.08.2025).

¹⁷ Memorandum of Understanding between the Government of the Kingdom of Cambodia and the Government of Australia, relating to the Settlement of Refugees in Cambodia. 26 September 2014. URL: <https://www.refworld.org/legal/agreements/natlegbod/2014/en/93359> (accessed date: 1.08.2025).

¹⁸ UNHCR. UNHCR Australia-Cambodia Warning. News story. 26 September 2014. URL: <https://www.unhcr.org/news/stories/unhcr-warns-australia-cambodia-agreement-refugee-relocation-could-set-worrying> (accessed date: 1.08.2025); UNHCR. Mission to the Republic of Nauru. 14 December 2012. URL: <https://www.refworld.org/docid/50cb24912.html> (accessed date: 1.08.2025).

¹⁹ Court of Papua New Guinea, Namah v. Pato [2016] PGSC 13. SC1497. 26 April 2016. URL: <https://www.lawsociety.org.nz/assets/news-files/0020-100568-Namah-v-Pato-2016-PGSC-13.pdf> (accessed date: 1.08.2025).

²⁰ UNHCR. UNHCR Statement on 8 Years of Offshore Asylum Policy. Press releases. URL: <https://www.unhcr.org/au/news/news-releases/unhcr-statement-8-years-offshore-asylum-policy> (accessed date: 1.08.2025).

В деле *Kamasae v. Commonwealth* [2017] VSC 537 [Holly 2018]²¹ истцом выступал иранский беженец от имени более чем 1 900 задержанных на острове Манус, утверждая, что условия содержания в центре нарушали не только нормы гуманного обращения, но и австралийское общее право, в частности положения, касающиеся халатности и незаконного лишения свободы. Суд принял к рассмотрению аргументы о том, что, несмотря на офшорный (экстерриториальный) характер размещения центра, ответчики (включая правительство Австралии и частных подрядчиков) осуществляли эффективный контроль над операциями, а значит, могли быть привлечены к ответственности.

Стороны пришли к соглашению о выплате 70 млн долларов, которое было одобрено судом и стало одной из крупнейших компенсаций в истории страны в области прав человека. Дело продемонстрировало роль национальных судов в обеспечении правовой защиты в этой области. Оно также обозначило пределы допустимой практики экстерриториального содержания с точки зрения прав человека, заложив прецедент для будущих исков.

Несмотря на правовую и политическую критику, Австралия не отказалась от своей политики заключения подобного рода соглашений. Примером служит подписание 20 октября 2021 г. нового Меморандума о взаимопонимании между Республикой Науру и Австралией о создании постоянного регионального центра обработки в Республике Науру²². Указанный документ заменил собой аналогичный Меморандум 2013 г. Целью ставится создание устойчивой (enduring) региональной системы рассмотрения. В то же время фундаментальные положения соглашения остались неизменными. Можно предположить, что стороны продолжают свои попытки перехода от временной к долгосрочной стратегии взаимодействия. Меморандум содержит правовые гарантии и расширение механизмов сотрудничества, что отражает адаптацию

политики к критике такого рода актов. Значительное внимание в тексте нового Меморандума уделяется понятию «миграционные результаты» (migration outcomes), охватывающему такие формы, как расселение, интеграция и добровольное возвращение. Закрепляется возможность заключения дополнительных соглашений, вытекающих из этого акта. Австралия также обязуется содействовать программам расселения лиц, находящихся в Науру, в третьи страны. Наглядным примером подобного содействия может служить Соглашение о расселении между Австралией и Новой Зеландией, представленное в Совместном пресс-релизе с министром по делам иммиграции Новой Зеландии К. Фаафои, от 24 марта 2022 г.²³

В настоящее время это направление государственной политики Австралии продолжается под наименованием «Политика охраны границ» (Operation Sovereign Borders), в рамках которой декларируется, что любое лицо, прибывающее в Австралию морским путем без действительной визы, подлежит возвращению или передаче в третье государство для рассмотрения ходатайства о предоставлении международной защиты. Провозглашается также, что лица, незаконно прибывшие по морю, не смогут быть размещены на территории Австралии, независимо от результатов рассмотрения их обращений²⁴.

3.2. Израиль

Израиль, как и ряд других государств, прибегал к практике «экстернализации» международной защиты, передавая ответственность за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища третьим странам. Особенностью израильского подхода являлась секретность заключаемых соглашений.

В 2013 г. Израиль объявил о соглашении с «безопасной третьей страной» (позже выяснилось, что речь шла о Руанде и Уганде), куда начали отправлять лиц, ищущих убежище.

²¹ *Majid Karami Kamasae v. The Commonwealth of Australia & ORS* (in accordance with the attached schedule) [2017] VSC 537. 6 September 2017. URL: <https://jade.io/article/547646> (accessed date: 1.08.2025).

²² Memorandum of Understanding between the Republic of Nauru and Australia on the Enduring Regional Processing Capability in Republic of Nauru 2021. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/nauru/memorandum-understanding-between-republic-nauru-and-australia-enduring-regional-processing-capability-republic-nauru> (accessed date: 1.08.2025).

²³ Joint media release with the Hon Kris Faafoi, New Zealand Minister for Immigration – Australia – New Zealand Resettlement Arrangement. URL: <https://minister.homeaffairs.gov.au/KarenAndrews/Pages/australia-new-zealand-resettlement-arrangement.aspx> (accessed date: 1.08.2025).

²⁴ МВД Австралии: [официальный сайт]. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/what-we-do/border-protection/regional-processing-and-resettlement> (accessed date: 1.08.2025).

Им предлагали выбор: 1) возвращение в государство происхождения; 2) задержание в Израиле; 3) переезд в третью страну с выплатой 3 500 долларов и возможностью подачи ходатайства о предоставлении убежища на месте²⁵.

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев неоднократно выражало свою обеспокоенность тем фактом, что лица, ищущие убежище и беженцы из Эритреи и Судана были вынуждены согласиться на переселение в страны Африки под угрозой тюремного заключения в Израиле, где они подвергались преследованию. Оно отмечало, что за период с декабря 2013 г. по июнь 2017 г. около 4 000 эритрейцев и суданцев были переданы в рамках правительственной «программы добровольного отъезда» в две африканские страны, которыми, по сообщениям СМИ, являются Руанда и Уганда²⁶.

Также была попытка Израиля организовать программу расселения 16 тыс. лиц, ищущих убежище, в третьих странах по линии УВКБ ООН, где Израиль со своей стороны должен был признать за оставшимися статус беженца. Однако данное соглашение было отменено²⁷.

Израиль, как и Австралия, использовал формулировки «безопасная третья страна» и «расселение», однако, на деле эти меры представляли собой политику «экстернализации». Несмотря на декларируемую «добровольность»,

программа сопровождалась принудительными мерами, а отсутствие контроля за судьбой переданных лиц ставило под вопрос ее соответствие международному праву.

Судебные инстанции Израиля также рассматривали решения, принятые правительством. Например, именно суды обязали Израиль раскрыть детали «миграционных соглашений», соблюдать права лиц, ищущих убежище, а также неоднократно приостанавливали решения о депортации²⁸.

Верховный суд Израиля не раз принимал временные запрещающие высылку решения, а в апреле 2018 г. признал эту политику государства незаконной²⁹.

3.3. Дания

Дания также является одним из государств, предпринявших попытку законодательно закрепить передачу рассмотрения ходатайств о предоставлении международной защиты от лиц, ищущих убежище, за пределы своей юрисдикции. Закон № 1191 от 8 июня 2021 г.³⁰ предусматривал возможность заключения международных соглашений для передачи рассмотрения ходатайств от лиц, ищущих убежище, в третьи страны. Для реализации этой политики Дания совместно с Руандой приняли следующие «миграционные соглашения»:

²⁵ Special track for voluntary departure from Israel of infiltrators. URL: https://www.gov.il/en/pages/voluntary_return_operation (accessed date: 1.08.2025).

²⁶ UNHCR. UNHCR concerned over Israel's refugee relocation proposals. Press release. 17 November 2017. URL: <https://www.unhcr.org/news/news-releases/unhcr-concerned-over-israels-refugee-relocation-proposals> (accessed date: 1.08.2025); UNHCR appeals to Israel over forced relocations policy. Briefing note. 9 January 2018. URL: <https://www.unhcr.org/news/briefing-notes/unhcr-appeals-israel-over-forced-relocations-policy> (accessed date: 1.08.2025). (дата обращения: 05.08.2025).

²⁷ UNHCR. UNHCR-Israel Agreement on Eritreans/Sudanese. Press release. 3 April 2018. URL: <https://www.unhcr.org/news/news-releases/unhcr-and-israel-sign-agreement-find-solutions-eritreans-and-sudanese> (accessed date: 1.08.2025); UNHCR. UNHCR-Israel Agreement Cancellation. Press release. 3 April 2018. URL: <https://www.unhcr.org/news/news-releases/unhcr-statement-regarding-cancellation-israel-unhcr-agreement> (accessed date: 1.08.2025); UNHCR. UNHCR Israel: Legal Protection. UN Refugee Agency. URL: <https://www.unhcr.org/il/en/protection/legislation> (accessed date: 5.08.2025).

²⁸ International Refugee Rights Initiative (IRRI). "I was left with nothing": "Voluntary" departures of asylum seekers from Israel to Rwanda and Uganda. September 2015. P. 7-8. URL: <https://www.refworld.org/reference/countryrep/irri/2015/en/107046> (accessed date: 1.08.2025); How Israel's secret refugee deals collapsed in the light of day. – *The New Humanitarian*. 2018. 3 May. URL: <https://deeply.thenewhumanitarian.org/refugees/community/2018/05/03/how-israels-secret-refugee-deals-collapsed-in-the-light-of-day> (accessed date: 1.08.2025); UNHCR. Refugee protection and legislation in Israel. URL: <https://www.unhcr.org/il/en/protection/legislation> (accessed date: 4.08.2025).

²⁹ R (on the application of AAA and others) v. Secretary of State for the Home Department: UK Supreme Court Judgment. [2023] UKSC 93. 15 November 2023. Paras. 97. URL: https://supremecourt.uk/uploads/uksc_2023_0093_etc_judgment.pdf (accessed date: 5.08.2025).

³⁰ Lov om ændring af udlændingeloven og hjemrejseloven nr 1191 af 08/06/2021. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/2021/1191> (accessed date: 05.08.2025).

– Меморандум о взаимопонимании по политическим консультациям между правительством Королевства Дания и правительством Республики Руанда от 27 апреля 2021 г.³¹;

– Меморандум о взаимопонимании по вопросам убежища и миграции между правительством Республики Руанда и правительством Королевства Дания от 27 апреля 2021 г.³²;

– Совместное заявление о двустороннем сотрудничестве от 27 апреля 2021 г.³³

В Совместном заявлении стороны отмечали, что «существующая глобальная система предоставления убежища и миграции неэффективна, и требуется новый подход», а также что Руанда и Дания совместно изучают возможность создания программы, в рамках которой лица, ищущие убежище в Дании, могут быть переданы в Руанду для рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища и получения международной защиты, а также для возможного поселения в Руанде.

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев призывало Данию воздержаться от принятия законов и практик, которые минимизируют или перекладывают ее обязательства по предоставлению убежища и защиты на третьи страны. Оно также отмечало, что реализация этой политики на практике может привести к передаче лиц, ищущих убежище, в страны, где доступ к международной защите не гарантирован или где они могут столкнуться с серьезной угрозой их безопасности. Такие меры противоречат основополагающим

принципам и духу международной и европейской систем защиты беженцев. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев выражало опасения, что такие меры не основаны на солидарности и могут подорвать глобальную систему международной защиты³⁴.

Африканский союз также осудил инициативу, отметив, что принятый Закон позволит Дании отказаться от своей международной ответственности по предоставлению убежища, «а также откроет путь для более богатых и развитых стран, принимающих лишь 15 % беженцев в мире, к перекладыванию ответственности на развивающиеся страны, которые и без того несут бремя приема 85 % беженцев в мире, одновременно сталкиваясь с другими проблемами»³⁵.

В 2023 г. на национальном уровне вышеуказанные изменения были отменены³⁶. В настоящее время Дания не передает лиц, ищущих убежище, третьим странам на основе соглашений или политических договоренностей.

3.4. Великобритания

Начиная с 2022 г. Великобритания также решила применить политику передачи лиц, ищущих убежище, в Руанду³⁷. Первоначально был заключен Меморандум о взаимопонимании между Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительством Республики Руанда о создании партнерства по вопросам предоставления убежища от 14 апреля 2022 г.³⁸ В соответствии

³¹ Memorandum of Understanding between the Government of the Kingdom of Denmark and the Government of the Republic of Rwanda on Political Consultations. 2021. URL: <https://uim.dk/media/logfv1li/mou-on-political-consultations-between-rwanda-and-denmark.pdf> (accessed date: 1.08.2025).

³² Memorandum of Understanding on Asylum and Migration between the Government of the Republic of Rwanda and the Government of the Kingdom of Denmark. 2021. URL: https://www.minaffet.gov.rw/fileadmin/user_upload/Minaffet/Publications/MoU_on_Asylum_and_Migration_between_Rwanda_and_Denmark.pdf (accessed date: 1.08.2025).

³³ Joint Statement on Bilateral Cooperation. 2021. URL: <https://uim.dk/media/hq3dzgsw/faelles-erklaering.pdf> (accessed date: 1.08.2025).

³⁴ UNHCR. UNHCR Observations on the Proposal for amendments to the Danish Alien Act (Introduction of the possibility to transfer asylum-seekers for adjudication of asylum claims and accommodation in third countries). 8 March 2021. Paras. 5, 7, 29. URL: <https://www.refworld.org/legal/natlegcomments/unhcr/2021/en/123501> (accessed date: 6.08.2025).

³⁵ Press Statement On Denmark's Alien Act provision to Externalize Asylum procedures to third countries. URL: <https://au.int/en/pressreleases/20210802/press-statement-denmarks-alien-act-provision-externalize-asylum-procedures> (accessed date: 1.08.2025); Vedsted-Hansen J. Denmark's Legislation on Extraterritorial Asylum in Light of International and EU Law. – *EU Migration Law Blog*. 15 June 2021. URL: <https://eumigrationlawblog.eu/denmarks-legislation-on-extraterritorial-asylum-in-light-of-international-and-eu-law/> (accessed date: 5.08.2025).

³⁶ LOV nr 488 af 13/05/2023. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/2023/488> (accessed date: 1.08.2025); LBK nr 1009 af 02/09/2024. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/2024/1009> (accessed date: 1.08.2025).

³⁷ UK-Rwanda World first partnership to tackle global migration crisis. URL: <https://www.gov.uk/government/news/world-first-partnership-to-tackle-global-migration-crisis> (accessed date: 1.08.2025).

³⁸ UK Government. Memorandum of Understanding between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Republic of Rwanda for the Provision of an Asylum Partnership Arrangement

с Меморандумом лица, ищущие убежище, прибывшие в Великобританию нелегально, подлежали передаче в Руанду. Согласно условиям этого акта, ходатайства о предоставлении международной защиты таких лиц рассматривались бы не в Великобритании, а на территории Руанды. В случае признания статуса беженца они получали бы право на проживание и интеграцию в Руанде, но не возвращались бы в Великобританию. Главной заявленной целью инициативы была борьба с незаконной миграцией, в частности, пересечением пролива Ла-Манш на лодках. По своей правовой природе Меморандум следует квалифицировать как соглашение государств в форме договоренности об их политических обязательствах [Иванов, Пчелинцева 2022:38].

В рамках партнерства Великобритании объя-
залась инвестировать 120 млн фунтов стерлин-
гов в экономику Руанды³⁹. Согласно данным
Национального бюро аудита, со стороны Вели-
кобритании к началу 2024 г. было потрачено как
минимум 318 млн фунтов стерлингов⁴⁰.

Как и в случае с Австралией и Израилем, различные судебные инстанции запрещали передачу лиц в Руанду. 14 июня 2022 г. должна была состояться первая передача лиц, ищущих убежище, в Руанду. Однако Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) принял временные меры, приостанавливающие передачу лиц⁴¹.

Законность этой политики также была рассмотрена национальными судами Великобритании. Суд первой инстанции постановил, что политика Руанды в принципе законна, однако

при ее реализации в конкретных случаях были допущены процедурные ошибки. Апелляционный суд большинством голосов отменил это решение, признав политику незаконной по причине наличия рисков нарушения принципа невысылки. 15 ноября 2023 г. Верховный суд Великобритании единогласно поддержал решение Апелляционного суда, окончательно признав данную политику незаконной. Суд установил, что в Руанде существуют системные недостатки в процедурах рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, включая отсутствие независимости судей, высокий уровень отказов и случаи нарушения принципа невысылки⁴².

Следует отметить, что при вынесении решения Верховный суд Великобритании принял во внимание доказательства, представленные УВКБ ООН и свидетельствующие о несоблюдении правительством Руанды гарантий, включая гарантию невысылки, установленных в аналогичном соглашении с Израилем⁴³.

На эти решения правительство ответило заключением Соглашения между правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и правительством Республики Руанда о предоставлении убежища в целях укрепления общих международных обязательств по защите беженцев и мигрантов от 5 декабря 2023 г.⁴⁴ Оно закрепляло более высокие стандарты защиты для вынужденных мигрантов, например, запрещало высылать вынужденных мигрантов, направленных из Великобритании в Руанду в третью страну, даже если они не получали статуса беженца. Таким

signed 14 April 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-mou-between-the-uk-and-rwanda/memorandum-of-understanding-between-the-government-of-the-united-kingdom-of-great-britain-and-northern-ireland-and-the-government-of-the-republic-of-r> (accessed date: 5.08.2025).

³⁹ World first partnership to tackle global migration crisis. URL: <https://www.gov.uk/government/news/world-first-partnership-to-tackle-global-migration-crisis> (accessed date: 1.08.2025).

⁴⁰ Investigation into the costs of the UK–Rwanda Partnership. URL: <https://www.nao.org.uk/reports/investigation-into-the-costs-of-the-uk-rwanda-partnership/> (accessed date: 1.08.2025).

⁴¹ K.N. v. United Kingdom. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng--press#{%22itemid%22:\[%22003-7359967-10054452%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng--press#{%22itemid%22:[%22003-7359967-10054452%22]}) (accessed date: 1.08.2025); Recent Case: K.N. v. the United Kingdom. URL: <https://harvardlawreview.org/blog/2022/06/recent-case-kn-united-kingdom/> (accessed date: 1.08.2025).

⁴² UK Supreme Court Judgment. *R (on the application of AAA and others) v. Secretary of State for the Home Department*. [2023] UKSC 93. 15 November 2023. URL: https://supremecourt.uk/uploads/uksc_2023_0093_press_summary_435372d8db.pdf (accessed date: 5.08.2025); [Захаров, Агафосин 2024:121].

⁴³ UK Supreme Court Judgment, *R (on the application of AAA and others) v. Secretary of State for the Home Department* [2023] UKSC 93, 15 November 2023. Paras. 95-100.

⁴⁴ UK Government. Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Republic of Rwanda for the provision of an asylum partnership to strengthen shared international commitments on the protection of refugees and migrants: signed 5 December 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-rwanda-treaty-provision-of-an-asylum-partnership/uk-rwanda-treaty-provision-of-an-asylum-partnership-accessible> (accessed date: 5.08.2025).

образом правительство пыталось учесть критику и решения национальных и международных судебных инстанций и реализовать планы по передаче вынужденных мигрантов на территорию Руанды.

Также правительство Великобритании приняло Закон о безопасности Руанды (убежище и иммиграция) от 25 апреля 2024 г.⁴⁵, объявляющий Руанду «безопасной третьей страной». Данный Закон ограничил возможности оспаривания передачи лиц, ищущих убежище, за исключением индивидуальных исключительных случаев, и обязал британские суды исходить из презумпции безопасности Руанды.

Тем не менее в июле 2024 г. новое правительство официально отказалось от реализации политики передачи лиц, ищущих убежище, в Руанду. Было заявлено о перераспределении выделенных средств на создание новой службы охраны границ и реформу системы убежища. Отмечается, что за все время действия политики ни один человек так и не был передан в Руанду.

3.5. Италия

Аналогичным образом действовала Италия в сотрудничестве с Албанией.

Правительство Итальянской Республики и Совет министров Албанской Республики подписали Протокол об экстерриториальном управлении миграцией 6 ноября 2023 г.⁴⁶ Он предусматривал создание на территории Албании двух центров – одного в порту Шенгин (для первичного приема), другого в городе Гядере (для содержания) – для содержания мигрантов и рассмотрения их ходатайств о предоставлении международной защиты. Согласно Протоколу, Албания безвозмездно передавала Италии на пять лет «участки» на своей территории, которые переходили под юрисдикцию Италии. Все действия, осуществляемые в центрах, включая

процедуры содержания и рассмотрения заявлений, подчинялись исключительно итальянскому законодательству.

Протокол был разработан формально с учетом основных требований, выдвигаемых международным правом и рекомендациями УВКБ ООН. Все расходы, связанные с реализацией положений соглашения, включая строительство и содержание центров, брала на себя итальянская сторона. Особенно важной является ст. 12, обязывающая Италию покрывать все издержки в случае подачи исков против Албании, связанных с действиями, осуществляемыми на территории центров.

С самого начала Протокол вызвал обеспокоенность среди правозащитников. Комиссар Совета Европы по правам человека Д. Миятович заявила, что это соглашение «усиливает тревожную европейскую тенденцию к экстернализации обязанностей по предоставлению убежища» и может спровоцировать эффект домино, подрывающий систему международной защиты⁴⁷. В свою очередь, директор Агентства ЕС по основным правам С. Раутио предупредила, что «планируемые центры возвращения не должны стать зонами, освобожденными от обязательств соблюдения прав человека»⁴⁸.

Изначально планировалось передавать в центры в первую очередь лиц, перехваченных в море, и рассматривать их ходатайства о предоставлении убежища на территории этих центров.

Суды Италии существенно ограничили реализацию положений Протокола, отменив решения о высылке лиц, ищущих убежище, в «безопасные страны происхождения», по мнению правительства Италии. В частности, Суд Катании и Суд Рима постановили, что определение Бангладеш и Египта в качестве безопасной страны нарушает право ЕС и национальное законодательство⁴⁹.

⁴⁵ UK Government. Safety of Rwanda (Asylum and Immigration) Act 2024. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/8> (accessed date: 5.08.2025).

⁴⁶ Protocol on extraterritorial migration management between the Government of the Italian Republic and the Council of Ministers of the Albanian Republic. URL: <https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2023/12/PROTOCOLLO-ITALIA-ALBANIA-in-materia-migratoria.pdf> (accessed date: 1.08.2025).

⁴⁷ Italy-Albania agreement adds to worrying European trend towards externalising asylum procedures. – *Commissioner for Human Rights*. 2023. URL: <https://www.coe.int/en/web/commissioner/-/italy-albania-agreement-adds-to-worrying-european-trend-towards-externalising-asylum-procedures> (accessed date: 21.04.2025).

⁴⁸ FRA. Planned return hubs cannot be rights-free zones. Press release. 2025. URL: <https://fra.europa.eu/it/news/2025/planned-return-hubs-cannot-be-rights-free-zones> (accessed date: 1.08.2025).

⁴⁹ European Union Agency for Asylum (EUAA). 2024 EUAA Quarterly Overview of Asylum Case Law. 2024. Issue 4. P. 11. URL: https://euaa.europa.eu/sites/default/files/publications/2024-12/2024_EUAA_Quarterly_Overview_Asylum_Case_

Также Суд ЕС вынес решение по делу двух граждан Бангладеш, которым было отказано в убежище⁵⁰. Суд, рассмотрев дело в преюдициальном порядке, постановил, что государство-член не может включать третью страну в перечень «безопасных стран происхождения», если последняя не обеспечивает эффективную защиту всем категориям населения, включая лиц, ищущих убежище.

На начальном этапе институты ЕС заняли нейтральную позицию по отношению к соглашению. Еврокомиссар по внутренним делам И. Йоханссон заявила, что положения Протокола не противоречат праву ЕС⁵¹.

В июле 2024 г. председатель Комиссии ЕС У. фон дер Ляйен заявила, что ЕС будет и далее развивать «новые формы борьбы с нелегальной миграцией с соблюдением международного права»⁵². В марте 2025 г. Комиссия ЕС представила новое предложение Регламента Европейского парламента и Совета, устанавливающего общую систему возвращения граждан третьих стран, незаконно прибывающих в ЕС, и отменяющего Директиву 2008/115/ЕС Европейского парламента и Совета, Директиву Совета 2001/40/ЕС и Решение Совета 2004/191/ЕС (далее – проект Регламента о возвращении)⁵³. Согласно п. 3 ст. 4 Регламента страной возвращения (country of return) может также выступить третья страна, с которой заключено соответствующее соглашение или договоренность (agreement or arrangement).

Согласно п. 1 ст. 17 Регламента такое соглашение или договоренность могут быть заключены только с третьей страной, в которой соблюдаются международные стандарты и принципы в области прав человека, в соответствии с международным правом, включая принцип невысылки.

Пункт 2 ст. 17 устанавливает обязательные элементы соглашения, в числе которых:

- процедуры передачи незаконно пребывающих лиц;
- условия пребывания в третьей стране, включая соответствующие обязательства и ответственность государства-члена и этой третьей страны;
- условия последующего возвращения в страну происхождения или в другую страну (где это приемлемо);
- обязательство соблюдения третьей страной международных стандартов и принципов в области прав человека в соответствии с международным правом, включая принцип невысылки;
- наличие независимого контрольного органа или механизма, обеспечивающего эффективное применение положений соглашения или договоренностей;
- последствия, которые будут иметь место в случае нарушения соглашения или договоренности или существенного изменения, оказывающего неблагоприятное воздействие на ситуацию в третьей стране.

Пункт 3 ст. 17 обязывает государства-члены уведомлять Комиссию ЕС и другие государства-члены перед заключением соглашения или договоренности.

В соответствии с п. 4 несопровождаемые несовершеннолетние и семьи с детьми не подлежат возвращению в третьи страны даже при наличии соглашения.

Данный проект Регламента может стать правовой основой для создания «центров возврата» (return hubs) в третьих странах [Потемкина 2025:44-45]. Кроме того, он предусматривает введение «европейского ордера на возврат»

Law_Issue4_EN.pdf (accessed date: 1.08.2025); Judges block Albania model again and order return of 7 migrants to Italy. – *Euronews*. 11 November 2024. URL: <https://www.euronews.com/2024/11/11/judges-block-albania-model-again-and-order-return-of-7-migrants-to-italy> (accessed date: 5.08.2025).

⁵⁰ Court of Justice of the European Union. Press Release No 103/25. Judgment of the Court in Joined Cases C-758/24 (Alace) and C-759/24 (Canpelli). Luxembourg, 2025. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2025-08/cp250103en.pdf> (accessed date: 4.08.2025).

⁵¹ Italy-Albania migrants deal does not breach EU law, Brussels says. – *Reuters*. 2023. 15 November. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/italy-albania-migrants-deal-does-not-breach-eu-law-brussels-says-2023-11-15/> (accessed date: 4.08.2025).

⁵² European Commission. Political Guidelines 2024–2029: The Next Strategic Agenda for the European Union. Brussels, 2024. 25 p. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf (accessed date: 4.08.2025).

⁵³ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a common system for the return of third-country nationals staying illegally in the Union, and repealing Directive 2008/115/EC of the European Parliament and the Council, Council Directive 2001/40/EC and Council Decision 2004/191/ECCOM/2025/101 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025PC0101> (accessed date: 1.05.2025).

(European Return Order) и взаимное признание решений о возвращении со стороны государств – членов ЕС.

На этом фоне 28 марта 2025 г. итальянское правительство приняло декрет, разрешающий передавать в центр в городе Гядере в Албании лиц, которым было отказано в предоставлении международной защиты на территории Италии⁵⁴. Уже 11 апреля 2025 г. первые 40 человек, получившие отказ в предоставлении международной защиты, были переданы в указанный центр⁵⁵.

Таким образом, Италия не отказывается от использования центров в Албании. Опираясь на проект Регламента о возвращении, предложенный Комиссией ЕС, страна предпринимает попытки внедрить его положения на национальном уровне еще до официального вступления Регламента в силу.

4. Выводы и заключения

«Экстернализация» международной защиты между государствами в настоящее время представляет собой комплекс противоречащих их международно-правовым обязательствам мер, при которых одни государства, вместо обеспечения доступа к национальной системе убежища, передают лиц, ищущих убежище, в другие государства. «Экстернализация» проявляется в различных формах. Несмотря на то, что все «миграционные соглашения» по «экстернализации» преследуют одну и ту же цель, в каждом конкретном случае выявляются особенности, обусловленные различными факторами [Эржон, Гиола 2024:45].

Соглашения по «экстернализации» могут иметь форму: международных договоров, подлежащих ратификации и регулируемых нормами международного права; политических договоренностей, не имеющих обязательной юридической силы в международном праве. Согласно

позиции УВКБ ООН, регулирование основных прав и гарантий вынужденных мигрантов недопустимо исключительно на основе политических договоренностей, которые не проходят парламентский контроль и не обеспечивают достаточных процедурных гарантий. Примечательно, что основой для «экстернализации» чаще всего служат именно политические договоренности. Вместе с тем в последние годы прослеживается тенденция к переходу от политических договоренностей к международным договорам, формально закрепляющим права и гарантии вынужденных мигрантов.

Опыт УВКБ ООН и практика государств (Дании, Австралии, Израиля, Великобритании, Италии и др.) показывают, что, даже если соглашения и политические договоренности по «экстернализации» соответствуют формальным стандартам, они часто приводят к нарушениям прав человека. Особенно высоки риски, когда принимающими государствами выступают государства с недостаточно развитой национальной системой убежища (Руанда, Уганда, Науру и др.).

Как показала практика, судебные инстанции могут быть эффективным механизмом в защите от негативных последствий «экстернализации». В ряде случаев международные и национальные суды приостанавливали или отменяли «миграционные соглашения», выявляя системные недостатки и несоответствие международным стандартам.

Достаточно часто меры, которые, по сути, представляют собой «экстернализацию», преподносятся государствами как «программы расселения» или «передача в безопасную третью страну», хотя фактически не отвечают критериям этих понятий. Подобная подмена терминов ведет к их размыванию и усложняет правовую квалификацию.

Анализ показывает, что при заключении такого рода «миграционных соглашений»

⁵⁴ Decreto-legge 28 marzo 2025. N. 37. Disposizioni urgenti per il contrasto dell'immigrazione irregolare. – *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*. Serie generale. No. 74. 28 marzo 2025. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2025/03/28/25G00050/sg> (accessed date: 1.08.2025); Italy approves new decree to use Albanian migration centers as repatriation hubs. – *The Associated Press*. URL: <https://apnews.com/article/italy-albania-migrants-centers-deportation-eu-02ab436836d44d624f2cffb529a35163> (accessed date: 1.08.2025); п. 2 ст. 3 LEGGE 21 febbraio 2024. N. 14 Ratifica ed esecuzione del Protocollo tra il Governo della Repubblica italiana e il Consiglio dei ministri della Repubblica di Albania per il rafforzamento della collaborazione in materia migratoria, fatto a Roma il 6 novembre 2023, nonché norme di coordinamento con l'ordinamento interno (24G00028). URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2024-02-21;14~art3> (accessed date: 1.05.2025).

⁵⁵ Italy sends failed asylum seekers to vacant Albanian detention centre. – *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/italy-sends-failed-asylum-seekers-vacant-albanian-detention-centre-2025-04-11/> (accessed date: 25.05.2025).

ответственность перекладывается на развивающиеся страны, которые принимают около 85 % всех вынужденных мигрантов. Как правило, развивающиеся государства, где национальные системы убежища не полностью сформированы, соглашаются принимать вынужденных мигрантов в ответ на политические и финансовые преференции от развитых государств.

Предложения по закреплению в праве ЕС возможности передачи государствами-членами вынужденных мигрантов в третьи страны на основании соглашений или договоренностей несет в себе риски «экстернализации». Однако общая тенденция свидетельствует о постепенном закреплении на уровне ЕС политики «экстернализации» в качестве новой формы борьбы с нелегальной миграцией⁵⁶.

Государства проводят политику «экстернализации» для противодействия незаконной миграции. Однако, фокусируясь в первую очередь на задачах государственной безопасности и сокращении нелегальных миграционных потоков, они часто игнорируют комплексный подход к проблеме. Таким образом, формирующаяся тенденция заключения подобных соглашений и политических договоренностей не только приводит к значительным финансовым затратам, судебным разбирательствам, но и угрожает подрывом глобальной системы международной защиты вынужденных мигрантов. Дальнейшее изучение проблематики требует выработки такого подхода к сотрудничеству государств в этой области, где будут учитываться международные стандарты, разработанные, в частности, УВКБ ООН.

Список литературы

1. Бирюков М.М., Алиев Д.М. 2018. Дублинское регулирование: история становления и содержание. *Московский журнал международного права*. № 2. С. 115-125. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/261?locale=ru_RU (дата обращения: 01.08.2025).
2. Захаров И.А., Агафшин М.М. 2024. Экстернализация политики убежища Британии после брексита. – *Современная Европа*. № 2 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksternalizatsiya-politiki-ubezhischa-britanii-posle-breksita> (дата обращения: 05.08.2025).
3. Иванов Д.В., Пчелинцева В.В. 2022. Миграционная политика Великобритании после Брексита: международно-правовые аспекты – *Право и управление*. XXI век. Т. 18. № 4 (65). С. 34-46. URL: https://mgimopravo.elpub.ru/jour/article/view/366?locale=ru_RU (дата обращения: 01.08.2025).
4. Потемкина О.Ю. 2025. Перспективы реализации Пакта о миграции и убежище. – *Европейский Союз: факты и комментарии*. № 119. С. 43-47.
5. Эржон М., Гиола К. 2024. «Экстернализация» миграционной политики и политики предоставления убежища Европейского союза: кейс соглашения между Италией и Албанией. – *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 4. С. 40-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksternalizatsiya-migratsionnoy-politiki-i-politiki-predostavleniya-ubezhischa-evropeyskogo-soyuzaz-keys-soglasheniya-mezhdu-italiey> (дата обращения: 09.08.2025).
6. Bar-Tuvia Sh. 2018. Australian and Israeli Agreements for the Permanent Transfer of Refugees: Stretching Further the (Il)legality and (Im)morality of Western Externalization Policies. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 30. Issue 3. P. 474-511.
7. Bill F., Kysel I.M., Podkul J. 2016. The impact of externalization of migration controls on the rights of asylum seekers and other migrants. – *Journal on Migration and Human Security* 4.4. P. 190-220. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epdf/10.1177/233150241600400402> (accessed date: 1.08.2025).
8. Cantor D., Tan N.F., Gkliati M., Mavropoulou E., Allinson K., Chakrabarty S., Grundler M., Hillary L., McDonnell E., Moodley R., Phillips St., Pijnenburg A., Reyhani A.-N., Soares S., Yacoub N. 2022. Externalisation, Access to Territorial Asylum, and International Law. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 34. Issue 1. P. 120-156.
9. Dastyari A., Ghezelbash D. 2020. Asylum at Sea: The Legality of Shipboard Refugee Status Determination Procedures. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 32. Issue 1. P. 1-27. URL: <https://scholarship.richmond.edu/lawreview/vol29/iss1/7> (accessed date: 1.08.2025).
10. Dinas E., Matakos K., Xeferis D., Hangartner D. 2019. Waking Up the Golden Dawn: Does Exposure to the Refugee Crisis Increase Support for Extreme-Right Parties? – *Political Analysis*. Vol. 27 (2). P. 244-254. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/political-analysis/article/waking-up-the-golden-dawn-does-exposure-to-the-refugee-crisis-increase-support-for-extremeparties/C50A127C-C517968F2D0FA42A2A23FF85> (accessed date: 1.08.2025).
11. Goodwin-Gill G. 2001. After the Cold War: asylum and the refugee concept move on. – *Forced Migration Review*. Vol. 10. URL: <https://www.fmreview.org/goodwin-gill-2/> (accessed date: 1.08.2025).
12. Goodwin-Gill G. 2011. The Right to Seek Asylum: Interception at Sea and the Principle of Non-Refoulement. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 23. Issue 3. P. 455-457.
13. Holly G. 2018. Transnational Tort and Access to Remedy under the UN Guiding Principles on Business and Human Rights: *Kamasae v. Commonwealth*. – *Melbourne Journal of International Law*. Vol. 19. No. 1.

⁵⁶ Гукепшев А.А. *Правовое обеспечение системной реформы политики Европейского союза в сфере вынужденной миграции*. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 211-212. URL: <https://mgimo.ru/science/diss/gukepshev-a-a.php> (дата обращения: 01.08.2025).

14. Koh H. 1995. America's Offshore Refugee Camps. – *29 Richmond Law Review*. Vol. 139. P. 139-173.
15. Magner T. 2004. A Less than 'Pacific' Solution for Asylum Seekers in Australia. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 16. Issue 1. P. 79-81.
16. McAdam J. 2013. Australia and Asylum Seekers. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 25. Issue 3. P. 435-448.
17. Osso B.N. 2023. Unpacking the Safe Third Country Concept in the European Union: B/orders, Legal Spaces, and Asylum in the Shadow of Externalization. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 35. Issue 3. P. 272-303. URL: <https://academic.oup.com/ijrl/article/35/3/272/7477630?searchresult=1#438928376> (accessed date: 1.08.2025).
18. Perez C.S. 2023. The Securitization of Asylum: A Review of UK Asylum Laws Post-Brexit. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 35. Issue 3. P. 304-321. URL: <https://academic.oup.com/ijrl/article/35/3/304/7468515?searchresult=1> (accessed date: 23.08.2025).
19. Pijnenburg A. 2023. Migration Deals Seen through the Lens of the ICESCR. – *International Journal of Refugee Law*. Vol. 35. Issue 2. P. 151-170. URL: <https://academic.oup.com/ijrl/article/35/2/151/7222888?searchresult=1#426896082> (accessed date: 1.08.2025).
20. Taylor S. 2010. Australia's Funded Care and Maintenance of Asylum Seekers in Indonesia and Papua New Guinea: All Care but No Responsibility? – *University of New South Wales Law Journal*. Vol. 33. Issue 2. P. 337-359. URL: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/wp-content/uploads/2017/09/33-2-12.pdf> (accessed date: 23.08.2025).
21. Dinas E, Matakos K, Xeferis D, Hangartner D. Waking Up the Golden Dawn: Does Exposure to the Refugee Crisis Increase Support for Extreme-Right Parties? – *Political Analysis*. 2019. Vol. 27 (2). P. 244-254. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/political-analysis/article/waking-up-the-golden-dawn-does-exposure-to-the-refugee-crisis-increase-support-for-extrem-right-parties/C50A127CC517968F2D0FA42A23FF85> (accessed date: 1.08.2025).
22. Goodwin-Gill G. After the Cold War: asylum and the refugee concept move on. – *Forced Migration Review*. 2001. Vol. 10. URL: <https://www.fmreview.org/goodwingill-2/> (accessed date: 1.08.2025).
23. Goodwin-Gill G. The Right to Seek Asylum: Interception at Sea and the Principle of Non-Refoulement. – *International Journal of Refugee Law*. 2011. Vol. 23. Issue 3. P. 455-457.
24. Holly G. Transnational Tort and Access to Remedy under the UN Guiding Principles on Business and Human Rights: *Kamasae v. Commonwealth*. – *Melbourne Journal of International Law*. 2018. Vol. 19. No. 1.
25. Ivanov D.V., Pchelinceva V.V. Migracionnaja politika Velikobritanii posle Breksita: mezhdunarodno-pravovye aspekty [UK migration policy after Brexit: International legal aspects]. – *Pravo i upravlenie XXI vek [Law and Governance. XXI century]*. 2022. T. 18. № 4 (65). S. 34-46. URL: https://mgimopravo.elpub.ru/jour/article/view/366?locale=ru_RU (data obrashhenija: 01.08.2025). (In Russ.)
26. Jerzhon M., Giola K. «Jeksternalizacija» migracionnoj politiki i politiki predostavleniya ubezshishha Evropejskogo sojuza: kejs soglasheniya mezhdru Italiej i Albaniej ["Externalization" of migration and asylum policy of the European Union: a case study of the agreement between Italy and Albania]. – *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. [Bulletin of International Organizations: education, Science, New Economy]*. 2024. № 4. S. 40-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksternalizatsiya-migratsionnoy-politiki-i-politiki-predostavleniya-ubezhishcha-evropeyskogo-soyuza-keys-soglasheniya-mezhdru-italiej> (data obrashhenija: 09.08.2025). (In Russ.)
27. Koh H. America's Offshore Refugee Camps. – *29 Richmond Law Review*. 1995. Vol. 139. P. 139-173.
28. Magner T. A Less than 'Pacific' Solution for Asylum Seekers in Australia. – *International Journal of Refugee Law*. 2004. Vol. 16. Issue 1. P. 79-81.
29. McAdam J. Australia and Asylum Seekers. – *International Journal of Refugee Law*. 2013. Vol. 25. Issue 3. P. 439.
30. Osso B.N. Unpacking the Safe Third Country Concept in the European Union: B/orders, Legal Spaces, and Asylum in the Shadow of Externalization. – *International Journal of Refugee Law*. 2023. Vol. 35. Issue 3. P. 278-279. URL: <https://academic.oup.com/ijrl/article/35/3/272/7477630?searchresult=1#438928376> (accessed date: 1.08.2025).
31. Perez C.S. The Securitization of Asylum: A Review of UK Asylum Laws Post-Brexit. – *International Journal of Refugee Law*. 2023. Vol. 35. Issue 3. P. 304-321. URL: <https://academic.oup.com/ijrl/article/35/3/304/7468515?searchresult=1> (accessed date: 23.08.2025).
32. Pijnenburg A. Migration Deals Seen through the Lens of the ICESCR. – *International Journal of Refugee Law*. 2023. Vol. 35. Issue 2. P. 151-170. URL: <https://academic.oup.com/ijrl/article/35/2/151/7222888?searchresult=1#426896082> (accessed date: 1.08.2025).
33. Bar-Tuvia Sh. Australian and Israeli Agreements for the Permanent Transfer of Refugees: Stretching Further the (Il)legality and (Im)morality of Western Externalization Policies. – *International Journal of Refugee Law*. 2018. Vol. 30. Issue 3. P. 474-511.
34. Bill F., Kysel I.M., Podkul J. The impact of externalization of migration controls on the rights of asylum seekers and other migrants. – *Journal on Migration and Human Security* 4.4. 2016. P. 190-220. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epdf/10.1177/233150241600400402> (accessed date: 1.08.2025).
35. Birjukov M.M., Aliev D.M. Dublinskoe regulirovanie: istorija stanovlenija i sodержanie [Dublin regulation: the history of its formation and content]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2018. № 2. S. 115-125. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/view/261?locale=ru_RU (data obrashhenija: 01.08.2025). (In Russ.)
36. Cantor D., Tan N.F., Gkliati M., Mavropoulou E., Allinson K., Chakrabarty S., Grundler M., Hillary L., McDonnell E., Moodley R., Phillips St., Pijnenburg A., Reyhani A.-N., Soares S., Yacoub N. Externalisation, Access to Territorial Asylum, and International Law. – *International Journal of Refugee Law*. 2022. Vol. 34. Issue 1. P. 120-156.
37. Dastyari A., Ghezelbash D. Asylum at Sea: The Legality of Shipboard Refugee Status Determination Procedures. – *International Journal of Refugee Law*. 2020. Vol. 32. Issue 1. P. 1-27. URL: <https://scholarship.richmond.edu/lawreview/vol29/iss1/7> (accessed date: 1.08.2025).

References

18. Potemkina O.Ju. Perspektivy realizacii Pakta o migracii i ubezishhe [Prospects for the implementation of the Migration and Asylum Pact]. – *Evropejskij Sojuz: fakty i kommentarii [The European Union: facts and comments]*. 2025. № 119. S. 43-47. (In Russ.)
19. Taylor S. Australia's Funded Care and Maintenance of Asylum Seekers in Indonesia and Papua New Guinea: All Care but No Responsibility? – *University of New South Wales Law Journal*. 2010. Vol. 33. Issue 2. P. 337-359. URL: <https://www.unswlawjournal.unsw.edu.au/wp-content/uploads/2017/09/33-2-12.pdf> (accessed date: 23.08.2025).
20. Zaharov I.A., Agafoshin M.M. Jeksternalizacija politiki ubezishha Britanii posle brekzita [The externalization of Britain's asylum policy after Brexit]. – *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*. 2024. № 2 (123). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksternalizatsiya-politiki-ubezhischa-britanii-posle-brekzita> (data obrashhenija: 05.08.2025). (In Russ.)

Информация об авторе**Дмитрий Владимирович ИВАНОВ**

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

About the Author**Dmitry V. IVANOV**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1231-6072

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-24-34>

Research article
UDC: 341.225
Received 4 October 2025
Approved 15 December 2025

Daria S. BOKLAN

National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022

dboklan@hse.ru

ORCID: 0000-0001-8843-3473

NEW DIMENSION OF INTERNATIONAL COOPERATION WITHIN THE BRICS: INTERNATIONAL LEGAL APPROACH

*A unique combination of unity in diversity
can play a constructive role in international cooperation
and in shaping the future global order.
[Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:10]*

INTRODUCTION. *This article discusses how such principle of international law as principle of cooperation develops within the BRICS. The choice of this topic is based on the fact that today we are facing crisis of classical international organizations, such as the United Nations and the World Trade Organization on the one hand and on the other hand active and effective development of international cooperation within the BRICS. However, BRICS does not possess international legal capacity. This means that, it does not possess international rights and obligations; it cannot act as subject of international law. From the first sight these facts should be regarded as obvious weakness of such form of international cooperation as BRICS. However, this form of cooperation as will be shown in this article have demonstrated its effectiveness in development of international cooperation in various spheres. Alongside with that, BRICS attracted very little attention in the international legal scholarship and was predominantly assessed by political science and political economy. This article is aimed at filling this gap, assessing BRICS from international legal perspective.*

MATERIALS AND METHODS. *General scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, and deduction), special legal methods (formal-legal,*

technical-legal, method of legal analogy), comparative legal and case study method were used in the presented research.

RESEARCH METHODS. *This article elaborates on new landscape of international legal principle of international cooperation through soft law-making and informality addressing the question whether such form of international cooperation as BRICS may provide an alternate or a complementary forum to cooperate and agree to mutually acceptable decisions on matters relating to international rulemaking. The author proposes conceptual discussion on whether duty to cooperate, to be indeed effective, should be based on the principles enshrined in the BRICS instruments such as multipolarity, inclusiveness and mutual benefit and whether these instruments reflect progressive development of principle of international cooperation. The author continues with a discussion on whether "soft" nature of BRICS and its approach to the principle of cooperation could provide a way to overcome today's crisis that classic international organizations are facing.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author of this paper argues that considering BRICS phenomena, international law should evolve focusing on pro-*

gressive development of principle of international cooperation. This will increase efficiency of international law under today's crisis of classical international organizations. BRICS could be regarded as a soft institution (by analogy with so called "soft law") which at least supplement classical international organizations or at most may substitute them. National interests, multipolarity, inclusiveness and mutual benefit as main pillars reflecting development of cooperation withing the BRICS should be taken as basis for progressive development of international legal principle of international cooperation.

KEYWORDS: *principle of international cooperation, progressive development, BRICS, soft law*

FOR CITATION: Boklan D.S. New Dimension of International Cooperation within the BRICS: International Legal Approach. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-24-34>

The author declares the absence of conflict of interest.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-24-34>

Исследовательская статья

УДК: 341.225

Поступила в редакцию: 04.10.2025

Принята к публикации: 15.12.2025

Дарья Сергеевна БОКЛАН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Гагарина пр., 23, Нижний Новгород, Российская Федерация, 603022

dboklan@hse.ru

ORCID: 0000-0001-8843-3473

НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ БРИКС: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Уникальное сочетание единства в многообразии может сыграть конструктивную роль в международном сотрудничестве и формировании будущего мирового порядка. [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:10]

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается, как развивается такой принцип международного права, как принцип сотрудничества, в рамках БРИКС. Выбор этой темы продиктован тем, что сегодня мы сталкиваемся, с одной стороны, с кризисом классических международных организаций, таких как ООН и Всемирная торговая организация, а с другой – с активным и эффективным развитием международного сотрудничества в рамках БРИКС. Однако БРИКС не обла-

дает международной правоспособностью. Это означает, что БРИКС не обладает международными правами и обязательствами, не может выступать в качестве субъекта международного права. На первый взгляд, эти факты следует рассматривать как очевидную слабость такой формы международного сотрудничества, как БРИКС. Однако, как будет показано в статье, эта форма сотрудничества продемонстрировала свою эффективность в развитии между-

народного сотрудничества в различных сферах. Наряду с этим БРИКС уделено очень мало внимания в международной юридической науке. Преимущественно БРИКС рассматривается специалистами в сфере политологии и политической экономики. Цель статьи – восполнить этот пробел, оценив БРИКС с международно-правовой точки зрения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В представленном исследовании использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция и дедукция), специальные юридические методы (формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии), сравнительно-правовой и ситуационный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье рассматриваются новые аспекты международно-правового принципа международного сотрудничества посредством мягкого права и неформальности, рассматривается вопрос о том, может ли такая форма международного сотрудничества, как БРИКС, стать альтернативным или дополняющим форумом для сотрудничества и согласования взаимоприемлемых решений по вопросам, касающимся международного нормотворчества. Автор предлагает концептуальную дискуссию о том, должна ли обязанность сотрудничать, чтобы быть действительно эффективной, основываться на принципах, закрепленных в рамках БРИКС, таких как многополярность, инклюзивность и взаимная выгода, и отражают ли эти принципы прогрессивное развитие принципа международного сотрудничества. Кроме того, может ли «мягкий» характер БРИКС и ее подход к принципу сотрудничества быть одним

из путей преодоления сегодняшнего кризиса, с которым сталкиваются классические международные организации.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор статьи утверждает, что с учетом феномена БРИКС международное право должно эволюционировать, ориентируясь на прогрессивное развитие принципа международного сотрудничества. Это повысит эффективность международного права в условиях сегодняшнего кризиса классических международных организаций. БРИКС можно рассматривать как «мягкий» институт (по аналогии с так называемым мягким правом), который как минимум дополняет классические международные организации или как максимум может их заменить. Национальные интересы, многополярность, инклюзивность и взаимная выгода как основные принципы, отражающие развитие сотрудничества в рамках БРИКС, должны быть положены в основу прогрессивного развития международно-правового принципа международного сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип международного сотрудничества, прогрессивное развитие, БРИКС, мягкое право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Боклан Д.С. 2025. Новое измерение международного сотрудничества в рамках БРИКС: : международно-правовой подход. – Московский журнал международного права. № 4. С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-24-34>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

I. Introduction

Classic international legal instruments of international cooperation including international organizations are facing intense crisis and a struggle for their existence today. They are facing crisis of decision making, dispute settlement and insufficient inclusivity.

Back in 2010, the BRICS members specifically underlined that the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank urgently need to address

their legitimacy deficits. This concern was connected with necessity to reform voting system making it more just for developing countries. According to BRICS reforming these institutions' governance structures requires first and foremost a substantial shift in voting power in favor of emerging market economies and developing countries to bring their participation in decision making in line with their relative weight in the world economy¹. They underlined the risk of seeing IMF and the World Bank fade into obsolescence². The BRICS members persistently reaffirmed this concern stating that they remain

¹ 2nd BRIC Summit of Heads of State and Government: Joint Statement. Brasília. April 15, 2010. Para 11.

disappointed and seriously concerned with the non-implementation of IMF reforms, which negatively impacts on the IMF's legitimacy, credibility and effectiveness³. These concerns were reasonable, because efforts to modernize the Bretton Woods Institutions, the World Bank and the International IMF have failed [Duggan, Rewizorski, Arapova 2021:2].

In terms of decision-making crisis, the United Nations Security Council may be a relevant example. It fails to take decisions on the most urgent security matters such as Palestinian-Israeli crisis. Thus, four resolutions on the Israel-Palestine crisis failed to pass the UN Security Council⁴. Security Council Resolution 2712 – the first successful resolution on the Israel-Palestine crisis – is not without controversy. Twelve members voted in favor, none against and three abstained (Russia, United Kingdom, and United States). Most analysts see the inability of the Security Council to respond decisively to the Gaza crisis as a sign of failure. Significantly, both the Israeli ambassador to the UN, Gilad Erdan, and the Palestinian representative at the U.N., Riyad Mansour, believe that the Council has failed them⁵.

This is example of the reasons why since 2010 BRICS members reaffirmed the need for a comprehensive reform of the United Nations (UN), including UN Security Council with a view to making it more effective, efficient and representative, so that it can deal with today's global challenges more effectively⁶.

In terms of law making and dispute settlement, the World Trade Organization (the WTO) could be a relevant example. With minor exceptions, it fails to adopt new international trade rules during last 25

years of Doha round of trade negotiations. Crisis of the Appellate Body of the WTO dispute settlement deeply affected effectiveness of dispute settlement. The WTO being established as an organization in which decision making was formerly based substantially on “logic of arguing” or deliberation has been transformed to one more frequently based on “logic of consequentiality” or bargaining [Shaffer, Pollack 2010:760].

Under such circumstances the increasing role of the BRICS as a group within global governance marks a substantial shift in our understanding of that system [Duggan, Rewizorski, Arapova 2021:8]. The five original BRICS members⁷ now have a combined gross domestic product (GDP) larger than that of the G7 in purchasing power parity terms. In nominal terms, the BRICS countries are responsible for 26 percent of the global GDP⁸. After extension of the BRICS in 2024⁹, this share became even larger.

However, BRICS does not possess international legal capacity [Abashidze 2024:115]. This means that, it does not possess international rights and obligations; it cannot act as subject of international law. BRICS falls short of being an institutional framework based on a specific legal instrument [Kamal 2023]. It lacks an institutional or international legal framework. From the first sight these facts should be regarded as obvious weakness of such form of international cooperation. However, this form of cooperation as will be shown in this article have demonstrated its effectiveness in development of international cooperation in various spheres. Alongside with that, BRICS attracted very little attention in the international legal scholarship and

² 2nd BRIC Summit of Heads of State and Government: Joint Statement. Brasília. April 15, 2010. Para 11.

³ The 6th BRICS Summit: Fortaleza Declaration. July 15, 2014, Fortaleza, Brazil, para 18; VII BRICS Summit: 2015 Ufa Declaration. Ufa, Russia. July 9, 2015. Para 19.

⁴ An October 16 Russian-led resolution failed to garner the necessary votes and received negative votes from the United States (US), the United Kingdom (UK) and France. A Brazilian-drafted resolution was, on October 18, blocked by the United States. On October 25, two more resolutions (a Russian-led resolution and a U.S.-led resolution) also failed at the Security Council – the U.S. and the U.K. voted against the Russian resolution, while Russia and China voted against the U.S. resolution. While the Security Council dilly-dallied, Gaza burned, thousands of lives were lost, and the crisis escalated. Uche Ewelukwa Ofodile, Security Council Paralysis in Face of Gaza Crisis Highlights Imperative of UN Reform. November 24, 2023. URL: <https://www.jurist.org/commentary/2023/11/security-council-paralysis-in-face-of-gaza-crisis-highlights-imperative-of-un-reform/> (дата обращения: 04.10.2025).

⁵ The U.S. vetoes a Security Council resolution on the Israel-Hamas conflict. – *The New York Times*. Oct. 18, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/18/world/middleeast/israel-hamas-gaza-un-security-council.html> (дата обращения: 04.10.2025).

⁶ 2nd BRIC Summit of Heads of State and Government: Joint Statement. Brasília. April 15, 2010. Para 4; VII BRICS Summit: 2015 Ufa Declaration. Ufa, Russia. July 9, 2015. Para 4; 8th BRICS Summit: Goa Declaration. Goa, India. October 16, 2016. Para 10.

⁷ Brazil, China, India, Russia and South Africa.

⁸ Разрыв между вкладом БРИКС и G7 в мировую экономику вырос до рекорда. – *РИА Новости*. 30.04.2025. URL: <https://ria.ru/20250430/briks-2014230861.html?ysclid=mfy15c02ud982301658> (дата обращения: 04.10.2025).

⁹ Egypt, Ethiopia, Iran, Saudi Arabia and United Arab Emirates became new BRICS members in 2024.

was predominantly assessed by political science and political economy¹⁰. This article is aimed at filling this gap, assessing BRICS from international legal perspective.

In the next to this Introduction section, the author elaborates on new landscape of international legal principle of international cooperation through soft law-making and informality addressing the question whether such form of international cooperation as BRICS may provide an alternate or a complementary forum to cooperate and agree to mutually acceptable decisions on matters relating to international rulemaking. The author will propose conceptual discussion on whether duty to cooperate, to be indeed effective, should be based on the principles enshrined in the BRICS instruments such as multipolarity, inclusiveness and mutual benefit and whether these instruments reflect progressive development of principle of international cooperation. The author continues with a brief discussion on whether “soft” nature of BRICS and its approach to the principle of cooperation could provide a way to overcome today’s crisis that classic international organizations are facing. Last section concludes the analysis.

II. New Landscape of International Legal Principle of International cooperation

The general principles of international law, both treaty-based and customary, or general principles of law, are intended to apply throughout the world. These include, for example, both the treaty-based and the customary principle of cooperation among States [Romashev, Postnikova 2023:203]. The principle of international cooperation is recognized as

fundamental principle of customary international law as reflected in Article 1 of the United Nations Charter [Oral 2019:1075].

Principle of international cooperation as a legal obligation was widely recognized in state practice [Aurescu, Cissé, Galvão Teles, Oral, Santolaria 2023:224], by be the ICJ¹¹, International Tribunal for the Law of the Sea¹² and in the literature [Chernykh, Volodin 2023]. In its recent Advisory opinion on Obligations of States in Respect of Climate Change the International Court of Justice (the ICJ) specifically underlined that the duty to co-operate lies at the core of the Charter of the United Nations¹³.

The 1970 Declaration on principles of international law¹⁴ provides that “states have the duty to co-operate with one another, irrespective of the differences in their political, economic and social systems, in the various spheres of international relations, in order to maintain international peace and security and to promote international economic stability and progress, the general welfare of nations and international co-operation free from discrimination based on such differences”. Today’s crisis of classical international organizations shows that their framework is not working effectively to provide duty to cooperate enshrined in the 1970 Declaration on principles of international law.

The perception that more diverse actors and networks are engaging in global governance could increase demands for inclusion from currently excluded or marginalized actors and networks, on legitimacy and inclusivity grounds. This constitutes a new form of world politics, one that is less state-centric and more inclusive of actors other than representatives of leading wealthy states [Luckhurst 2020:43]. International social orders evolve because

¹⁰ See for instance: Beeson, Mark and Jinghan Zeng (2018) The BRICS and Global Governance: China’s contradictory role. *Third World Quarterly* 39(10): 1962–1978; Chakraborty, Sudip (2018) Significance of BRICS: Regional powers, global governance, and the roadmap for multipolar world. *Emerging Economy Studies* 4(2): 182–191; Helleiner, Eric and Hongying Wang (2018) Limits to the BRICS’ Challenge: Credit rating reform and institutional innovation in global finance. *Review of International Political Economy* 25(5): 573–595; Hooijmaaijers, Bas (2021) The Internal and External Institutionalisation of the BRICS Countries: The case of the New Development Bank. *International Political Science Review*; Hopewell, Kristen (2017) The BRICS – Merely a Fable? Emerging power alliances in global trade governance. *International Affairs* 93(6): 1377–1396; Petropoulos, Sotiris (2013) The Emergence of the BRICS – Implications for Global Governance. *Journal of International and Global Studies* 4(2): 37–51; Thakur, Ramesh (2014) How Representative are BRICS? *Third World Quarterly* 35(10): 1791–1808; Van Noort, Carolijn (2019) The Construction of Power in the Strategic Narratives of the BRICS. *Global Society* 33(4): 462–478; Yang, Xiao Alvin (2019) Theorizing the BRICS. In Lin Xing (ed.) *The International Political Economy of the BRICS*. Abingdon: Routledge, 37–56.

¹¹ *Pulp mills on the river Uruguay* (Argentina v. Uruguay). Para 113; *Whaling in the Antarctic* (Australia v. Japan: New Zealand intervening). Para 240; *Dispute over the status and use of the waters of the Silala* (Chile v. Bolivia). Para 26.

¹² *The Mox plant case* (Ireland v. United Kingdom). Para 82.

¹³ ICJ Advisory Opinion. *Obligations of States in Respect of Climate Change*. 23 July 2025. Para 140.

¹⁴ 2625 (XXV). Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations.

of the intervention of new social actors and/or the effects that the replacement of one type of political entity and institution by another may have on background knowledge and practices, on the negotiability processes within communities of practice, and on the selection processes between different communities [Adler 2019:28]. This on the one hand will reflect diversity in international law and on the other hand will make it more inclusive and efficient.

Diversity in law on a large scale has been found not only to be 'compatible with all major legal traditions' [Glenn 2007:359] but also to be a means to guarantee the efficiency, legitimacy and sustainability of law itself [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:9]. Therefore a 'legal turn' from legal validity to legal efficiency emerges [Martino 2023:2]. More frequent and rapid changes in the regulatory environment have been said to pose 'a fundamental problem for law; namely, how can law preserve its integrity over time, while managing to address the newly emerging circumstances that continually arise throughout our history [Johnson 2007:845]?

Today's crisis of classical international organizations is obviously among such newly emerging circumstances. Alongside with that state practice within such "soft institutions" as BRICS shows progressive development of one of the fundamental principles of international law – principle of international cooperation.

As it indicated on the website of the United Nations "the progressive development of international law encompasses the drafting of legal rules in fields that sufficiently addressed in State practice"¹⁵. The author of this paper argues that taking into account the BRICS phenomena, international law should evolve focusing on progressive development of principle of international cooperation relying of state practice within the BRICS. This will increase efficiency of international law under today's crisis of classical international organizations.

Principle of international cooperation is often referred to in conjunction with such wordings as: 'the need for mutual assistance,' 'the development of mutual understanding' or, 'with due regard for the interests of other countries' [Chernykh, Volodin 2023]. Therefore, state practice within the BRICS

should be regarded as relevant example of progressive development of principle of international cooperation as will be shown in the next section.

III. "Soft" nature of BRICS and its approach to the principle of cooperation

The future work on the BRICS must be concerned primarily with the role of law in assisting the countries in achieving their cooperation's potential for mutually enhancing each other's governance and the governance of the world at large. To this end, the cooperation of the BRICS may be enhanced by identifying the current trends, future trajectories and new areas of cooperation or, put differently, by elaborating novel means and creative methods for the realization of their objectives through law [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:10]. Although differences exist, the will to act together, as a group, addressing particular issues provides the BRICS with an opportunity to create and strengthen the coordination between its members [Ziero 2015:307]. BRICS countries have identified their main *raison d'être* as the reform of the central international instruments and institutions of global governance [Dargin 2013:5]. An already existing vast repertory of academic literature and media coverage, which is growing daily, has supported the various hopes related to the rising significance of BRICS for global affairs and, especially, the emergence of a new global legal order [Coning, Mandrup, Odgaard 2015:10]. BRICS, as a group in global governance, should be launching clear innovations – either through a restructuring of the rules and norms of current international organizations, or through the creation of new international organizations whose rules and norms reflect the identities of the BRICS [Niall, Azalia, Rewizorski 2021:499]. To achieve its objectives BRICS established special bodies such as New Development Bank (NDB)¹⁶, BRICS Export Credit Agencies (ECAs), namely ABGF, ECGC, ECIC SA, EXIAR and SINOSURE¹⁷, the BRICS Interbank Cooperation Mechanism¹⁸, the BRICS Business Council, the BRICS Business Forum, the BRICS Think Tanks Council¹⁹, the BRICS Trade and Investment Cooperation Framework, the Framework for

¹⁵ Codification and Progressive Development of International Law. URL: <https://legal.un.org/cod/> (дата обращения: 04.10.2025).

¹⁶ The 6th BRICS Summit: Fortaleza Declaration. July 15, 2014. Fortaleza, Brazil. Para 11.

¹⁷ VII BRICS Summit: 2015 Ufa Declaration. Ufa, Russia. July 9, 2015. Para 13.

¹⁸ Ibid. Para 14.

¹⁹ Ibid. Para 17.

BRICS E-commerce Cooperation, the Initiative on Strengthening IPR Cooperation, BRICS Contingent Reserve Arrangements (CRA)²⁰ and others.

The BRICS' countries dominant method of cooperation has been described as a 'new pattern of inter-state relations, based on peer to-peer cooperation, experiences sharing and "soft" policy transfer' [Scaffardi 2014:1]. Shared leadership, understood as the balanced distribution of rights and responsibilities within the BRICS [Niall, Azalia, Rewizorski 2021:505].

The BRICS approach to the principle of international cooperation was clearly reflected in the Strategy for BRICS Economic Partnership 2025 and based on the following: full respect for the economic sovereignty of the Member States; account for national interests, priorities, growth and development strategies of the BRICS members; avoidance of unilateralism and protectionist measures that run counter to the spirit and rules of the WTO; recognition of the multipolar nature of the international economic and financial system; commitment to supporting sustainable development, strong, balanced and inclusive growth; commitment to mutually beneficial cooperation within BRICS²¹. The so-called trans-continental dimension present in the interaction of the four continents: Asia, Africa, Europe, and Latin America. The latter is particularly valuable in shaping the modern multipolar world, as the BRICS countries, united, respond together to current challenges (territorial expansion, demographic development, and economic viability) [Anufrieva 2019:124].

During 15 years of its existence, being just a forum for cooperation without classical international legal personality the BRICS achieved impressive results.

Firstly, extension of the BRICS should be mentioned among such results. The admission of Egypt, Ethiopia, Iran, Saudi Arabia and the United Arab Emirates in 2024 clearly shows growing level of international cooperation within the BRICS²². Secondly, the level of inclusiveness shown by BRICS could be regarded as clear evidence of development of cooperation. BRICS develops coordination on the following various issues: finance, trade, investments, agriculture, education, space, cyber, health, security, fighting terrorism, gender equality and others [Babaev, Lavrov 2023:5-8]. Thirdly, high level of compliance with BRICS's decisions also demonstrates

effectiveness of cooperation. In its first 15 years of cooperation, BRICS produced 933 collective decisions, and complied with them at a level of 77 % [Kirton, Larionova 2022:17]. This is regardless of the fact that these decisions are non-binding and there is no enforcement mechanism or dispute settlement system within the BRICS.

The prospects of effectiveness of law are dependent on participation and compliance with the rules [Barrett, Stavins 2003:27-28]. Kal Raustiala and David G. Victor distinguish between the concepts of compliance and effectiveness and point out that compliance as a concept draws no causal linkage between a legal rule and behavior, but simply identifies conformity between the rule and behavior. To speak of effectiveness is to speak directly of causality: to claim that a rule is "effective" is to claim that it led to certain behaviors or outcomes, which may or may not meet the legal standard of compliance [Raustiala, Victor 1998:569].

The author of this paper argues that duty to cooperate, enshrined in the UN Charter and 1970 Declaration to be indeed effective should be based on the principles enshrined in BRICS instruments which will reflect progressive development of principle of cooperation.

If the authority to determine the content of international economic norms and to issue regulations lies in the hands of a few countries, this may result in a greater imbalance of economic and political power and create (another) oligarchy in international relations. Indeed, this would be contrary to an equitable economic order and may endanger economic and political stability [Kern, Lorez, Zobl, Thürer 2014:1].

The main pillars of the approach to the substance of principle of cooperation used by the BRICS are national interests, multipolarity, inclusiveness and mutual benefit.

Multipolarity refers to a global order in which power and influence are distributed among multiple states or centers, rather than being dominated by one or two superpowers. It reflects a more balanced and diverse international system, where various countries and regions play significant roles in shaping global norms, policies, and decision-making processes [Ahford 2023:1]. The principle of mutual benefit affirms that all peoples have the sovereign right to freely dispose of their natural

²⁰ 8th BRICS Summit: Goa Declaration. Goa, India. October 16, 2016. Para 4.

²¹ Strategy for BRICS Economic Partnership 2025. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3a71260309ef290a0cfa3fe698a55e83/Strategy%20for%20BRICS%202025.pdf?ysclid=mgc9m3arao23961714> (дата обращения: 04.10.2025).

²² BRICS Johannesburg Declaration (XV Summit, 2023). Para 2.

wealth and resources for their own development, without prejudice to obligations stemming from international economic cooperation. This principle also implies the fair and inclusive participation of all members of society – including women – in accessing, managing, and benefiting from these resources, thereby reinforcing both economic justice and gender equality²³. Preamble of the 1974 Charter of Economic Rights and Duties of States, adopted by the United Nations General Assembly in Resolution 3281 (XXIX), specifically underlines the need to develop a system of international economic relations on the basis of mutual and equitable benefit and the close interrelationship of the interests of all States²⁴. The mutual benefit principle requires that all states strive to be mutually beneficial to each other [Kadarudin, Thamrin, Liao, Satalak 2019:33]. The principle of inclusivity is essential to achieving effective and lasting peace-building at the national level. Inclusive and sustainable development – grounded in the protection and promotion of human rights and the commitment to leaving no one behind – is a powerful safeguard against conflict²⁵.

BRICS members were developing this approach to the international cooperation from the very beginning of its creation. They were aiming at contributing significantly to the development of humanity and establishing a more equitable and fair world²⁶. This was reflected in their desire to provide overall support of developing countries, stating that they have the potential to play an even larger and active role as engines of economic growth and prosperity, while at the same time commit to work together with other countries towards reducing imbalances in global economic development and fostering social inclusion²⁷. For these purposes, for instance, the BRICS is committed to further strengthening and supporting South-South cooperation, while stressing that South-South cooperation is not a substitute for, but rather a complement to North-South cooperation²⁸. They pledge to promote a more inclusive, equitable and representative multipolar international system with the United Nations at its center, based

on international law and purposes and principles of the UN Charter, in particular the sovereign equality of all States and respect for their territorial integrity, with the aim to build a brighter shared future for the international community based on mutually beneficial cooperation²⁹.

J. Pauwelyn underlines that international cooperation may be informal in the sense that it does not lead to a formal treaty or any other traditional source of international law, but rather to a guideline, standard, declaration [Pauwelyn 2011:15]. Informality is best understood as a device for minimizing the impediments to cooperation, at both the domestic and international levels [Lipson 1991:500]. Informal international instrument as ‘an instrument which is not a treaty because the parties to it do not intend it to be legally binding [Aust 1986:787]. J. Pauwelyn notes that enhancing the chances for international cooperation to occur is one crucial element of what we understand by effectiveness. The other element of effectiveness to be examined relates to how this cooperation – once it has been established is actually implemented or complied with. For example, soft law at the international level may be informal, but may be implemented domestically as either hard or soft law. In turn, be it at the international or domestic level, nothing guarantees that formal or hard law will be complied with more rigorously than soft law [Pauwelyn 2011:30]. Therefore, author of this paper asserts that instruments adopted within the BRICS could be regarded as international legal instruments.

Lawmaking is any kind of governance activity by international institutions which determines (determination may or may not be legally binding) individuals, private associations, enterprises, states, or other public institutions [Bogdandy, Dann, Goldmann 2008:1376]. From this perspective we may consider different instruments adopted within the BRICS as “law”. Here we side with constructivist scholars who focus less on the binding nature of law at the enactment stage, and more on the effectiveness of law at the implementation stage, ad-

²³ International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), adopted by UNGA Res 2200 (XXI) (16 December 1966). Art 1.

²⁴ Charter of Economic Rights and Duties of States, GA Res 3281 (XXIX) (12 December 1974). Preamble.

²⁵ UNGA and UNSC. ‘Peacebuilding and Sustaining Peace: Report of the Secretary-General’ (30 July 2020) UN Doc A/74/976–S/2020/773.

²⁶ Sanya Declaration. Sanya, Hainan, China. April 14, 2011. Para 3.

²⁷ 2nd BRIC Summit of Heads of State and Government: Joint Statement. Brasília. April 15, 2010. Para 8.

²⁸ VII BRICS Summit: 2015 Ufa Declaration. Ufa, Russia. July 9, 2015. Para 66; 8th BRICS Summit: Goa Declaration. Goa, India. October 16, 2016. Para 2.

²⁹ XIII BRICS Summit: New Delhi Declaration September 9, 2021. Para 2.

addressing the gap between the law-in-the-books and the law-in-action; they note that binary distinctions between binding “hard law” and nonbinding soft law are illusory [Shaffer, Pollack 2010:713]. Constructivists address how international regimes can lead states to change their perceptions of their interests through transnational processes of interaction, deliberation, and persuasion [Shaffer, Pollack 2010:717]. To the extent soft law is not legally binding, for it to be effective, addressees will need to be convinced to follow. Its normative guidelines, more so than with legally binding norms whose effectiveness can be presumed to be backed-up by some form of sanctions or compliance pull. To this extent, soft law requires more (not less) consultation and input from stakeholders than hard law, and for it to be effective it also needs to be responsive or accountable [Pauwelyn 2011:31]. Moreover, soft-law regimes can be “hardened” through their links to other regimes, losing the purported soft-law advantages of flexibility and informality [Shaffer, Pollack 2010:710]. The increase use of soft law in the last 50 years is because states deal with more complex issues and technical problems [Ott 2021:5]. States may adopt soft-law provisions to elaborate the provisions of existing hard law or some states unhappy with existing legal agreements, may promote the adoption of new legal provisions designed to obfuscate and undermine those arrangements [Shaffer, Pollack 2010:715].

Existing literature acknowledges the shift in institutional design towards soft law [Wanner 2021:116]. Such a shift is part of a broader scheme that considers soft law instruments, and thus governing by governance, more adaptable to the rapid changes of contemporary democracies [Meyer 2016:183].

The purported advantages of hard law over soft law from legal positivist and rationalist perspectives including more effective compliance and enforcement procedures – may be less evident in practice than in theory. In fact, socio-legal scholarship calls into question the very concept of “binding” hard law, once one considers implementation as part of the lawmaking process [Shaffer, Pollack 2010:743].

It is worth noting that the WTO being classical international organization and facing systematic crisis today started using similar to BRICS legal instruments. Relevant examples could be so called Joint Statement Initiatives (JSIs). The JSIs could be

regarded as a plurilateral option to achieve negotiating outcomes between selected WTO Members [Angeles, Roy, Yarina 2020:4]. They are currently viewed as a negotiating tool, without a clear definition of or discussion on their final form [Angeles, Roy, Yarina 2020:8]. The WTO’s Director General blamed the consensus-based decision-making for the negotiating failures so far and urged the members to reflect on how the negotiating function can be modernized with innovative approaches³⁰. Moreover, several members voiced their support in favour of flexible rule-making through plurilateral approaches including, in particular, the use of JSIs³¹. Implementing the JSIs the WTO Members can go ahead with soft law in the form of guidelines as an alternative to hard law. This option will allow WTO members to test the new rules without assuming any legal obligations and gain confidence in how these rules work for their benefit [Boklan, Starshinova, Bahri 2023:16].

If closer and well-coordinated cooperation between the BRICS countries is the foundation stone for a successful reform of the international legal order, it means first formulating novel policies and subsequently implementing them based on creative laws. In this respect, their diversity in political, economic, social, cultural and legal terms may prove to be crucial, and the main changes will have to come from a new mindset [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:18].

Such “new mindset” could be development of “soft” institutional instrument such as BRICS.

In many ways vast areas of international cooperation within the BRICS resemble or overlap with the global challenges addressed by the 2015 Sustainable Development Goals (SDGs), which identified seventeen areas for which specific targets need to be realized by 2030 [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:13-14]. Future law and policy making must take a more inclusive and holistic approach [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:19]. Scholars should understand the BRICS phenomenon within the broader context of various constellations of emerging powers in the Global South and East that all serve to complement, influence and sometimes even counter the existing multilateral institutions [Bas 2021:462]. BRICS countries share an aspiration to be “rule makers” instead of “rule takers” within

³⁰ Statement by Dr. Ngozi Okonjo-Iweala WTO Director-General. WT/MIN(22)/19. 14 Jun. 2022.

³¹ See for example the statement by Japan, Statement by H.E. Mr Hayashi Yoshimasa Minister for Foreign Affairs, WT/MIN(22)/ST/89/Add.1 (12 Jun. 2022); see the statement by Costa Rica, Statement by H.E. Mr Manuel Tovar Minister of Foreign Trade. WT/MIN(22)/ST/5. 12 Jun. 2022.

global governance [Duggan, Carlos 2020:1]. Rather than focusing on which states are dominant nations within the international hierarchy or on the international dynamics that drive the growth in power of individual states, BRICS focus on how to change the rules and norms of the system [Niall, Azalia, Rewizorski 2021:497].

IV. Conclusion

BRICS could be regarded as a soft institution (by analogy with so called soft law) which at least supplement classical international organizations or at most may substitute in such areas of international cooperation where they are failing to achieve practical results. A 'legal turn' from legal validity to legal efficiency seems to be emerging today when applying principle of international cooperation. The au-

thor of this paper argues that taking into account BRICS phenomena, international law should evolve focusing on progressive development of principle of international cooperation. This will increase efficiency of international law under today's crisis of classical international organizations. Practical results that were achieved within the BRICS, such as extension, inclusiveness and high level of compliance with non-binding decisions show efficiency of international cooperation within the BRICS.

National interests, multipolarity, inclusiveness and mutual benefit as main pillars reflecting development of cooperation within the BRICS should be taken as basis for progressive development of international legal principle of international cooperation.

Bric(k)s are for building bridges, not walls! [Neuwirth, Svetlicinii, De Castro Halis 2017:21].

References

1. Abashidze A.H. BRICS: International Legal Dimension. – *Observer*. 2024 No. 4. P. 115-123. (In Russ.). DOI: 10.48137/2074-2975_2024_4_115.
2. Adler E. *World Ordering: A Social Theory of Cognitive Evolution*. Cambridge University Press. 2019.
3. Ahford E. Yes, the World Is Multipolar. – *Foreign Policy*. 2023. October. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/10/05/usa-china-multipolar-bipolar-unipolar/> (дата обращения: 04.10.2025).
4. Angeles F., Roy R., Yarina Y. *Shifting from Consensus Decision-Making to Joint Statement Initiatives: Opportunities and Challenges*. Graduate Institute of International and Development Studies. 2020. URL: <https://repository.graduateinstitute.ch/record/299033> (дата обращения: 04.10.2025).
5. Anufrieva L.P. BRICS: Legal Nature and Principles of Cooperation. – *Actual Problems of Russian law*. 2019. No. 12(109). P. 123-133. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133.
6. Aurescu B., Cissé Y., Galvão Teles P., Oral N., Santolaria J. Sea-level rise in relation to international law. – *Report of the International Law Commission on the work on its seventeenth session. PART IV: Development of international law*. 2023. P. 224-229.
7. Aust A. The Theory and Practice of Informal International Instruments. – *International and Comparative Law Quarterly*. 1986. No. 35. P. 787-812.
8. Babaev K.V., Lavrov S.V. In Scope and Depth. – *Russia in Global Affairs*. 2023. No. 1(4). P. 5-8. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-4-124-137.
9. Barrett S., Stavins R.N. Increasing participation and compliance in international climate change agreements. – *International Environmental Agreements Politics, Law and Economics*. 2003. No. 3(4). P. 349-376. DOI.org/10.2139/ssrn.351602.
10. Bas H. Understanding Success and Failure in Establishing New Multilateral Development Banks: The SCO Development Bank, the NDB, and the AIIB. – *Asian Perspective*. 2021. No. 45(2). P. 445-467. DOI:10.1353/apr.2021.0008.
11. Boklan D., Starshinova O., Bahri A. Joint Statement Initiatives: A Legitimate End to 'Until Everything Is Agreed'? – *Journal of World Trade*. 2023. No. 2(57). P. 1-23.
12. Bogdandy A., Dann P., Goldmann M. Developing the Publicness of Public International Law: Towards a Legal Framework for Global Governance Activities. – *German Law Journal*. 2008. No. 9. P. 1375-1400.
13. Chernykh I., Volodin D. The Principle of International Cooperation and Sharing of Information Principle under International Space Law: Towards Synergy. – *Space Policy*. 2023. No. 67. DOI: 10.1016/j.spacepol.2023.101593.
14. Coning C., Mandrup T., Odgaard L. *The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order*. Routledge. 2015.
15. Dargin J. *The Rise of the Global South: Philosophical, Geopolitical and Economic Trends of the 21st Century*. World Scientific Publishing. 2013.
16. Duggan N., Carlos J. From Yekaterinburg to Brasilia: BRICS and the G20, road to nowhere? – *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2020. No. 63(1). P. 1-18.
17. Duggan N., Rewizorski M., Arapova E. Symposium: 'The BRICS, Global Governance, and Challenges for South-South Cooperation in a Post-Western World' December. – *International Political Science Review*. 2021. No. 43(2). DOI:10.1177/01925121211052211.
18. Glenn H.P. *Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law*. Oxford University Press. 2007.
19. Johnson M.L. Mind, Metaphor, Law. – *Mercer Law Review*. 2007. No. 58(3). P. 845-868.
20. Kadarudin, Thamrin, Liao, Satalak Mutual Benefit Principle as Bilateral Basis of Indonesia with Thailand and Taiwa. – *International Journal of Global Community*. 2019. No. 2. P. 33-52.
21. Kamal M. Towards BRICS Membership. – *Egypt Independent*. 2023 No. 1 May. URL: <https://www.almazgalyoum.com/news/details/2875518> (дата обращения: 04.10.2025).
22. Kern A., Lorez K., Zobl M., Thüner D. *The Legitimacy of the G20 – A Critique Under International Law*. 2014. URL:

- <https://ssrn.com/abstract=2431164> (дата обращения: 04.10.2025).
23. Kirton J., Larionova M. The First Fifteen Years of the BRICS. – *International Organisations Research Journal*. 2022. No. 17 (2). P. 7-30. DOI:10.17323/1996-7845-2022-02-01.
 24. Lipson C. Why Are Some International Agreements Informal? – *International Organization*. 1991. No. 45. P. 495-538.
 25. Luckhurst J. The New G20 Politics of Global Economic Governance. – *International Organisations Research Journal*. 2020. No. 15(2). P. 42-59. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-03.
 26. Martino R. The Shift to Soft Law at Europe Borders: Between Legal Efficiency and Legal Validity. – *Global Jurist*. 2023. No. 23 (1). P. 23-41. URL: <https://doi.org/10.1515/gj-2022-0040> (дата обращения: 04.10.2025).
 27. Meyer T. Shifting Sands: Power, Uncertainty and the Form of International Legal Cooperation. – *European Journal of International Law*. 2016. No. 27 (1). P. 161-185.
 28. Neuwirth R., Svetlicinii A., De Castro Halis D. The BRICS-Lawyers' Guide to Global Cooperation. Cambridge: Cambridge University Press. 2017.
 29. Niall D., Azalia J., Rewizorski M. The structural power of the BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) in multilateral development finance: A case study of the New Development Bank. – *International Political Science Review*. 2021. No. 43. P. 495-511.
 30. Oral N. The International Law Commission and the Progressive Development and Codification of Principles of International Environmental Law. – *Florida International University Law Review*. 2019 No. 13. P. 1075-1100. DOI: 10.25148/lawrev.13.6.10.
 31. Ott A. Informalization of EU Bilateral Instruments: Categorization, Contestation, and Challenges. – *Yearbook of European Law*. 2021. No. 39. P. 569-601.
 32. Pauwelyn J. Informal International Lawmaking: Framing the Concept and Research Questions. 2011. P. 13-34. URL: <https://ssrn.com/abstract=1738464> (дата обращения: 04.10.2025).
 33. Raustiala K., Victor D.G. *The Implementation and Effectiveness of International Environmental Commitments: Theory and Practice*. 1998. International Institute for Applied Systems Analysis and MIT Press.
 34. Romashev Yu.S., Postnikova E.V. (2023) Principles in International Law. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 3, pp. 192–220 (in Russ.)
 35. Scaffardi L. BRICS, a Multi-Centre 'Legal Network'? – *Beijing Law Review*. 2014. No. 5. P. 140-148.
 36. Shaffer G., Pollack M. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements and Antagonists in International Governance. – *Minnesota Law Review*. 2010 No. 94 P. 706-799.
 37. Wanner M.S.T. The effectiveness of soft law in international environmental regimes: participation and compliance in the Hyogo Framework for Action. – *International Environmental Agreements*. 2021. No. 21. P.113–132. URL: <https://doi.org/10.1007/s10784-020-09490-8> (дата обращения: 04.10.2025).
 38. Ziero G.W. Looking for a BRICS perspective on international law. – *Revista de Direito Internacional*. 2015. No. 12(2). P. 303-322.

About the Author

Daria S. BOKLAN

Doctor of Legal Sciences, Professor, Deputy Head of the School of International Law, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics"

20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000

Leading Researcher at the Center for European and Eurasian Legal Studies of the Research Department of the Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23, Gagarina Ave., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

Информация об авторе

Дарья Сергеевна Боклан

Доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международного права юридического факультета, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация

Ведущий научный сотрудник Центра европейских и евразийских правовых исследований научно-исследовательского отдела юридического факультета Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Гагарина пр., 23, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация

dboklan@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8843-3473

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-35-58>

Исследовательская статья
УДК: 341.229
Поступила в редакцию: 20.10.2025
Принята к публикации: 10.12.2025

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
danielalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Георгий Александрович СУВОРОВ

ELWI
Гашека ул., 6, Москва, 125047, Российская Федерация
severegs@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8661-7691

Мариам Романовна ЮЗБАШЯН

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
m_you@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3231-8489

ПРИРОДОРЕСУРСНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОСМОСЕ: К ФОРМИРОВАНИЮ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ВВЕДЕНИЕ. При прогнозировании сроков начала природоресурсной деятельности в космосе (даже в относительно малых промышленных масштабах) называются разные сроки. Современные правительственные и неправительственные проекты исследований небесных тел (в некоторых случаях в их сочетании) на текущем этапе сфокусированы на получении и анализе соответствующих естественно-научных данных. Вместе с тем вопрос об уточнении правового режима природных ресурсов небесных тел (в относительно ближайшей перспективе – непосредственно в космосе для обеспечения жизнедеятельности космических экспедиций; в отдаленной – в коммерческих целях) требует

безотлагательного сотрудничества для его согласованного решения. Этот вопрос является одним из наиболее показательных и значимых в контексте понимания возможных и целесообразных путей дальнейшего развития международного космического права (при узкоспециальном понимании его отраслевой специфики), а также применимого к космической деятельности национального законодательства России, других государств, в том числе с целью создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в частный космический сектор экономики, включающий, но не ограничивающийся будущей деятельностью, связанной с разработкой природных ресурсов небесных тел. В таком

контексте в настоящей статье представлен анализ современных тенденций развития национально-правовых подходов зарубежных государств к природоресурсной деятельности в космосе, а также состояния законодательства России о космической деятельности на общем фоне применимого международного космического права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Теоретическую основу исследования составляют научные работы отечественных и зарубежных юристов, включая специалистов по международному космическому праву и национальному праву зарубежных государств и России. В фокусе анализа – система универсальных международных договоров по космосу, согласованных на полях Организации Объединенных Наций (ООН); документов Комитета ООН по космосу и его Юридического подкомитета; отраслевое национальное законодательство зарубежных государств, включая принятые в 2024–2025 гг. национально-законодательные акты США, Бразилии и Италии; законодательство о космической деятельности России. Основными методами исследования являются методы формальной логики, включая анализ, синтез, аналогию, а также системный и сравнительно-правовой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. 1. Инновационные нормативно-правовые и подзаконные акты США, Люксембурга, ОАЭ, Японии, а также Бразилии и Италии опережают создание необходимых специальных международно-правовых норм о режиме природных ресурсов небесных тел. 2. Первые лицензии на космическую природоресурсную деятельность, выданные в Японии и Люксембурге, подтверждают следование этих государств в фарватере американского законодательного подхода: показательно, что сами лицензии выданы для целей исполнения контрактных обязательств перед Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) по сбору образцов лунного реголита. 3. Указ Президента США «О содействии конкуренции в коммерческой космической отрасли» 2025 г. нацелен на снятие регулятивных барьеров и чрезмерных лицензионных требований, применимых к различным видам космической деятельности, включая «новые». 4. Законодательная основа космической деятельности, включая механизмы поддержки частной космической деятельности, в государствах-участниках Соглашений

«Артемиды», с одной стороны, и, с другой стороны, в формате межправительственного российско-китайского сотрудничества по Международной лунной научной станции, представлена с разной степенью детализации. 5. Национальное законодательство России регулирует основные вопросы космической деятельности, но не содержит достаточных законодательных стимулов для развития частных инвестиций в разработку природных ресурсов небесных тел; космическое природоресурсное направление в нем содержательно не представлено, в отличие от законодательства США, Люксембурга, Японии, других обозначенных государств; в российском законодательстве наличествуют лишь косвенные признаки того, что такая природоресурсная деятельность российских лиц на небесных телах допустима.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ: 1. В ряде зарубежных государств законодательство о природоресурсной деятельности в космосе было принято в отсутствие регулирования общих вопросов космической деятельности и *de facto* (наряду с другими факторами в большей степени политического и экономического характера) способствовало его разработке. 2. С принятием Указа Президента США 2025 г. следует ожидать дальнейшего развития этого направления космической деятельности, изначально в рамках приоритетных исследовательских миссий, а затем, в долгосрочной перспективе, с подтверждением экономической целесообразности, и в коммерческих целях. 3. Следует констатировать широкое признание как в государствах – участниках Соглашений «Артемиды», так и в межправительственных российско-китайских договоренностей, целесообразности создания благоприятных законодательных условий развития частной космической деятельности. Для этих целей даже в государствах, ранее не являвшихся активными субъектами космической деятельности, принимаются соответствующие законодательные акты, включая космические природоресурсные. 4. Совокупность этих мер и обстоятельств постепенно приводит к росту инвестиций в космический сектор экономики названных государств. 5. Для совершенствования законодательства России о космической деятельности рекомендованы следующие изменения: а) в части общих мер поддержки развития деятельности частных субъектов: устранение чрезмерных регулятивных барьеров в системе лицензирования; усовершенствование норм

об обязательном страховании космической деятельности; развитие национального рынка страхования рисков космической деятельности, включая имущественное; создание эффективных экономических условий взаимодействия правительственных и частных субъектов при реализации космических проектов в национальных интересах; б) в части космической природоресурсной деятельности: комплексная законодательная реформа, согласующаяся с уточненной (в интересах развития экономики России) ее международно-правовой позицией; в дополнение к общим мерам поддержки развития космической деятельности в России целесообразно, с учетом лучшего приведенного зарубежного законодательного опыта, уточнение законодательных условий осуществления российскими лицами разработки природных ресурсов небесных тел, включая право собственности разработчика на добытые природные вещества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное космическое право, Договор по космосу 1967 г., Соглашение о Луне 1979 г., Комитет ООН по космосу,

Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г., Закон России о космической деятельности 1993 г., Соглашения «Артемида», Международная лунная научная станция, природные ресурсы небесных тел, космические ресурсы, инвестиции в космическую деятельность, лицензирование космической деятельности, страхование рисков космической деятельности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А.Н., Суворов Г.А., Юзбашян М.Р. 2025. Природоресурсная деятельность в космосе: к формированию российского законодательства. – Московский журнал международного права. № 4. С. 35–58. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-35-58>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>.

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-35-58>

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
danielalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Georgiy A. SUVOROV

ELWI
6, Gasheka St., Moscow, Russian Federation, 125047
severegs@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8661-7691

Mariam R. YUZBASHYAN

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
m_you@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3231-8489

Research article
UDC: 341.229

Received 20 October 2025
Approved 10 December 2025

BASIC ISSUES OF THE CREATION OF RUSSIAN LEGISLATION ON NATURAL RESOURCE ACTIVITIES IN OUTER SPACE

INTRODUCTION. *There are different forecasts of the period when natural resources activities (even on small scale) in outer space start. The innovative trends in national legal regulation on the property rights to space resources among states-partners to the Artemis Accords de facto outpace the actual commencement of such activities, even on relatively small industrial scales. Existing governmental and non-governmental lunar projects (in some cases in their interaction) at this stage are focused on obtaining and analyzing sufficient scientific data for relevant assessments. However, the legal and economic processes related to the regime on the use of natural resources of celestial bodies (in the relatively near term – directly in space (the so-called “in situ resource utilization”) to support the space missions; in the more distant term – for commercial purposes) require urgent attention. This issue is among the most illustrative and significant in understanding the possible and advisable ways and directions of the further development not only of international space law but also of national space legislation, including with the aim of creating favorable conditions for attracting investment into the private space sector of the national economy, in particular to the future use of space resources. Therefore, this study is devoted to a systematic analysis of the current state, as well as the necessary changes and development paths of the Russia’s related legislative approach.*

MATERIALS and METHODS. *The theoretical background of this research consists of works of Russian and foreign legal scholars, including experts in international space law, national legislation of foreign countries and Russia. The analytical framework includes the UN treaties on outer space; documents of the UN COPUOS Legal Subcommittee; national space legislation of foreign states, comprising the acts adopted in 2024–2025 by the United States, Brazil, Italy; relevant laws and court practice of Russia. The main methods are those of formal logic such as analysis, synthesis, analogy, alongside systemic, and comparative-legal.*

RESEARCH RESULTS. *1. Innovative laws and by-laws of the United States, Luxembourg, the UAE, Japan, as well as Brazil and Italy, outpace the development of special international legal regime on natural resources of celestial bodies. 2. The first licenses for*

space natural resource activities were issued in Japan and Luxembourg for the purpose of fulfilling contractual obligations to NASA related to the lunar regolith samples’ collection. 3. The US Presidential Executive Order “Enabling Competition in the Commercial Space Industry” of August 13, 2025, provides for reforming regulatory barriers and excluding excessive and duplicative licensing requirements applicable to various types of space activities, including the “novel” ones as under its Sec. 5. 4. The general legislative framework for space activities, including mechanisms to support private space endeavors, in the states-parties to the Artemis Accords, as well as to intergovernmental agreements on ILRS, is unevenly developed. 5. The national legislation of Russia: regulates the main issues of space activities but does not contain sufficient legislative incentives for the development of private space industry; space resource activities are not addressed in it; there are only indirect signs that such activity is potentially possible.

DISCUSSION AND CONCLUSION. *1. In a number of foreign countries, space resource acts were enacted in the absence of regulation of general space activity issues, and de facto, along with other factors of political and economic nature, challenged its development. 2. The adoption of the US Presidential Executive Order “Enabling Competition in the Commercial Space Industry” of August 13, 2025 will impact the large-scale development of “novel” space activities initially within the framework of currently priority scientific missions, and then in the long term, with confirmation of economic feasibility, also for commercial purposes. 3. A broad recognition exists both among the states-parties to the Artemis Accords and intergovernmental agreements on ILRS, including Russia, of the advisability of creating favorable legislative conditions for the development of private space activities. For these purposes, the relevant laws and by-laws, including those on space natural resources, are being adopted quite rapidly by states that previously were not active actors on the global space activity arena. 4. These legislative and economic factors in their interaction gradually lead to an increase in investments in the space sector of various countries, and at this stage, the adoption of space resource acts is only one of the reasons. 5. To improve Russia’s space legal framework,*

the following changes are recommended: a) regarding general measures to support the development of private space activities: elimination of excessive regulatory barriers within the licensing system for space activities; establishment of the upper limit on the obligatory space liability insurance coverage; creation of conditions for developing the national insurance market for risks related to space activity, including property insurance; creation of effective economic conditions for interaction and cooperation between government and private entities in implementing space projects in national interests. b) regarding space natural resource activities: comprehensive legislative reform aligned with Russia's clarified (in the interests of the development of the Russian economy) relevant international legal position; in addition to general supportive measures for the development of private space activities, it is advisable to review the possibility to include space resources within the objects of regulation of Russian legislation, including the issue of property rights to the extracted resources.

KEYWORDS: international space law, the Outer Space Treaty of 1967, the Moon Agreement of 1979,

the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015, the Russian Federation Law on Space Activity of 1993, the Artemis Accords, the International Lunar Research Station; natural resources of celestial bodies, space resources, investments in space activity, licensing of space resource activity, space insurance

FOR CITATION: Vylegzhanin A.N., Suvorov A.G., Yuzbashyan M.R. Basic Issues of the Creation of Russian Legislation on Natural Resource Activities in Outer Space. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 35–58. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-35-58>

The authors declare the absence of conflict of interest.

Acknowledgements: The research is funded by the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00977, <https://rscf.ru/project/23-18-00977/>.

1. Введение

В современную эпоху возросшей политической, научно-технологической, экономической состязательности между государствами обращает на себя внимание разная международно-правовая и законодательная политика в отношении природоресурсной деятельности на небесных телах, которую проводят Россия и США [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023:6-30; Беркман, Вылегжанин, Юзбашян, Модюи 2018:22-23]. В начале космической эры противостояние двух (единственных на тот период) космических держав – СССР и США – стало сильнейшим стимулом к созданию международного космического права (МКП). В настоящее время Россия и США являются участниками обновленного (по субъектному составу, форме, уровню и способам принятия решений) процесса регламентации ряда неурегулированных

профильных правовых вопросов [Юзбашян 2024:103-119]. Среди них одним из наиболее показательных в общем контексте актуальных тенденций развития МКП является размежевание правовой политики России и США в отношении порядка использования природных ресурсов небесных тел.

Согласно принципам и нормам действующего МКП к природоресурсной деятельности в космосе применим общий правовой режим космического пространства, включая небесные тела¹, однако специальный правовой режим такой деятельности пока не установлен универсальными международными договорами. Содержание ст. II Договора по космосу 1967 г. не позволяет однозначно ответить на вопрос, распространяется ли принцип неприисвоения на природные вещества, добытые на небесных телах [Юзбашян 2017:74-78; Беркман, Вылегжанин, Юзбашян, Модюи 2018:16-34; Вылегжанин, Юзбашян 2024:151-152; Колосов 2007:238].

1 Это отмечено в работах авторитетных специалистов по международному космическому праву – профессоров Ю.М. Колосова и Ф.Г. фон дер Дунка – об особенностях применения принципов и норм МКП к природоресурсной деятельности в космосе: [Колосов 2007:238-241; von der Dunk 2018b:142-151].

На таком фактологическом и нормативном фоне в настоящей статье кратко суммируются итоги исследования опыта законодательного регулирования природоресурсной деятельности на небесных телах, прежде всего, по национальному праву США, Люксембурга, Японии, Объединенных Арабских Эмиратов, Италии, Бразилии. В следующем разделе в сравнительном плане характеризуется состояние российского законодательства о космической деятельности. В заключение представлены выводы по результатам исследования.

2. Общая характеристика наиболее успешного иностранного опыта законодательного регулирования природоресурсной деятельности в космосе

Обсуждения этой темы на универсальном международном уровне, прежде всего, в рамках Комитета ООН по использованию космического

пространства в мирных целях (Комитет ООН по космосу)³ были *de facto* «спровоцированы» принятием, прежде всего, Закона США об исследовании и использовании космических ресурсов в 2015 г.⁴ (Закон США 2015 г.). В этом законе, напомним, предусмотрены права собственности лиц, находящихся под юрисдикцией США, на добытые ими в космосе природные вещества⁵. Последние обозначены в законе США терминами “space resource” и “asteroid resource” – «космический ресурс» и «ресурс астероида»⁶. Таких терминов нет ни в применимом стержневом источнике МКП – Договоре по космосу 1967 г., ни в одном из иных упомянутых международных договоров, согласованных на площадке ООН. В условиях взаимодействия правовых, экономических и политических процессов [Юзбашян 2017:83] аналогичные по предусмотренным правам законодательные акты были приняты в 2017 г. в Люксембурге⁷; в 2019 г. – в ОАЭ (с изменениями 2023 г.)⁸, в 2021 г. – в Японии⁹, с некоторыми

² Полное название этого универсального международного договора – Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Его ст. II предусматривает: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». Договор по космосу был открыт для подписания 27 января 1967 г., вступил в силу 10 октября 1967 г. По состоянию на октябрь 2025 г. количество государств-участников – 119. Актуальный статус Договора по космосу 1967 г. и других договоров ООН о деятельности в космосе см.: Status of International Agreements relating to Activities in Outer Space. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html> (дата обращения: 11.10.2025).

³ В 2021 г. при Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу была учреждена Рабочая группа по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами. Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/corpuos/lsc/space-resources/index.html> (дата обращения: 27.09.2025). К середине 2025 г. подготовлен Первоначальный проект свода рекомендуемых принципов осуществления деятельности, связанной с космическими ресурсами. Документ ООН A/AC.105/C.2/L.339.

⁴ Анализ заявленного соответствия законодательных положений международным обязательствам США см.: [Tronchetti 2015:6-10; Юзбашян 2017:79-80].

⁵ Public Law 114-90 – U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-114publ90> (дата обращения: 11.10.2025). (Sec. 401, 51 U.S.C. sec. 10101 note, under which Title IV of this Act (51 U.S.C. secs. 51301–51303) (2019) could be cited as “Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015”).

Sec. 51303. Asteroid resource and space resource rights “A United States citizen engaged in commercial recovery of an asteroid resource or a space resource under this chapter shall be entitled to any asteroid resource or space resource obtained, including to possess, own, transport, use, and sell the asteroid resource or space resource obtained in accordance with applicable law, including the international obligations of the United States”.

Анализ Закона США 2015 г. см.: [Юзбашян 2017:78-80; Вылегжанин, Юзбашян 2024:152-154].

⁶ Ibid. Sec. 51301 (51 USC 51301). Definitions.

“(1) Asteroid resource. The term ‘asteroid resource’ means a space resource found on or within a single asteroid”.

“(2) Space resource. (A) In general. The term ‘space resource’ means an abiotic resource in situ in outer space. (B) Inclusions. The term ‘space resource/ includes water and minerals”.

⁷ Loi du 20 juillet 2017 sur l’exploration et l’utilisation des ressources de l’espace. Journal officiel du Grand-Duché de Luxembourg. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (дата обращения: 11.10.2025). Анализ национального законодательства Люксембурга, регулирующего космическую деятельность, включая природоресурсную см.: [Вылегжанин, Крохина 2024:17-35; Vylegzhanin, Krokhina 2025:472-480].

⁸ Принятый в 2019 г. Федеральный закон ОАЭ № 12 о регулировании космического сектора (Federal Law No. (12) of 2019 On the Regulation of the Space Sector) в 2023 г. был отменен и заменен Федеральным декретом-законом ОАЭ No. 46 об организации космического сектора 2023 г. (Federal Decree Law No. 46 of 2023 Regarding the Organization of the Space Sector). URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2129/download> (дата обращения 11.10.2025).

(не столь значимыми) отличиями в определении [De Pagter 2022], а также степенью актуальной разработанности разрешительной процедуры рассматриваемой деятельности. Так, в соответствии с законами двух из четырех указанных государств, а именно, Японии и Люксембурга, уже выданы лицензии на природоресурсную космическую деятельность: две (в 2022 и 2024 г.) японской компании *ispace inc.*⁹, одна (в начале 2025 г.) ее европейскому подразделению *ispace-EUROPE S. A.*, базирующемуся в Люксембурге¹⁰. Упомянутая взаимосвязь экономических и правовых процессов проявляется и в этих конкретных примерах: обе компании заключили в 2020 г. контракты с НАСА¹² на сбор в малых количествах природных ресурсов небесного тела (лунного реголита), а также передачу прав собственности на эти собранные вещества Национальному управлению США в рамках американской программы «Артемиды» по «использованию ресурсов на месте» (*ISRU-in situ resource utilization*)¹³. Заявлено при этом о будущей цели обеспечения жизнедеятельности космических экспедиций¹⁴. Деятельность *ispace-EUROPE S. A.*, связанная с разработкой микрорOVERA HAKUTO-R для

его запуска на южный полюс Луны, софинансируется Космическим агентством Люксембурга на основании договора Европейского космического агентства с Национальной космической программой Люксембурга – *LuxIMPULSE*¹⁵.

В дополнение к рассматриваемым в международно-правовой науке актам законодательства о природоресурсной деятельности в космосе, отмеченным выше, недавно приняты законы двух других государств: Бразилии в 2024 г. и Италии в 2025 г., в которых в рамках обновленного регулирования различных видов космической деятельности предусматриваются и специальные природоресурсные нормы. Так, Закон Бразилии № 14946 от 31 июля 2024 г., хотя и не устанавливает *expressis verbis* право собственности на добытые на небесных телах природные вещества (сфера его действия, прежде всего, «исследование космических ресурсов»¹⁶, но не использование таковых), определяет «космический ресурс» как «природный ресурс, источником которого является небесное тело»¹⁷. Иначе говоря, Бразилия на национально-правовом уровне выразила позицию относительно приемлемости применения термина «космические

⁹ Japan's Act No. 83 of 2021 on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources (published in the Official Gazette on June 23, 2021). Текст закона доступен для ознакомления на английском языке (на японском превалирует) в переводе службы Министерства юстиции Японии. URL: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4332/en> (дата обращения: 11.10.2025). Анализ национального законодательства Японии, регулирующего космическую деятельность, включая природоресурсную, см.: [Вылегжанин, Юзбашян, Мунтян 2024:48–69].

¹⁰ *ispace Obtains License to Conduct Lunar Surface Operations from Japanese Government for Second Mission.* 17 Dec, 2024. URL: <https://ispace-inc.com/news-en/?p=6558> (дата обращения: 11.10.2025).

¹¹ *ispace-EUROPE Secures First-Ever Mission Authorization Under Luxembourg's Space Resources.* URL: <https://ispace-inc.com/news-en/?p=6660> (дата обращения: 11.10.2025).

¹² НАСА (National Aeronautics and Space Administration) – это учрежденный в 1958 г. федеральный орган США – Национальное управление США по аэронавтике и исследованию космического пространства.

¹³ NASA Selects Companies to Collect Lunar Resources for Artemis Demonstrations. URL: <https://www.nasa.gov/news-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations/> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁴ «Эти технологии... позволяют экспедициям использовать местные ресурсы для производства топлива, воды, кислорода и строительных материалов, минимизируя таким образом количество груза, который необходимо запускать с Земли. Применение ISRU может значительно сократить стоимость космических миссий и повысить их надежность». Лаборатория геохимии Луны и планет, Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН. URL: <http://portal.geokhi.ru/Lab41/SitePages/%D0%A7%D1%82%D0%BE-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5-ISRU-%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%82-%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%B0-%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC-.aspx?web=1> (дата обращения: 11.10.2025).

¹⁵ ESA supports Moon mission carrying first European rover. 03/06/2025. URL: https://www.esa.int/Enabling_Support/Operations/ESA_Ground_Stations/ESA_supports_Moon_mission_carrying_first_European_rover (дата обращения: 27/09/2025). LSA National Programmes. URL: <https://space-agency.public.lu/en/funding/funding-space.html> (дата обращения: 27/09/2025).

¹⁶ Lei № 14946 DE 31/07/2024. Institui normas aplicáveis a atividades espaciais nacionais. Art. 3º “Esta Lei aplicase somente às seguintes atividades espaciais: ...IX – exploração de recursos espaciais” URL: <https://www.legisweb.com.br/legislacao/?id=462707> (дата обращения: 27.09.2025).

¹⁷ Там же. Art. 2. X. XII – “recurso espacial: recurso natural proveniente de corpo celeste”. URL: <https://www.legisweb.com.br/legislacao/?id=462707> (дата обращения: 27.09.2025).

ресурсы», введенного Законом США 2015 г., но не содержащегося в действующих международно-правовых актах (хотя впоследствии перенесенного в качестве ключевого термина в обсуждении в Комитете ООН по космосу и непосредственно в наименование профильной рабочей группы его Юридического подкомитета)¹⁸. 13 июня 2025 г. был принят Закон Италии № 89 «О космической экономике»¹⁹. Согласно ст. 2 этого закона космическая деятельность включает исследование, добычу и использование природных ресурсов в космическом пространстве и на небесных телах в соответствии с правовыми документами, принятыми на международном уровне²⁰. Иные положения закона, применимые к различным направлениям космической деятельности, включая природоресурсную, представляют интерес, прежде всего, в части создания благоприятной законодательной среды для развития частной космонавтики под юрисдикцией Италии. Так, в частности, Законом 2025 г. предусмотрены следующие меры для привлечения инвестиций в космическую деятельность, включая будущую природоресурсную: подготовка Национального плана космической экономики не менее чем на пятилетний срок, включающего оценку потребностей космического сектора для определения инвестиций, исходящих из государственных средств и частных вкладов (ст. 22); создание Фонда космической экономики (ст. 23); облегчение доступа малых и средних предприятий к отраслевым государственным контрактам и содействие развитию космической деятельности и технологий (ст. 27). Отметим, что пока не было выдано ни одной

лицензии в отношении космической природоресурсной деятельности ни на основании закона Бразилии, ни в соответствии с законом Италии.

Вместе с тем в более широком плане *согласованность космических природоресурсных правовых подходов США, Люксембурга, ОАЭ, Японии, Бразилии и Италии (прежде всего, в части легитимности предоставления лицам национальным законодательством права собственности на природные вещества, добытые на небесных телах)* подтверждается их участием в инициированных США Соглашениях «Артемиды» (наряду с другими пятьюдесятью тремя странами)²¹, хотя и характеризуемых в качестве «политической приверженности принципам, ими установленным» (а не в качестве международных договоров), но предписывающих их обязательное применение посредством нормативного закрепления в последующих актах участников одноименной программы НАСА по исследованию Луны, Марса и иных небесных тел²² [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2024: 19-20]. Подход России отражен в совместном с Китаем альтернативном проекте – «Международная лунная научная станция» (МЛНС)²³, объединяющем более пятнадцати государств-партнеров, международные организации, а также неправительственные субъекты²⁴ (в том числе и тех, которые находятся под юрисдикцией государств – партнеров Соглашений «Артемиды»)²⁵. При этом оба проекта – «Артемиды» и МЛНС – предусматривают использование природных ресурсов небесных тел; различие между ними заключается, прежде всего, в том, что в дополнение к намерению использовать такие

¹⁸ Подробнее о терминологических особенностях см., напр.: [Вылегжанин, Юзбашян 2024:150-153].

¹⁹ LEGGE 13 giugno 2025, n. 89 Disposizioni in materia di economia dello spazio. (25G00095) (GU Serie Generale n.144 del 24-06-2025). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2025-06-24&atto.codiceRedazionale=25G00095&elenco30giorni=false (дата обращения: 27.09.2025).

²⁰ Ibid. Art. 2. 1. a) Definizioni. 1. «attività spaziale»: «...l'esplorazione, l'estrazione e l'uso delle risorse naturali dello spazio extra-atmosferico e dei corpi celesti, in conformita' agli strumenti giuridici adottati a livello internazionale...». Анализ аналогичного положения Закона США 2015 г. в контексте актуальной оценки соответствия космической природоресурсной деятельности «международным обязательствам США» см. [Юзбашян 2017:79-80]

²¹ The Artemis Accords (Principles for Cooperation in Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes). URL: <https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf> (дата обращения: 08.11.2025). Там же доступен список государств – участников Соглашений «Артемиды».

²² Artemis. URL: <https://www.nasa.gov/humans-in-space/artemis/> (дата обращения: 11.10.2025).

²³ International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership 06/16/2021. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html> (дата обращения: 11.10.2025).

²⁴ Подробнее про субъектные пересечения двух альтернативных международных лунных проектов, в том числе в рамках БРИКС, см.: [Юзбашян 2024:109-110; Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:8-10].

²⁵ International Lunar Research Station attracts more partners: CNSA. URL: https://english.www.gov.cn/news/202504/24/content_WS680976d7c6d0868f4e8f2045.html (дата обращения: 11.10.2025).

*природные ресурсы в целях обеспечения жизнедеятельности в космическом пространстве*²⁶ американский проект закрепляет право лиц под юрисдикцией государств-участников добывать и присваивать минеральные вещества небесных тел и в коммерческих целях [Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:23-29].

В разной степени детализации представлена правовая основа космической деятельности, включая частную, в государствах – участниках Соглашений «Артемиды» и в формате межправительственных соглашений МЛНС. В указанном контексте более детально разработанными выглядят национально-правовые акты США, которые начали создаваться менее чем через год после запуска Советским Союзом «Спутника-1» в октябре 1957 г.²⁷ В настоящее время отраслевое законодательство США представляет собой пример всесторонней поддержки развития частной космической деятельности²⁸. Один из последних актов такого американского законодательства – Указ Президента США «О содействии конкуренции в коммерческой космической отрасли» – был принят 13 августа 2025 г.²⁹ с целью обеспечения в космосе «первенства США, а не соперников» (раздел 1 Указа). Этому, как отмечено в документе, будет способствовать создание «конкурентного рынка коммерческих космических запусков, существенное увеличение их частоты, а также новых видов космической деятельности к 2030 году», в том числе посредством упрощения процедуры выдачи лицензий для операторов, находящихся под юрисдикцией США (раздел 2). Указ предусматривает ряд поручений Министру транспорта, Министру торговли, Министру обороны, руководителям НАСА и Федерального управления гражданской авиации США, иным ответственным лицам и правительственным подразделениям, включая Председателя Совета

по качеству окружающей среды, нацеленных на то, чтобы снять регулятивные барьеры (дублирующие; неприменимые к определенным видам космической деятельности) в сфере коммерческих запусков, инфраструктуры космопортов следующего поколения; реформировать профильную систему руководства и подотчетности. Раздел 5 Указа посвящен реформированию разрешительной системы для новых видов космической деятельности. При исключении пилотируемых полетов под «новыми видами космической деятельности» понимаются те, что «подпадают под действие статьи VI Договора по космосу 1967 г., но ясно или прямо не регулируются действующими правовыми режимами» (“activities that are covered by Article VI of the Outer Space Treaty of 1967, but not clearly or straightforwardly governed by existing regulatory frameworks”³⁰). По смыслу документа к ним относятся непилотируемые миссии в космосе с целью использования природных ресурсов небесных тел, в отношении которых на международно-правовом уровне специальный режим не установлен и на которые распространяется международная ответственность США за обеспечение их соответствия положениям Договора по космосу. Несмотря на то что инициатором национально-законодательного регулирования (раньше разработки специального международно-правового режима) использования природных ресурсов небесных тел в 2015 г. стали, как уже отмечалось, США; к настоящему времени первые лицензии на космическую природоресурсную деятельность были выданы не в США, а на основе законов Люксембурга (2017) и Японии (2021). С принятием Указа Президента США 2025 г. следует ожидать развития в этой стране данного направления космической деятельности, изначально в рамках приоритетных исследовательских миссий в

²⁶ Это право закреплено в п. 2 ст. 6 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Соглашение о Луне 1979 г.). Китай, Россия, США в нем не участвуют. Подробнее см.: [Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:18-23].

²⁷ 29 июля 1958 г. 34-й президент США Д.Д. Эйзенхауэр подписал Закон США о национальной авиации и космическом пространстве (The United States National Aeronautics and Space Act of 1958), согласно которому было учреждено Национальное управление США по авиации и исследованию космического пространства (NASA). Public Law No. 85-568 (07/29/1958). URL: <https://www.congress.gov/bill/85th-congress/house-bill/12575/text> (дата обращения: 11.10.2025).

²⁸ См. актуальный список неправительственных юридических лиц – партнеров НАСА. Current Space Agreements. URL: <https://www.nasa.gov/partnerships/current-space-act-agreements/> (дата обращения: 11.10.2025).

²⁹ Executive Order 14335 of August 13, 2025 “Enabling Competition in the Commercial Space Industry”. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/08/19/2025-15822/enabling-competition-in-the-commercial-space-industry> (дата обращения: 11.10.2025).

³⁰ Здесь и далее выделение курсивом цитируемых положений нормативно-правовых актов добавлено авт.

космосе, а затем, в долгосрочной перспективе, и в коммерческих целях, с подтверждением экономической целесообразности природоресурсной деятельности в космосе. В первом случае правовые последствия выдачи соответствующих лицензий не будут столь критичны³¹. Во втором случае оптимальным (для предупреждения международных споров в связи с природоресурсной деятельностью в космосе) является установление специального международно-правового режима такой деятельности³² раньше начала фактического использования природных веществ, добытых на небесных телах, в коммерческих целях на основе национальных разрешительных систем.

Таким образом, в общем контексте выявления лучшего зарубежного опыта законодательного регулирования космической природоресурсной деятельности, можно констатировать следующее. Во-первых, космическое природоресурсное законодательство названных иностранных государств не только опережает МКП в рассматриваемой области, но и способствует его востребованному развитию, хотя иногда и обозначая конфликтные правовые позиции государств. Во-вторых, при понимании изменений в оценках перспектив разработки природных ресурсов небесных тел и невозможности обеспечения таких разработок исключительно на основе бюджетных средств государств, все большее их количество разрабатывает дополнительные правовые меры вовлечения в такую деятельность частных лиц. В-третьих, в некоторых странах,

ранее не являвшихся субъектами космической деятельности, законодательные акты о природоресурсной деятельности в космосе были приняты в условиях отсутствия общего национально-правового регулирования космической деятельности (в том числе ее лицензирования, страхования, ответственности и контроля за ней). Пример тому – Люксембург, в котором Закон «О космической деятельности»³³ был принят в 2020 г., т.е. спустя три года после Закона Люксембурга об исследовании и использовании космических ресурсов 2017 г. В-четвертых, согласно зарубежным исследованиям в государствах с законодательством о природоресурсной деятельности в космосе констатируется прирост инвестиций в коммерческий космический сектор³⁴ [Janikowski 2025]. Национально-законодательная определенность в отношении прав собственности разработчиков природных ресурсов небесных тел на добытые в космосе вещества является, конечно, не единственной причиной такого роста. Этому же способствует и законодательная тенденция к снятию чрезмерных административных барьеров, меры поддержки развития «частной космонавтики» в этих же государствах: в США – стабильно и последовательно начиная с 80-х гг. прошлого столетия; в Люксембурге, ОАЭ, Японии, Бразилии, Италии – в последние годы.

Экономическая целесообразность использования природных ресурсов небесных тел последовательно подтверждается результатами профильных научных исследований³⁵. Эти

³¹ Такое действие государства подпадает под его право исследования космического пространства, включая небесные тела, согласно ст. I Договора по космосу 1967 г. Впервые образцы лунного грунта были доставлены на Землю 24 сентября 1970 г. советской автоматической станцией «Луна-16». См.: Пятьдесят пять лет назад лунный грунт был впервые доставлен на Землю автоматическим аппаратом. 24 сентября 2025 г. Российская Академия Наук. URL: <https://new.ras.ru/activities/news/pyatdesyat-pyat-let-nazad-lunnyy-grunt-byl-vpervye-dostavlen-na-zemlyu-avtomaticheskim-apparatom/> (дата обращения: 08.11.2025).

³² См. п. 5 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. Понятно, что это положение подлежит уточнению при согласовании универсального специального режима природных ресурсов небесных тел.

³³ Loi du 15 décembre 2020 portant sur les activités spatiales et modifiant: 1° la loi modifiée du 9 juillet 1937 sur l'impôt sur les assurances dite "Versicherungssteuergesetz"; 2° la loi modifiée du 4 décembre 1967 concernant l'impôt sur le revenu. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2020/12/15/a1086/jo> (дата обращения: 10/10/2025).

³⁴ Janikowski A. 2025. "Bold Steps Forward: The Investment Impact of Enacting Space Resources Legislation." Space Policy 72 (May): 101675. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0265964624000663#bib50> (дата обращения: 11.10.2025).

³⁵ Подр. см.: [Вылегжанин, Юзбашян 2024:148]; О недавних исследованиях в России см: Коршунов А. Пыльная работа: запчасти для лунной техники будут делать прямо на спутнике Земли. 18 сентября 2025 г. URL: <https://iz.ru/1956506/andrei-korshunov/pechat-svetom-zapchasti-dlya-lunnoj-tekhniki-budut-delat-priamo-na-sputnike-zemli> (дата обращения: 11.10.2025); О преимуществах потенциального перехода от природоресурсной деятельности на Земле к таковой в космическом пространстве (включающих дальнейший рост использования металлов при снижении социальных и экологических издержек на Земле) см. предметное начальное экономическое исследование (авторы должным образом учитывают актуальное состояние естественнонаучных данных, технологических и правовых аспектов):

экономические перспективы учитываются при долгосрочном планировании космической деятельности в рамках как частных космических проектов, так и правительственных и межправительственных программ различных государств, включая США, Россию, Китай, Индию, Японию³⁶. И хотя в ближайшие годы речь не идет о технологической и экономической готовности любого из этих государств к коммерческому использованию природных ресурсов небесных тел в промышленных масштабах, тем не менее развитие соответствующих технологий, инновационных правовых и экономических процессов стремительно ускоряется, что требует адекватного, своевременного законодательного реагирования в России.

3. Сопоставление законодательства России о космической деятельности с обозначенным международным опытом

3.1. Характеристика основных положений законодательства Российской Федерации, применимых к коммерческой космической деятельности

Основа российской правовой системы – Конституция Российской Федерации – содержит лишь одно положение о космической деятельности: подп. «и» ст. 71 относит ее к предметам ведения Российской Федерации, что свидетельствует о ее общегосударственной значимости, необходимости федерального управления ею, направленности на обеспечение общегосударственных интересов России в целом [Симонян 2007]. Соответственно, космическая деятельность регулируется исключительно на федеральном уровне, и применимыми к ней являются акты федерального законодательства России.

Ключевым из них является Закон Российской Федерации от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (Закон о космической деятельности). В соответствии с его ст. 1 отношения в области космической деятельности

регулируются, помимо упомянутого закона, Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, а также другими (помимо Закона 1993 г.) федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В Разделе I Закона («Общие положения») к понятию «космическая деятельность» отнесена всякая деятельность, «связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». В этом же разделе Закона обозначены цели космической деятельности, ее принципы.

Согласно Разделу II («Организация космической деятельности») общее руководство космической деятельностью «осуществляет Президент Российской Федерации» (ст. 5). Уполномоченным органом по космической деятельности, в соответствии с Законом, утверждена «Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» (ст. 6). Указанный уполномоченный орган осуществляет и функции государственного регулирования экономической деятельности в космосе (например, разрабатывает проекты федеральных программ в области космической деятельности) и вместе с тем организует «использование (эксплуатацию) космической техники» в целях реализации «федеральных программ в области космической деятельности» (ст. 6). В этом же разделе Закона отмечено, что реализацию государственной политики в области космической деятельности в интересах обороны и безопасности Российской Федерации осуществляет Федеральный орган исполнительной власти по обороне. Этот же орган организует работу по созданию космической техники военного назначения (ст. 7).

В соответствии с Разделом III Закона («Экономические условия космической деятельности») объем финансирования космической деятель-

[Fleming, Lange, Shojaeinia, Stuermer 2023]; об основных направлениях программы НАСА, США, в рамках приоритетного будущего использования добытых на небесных телах природных веществ для обеспечения жизнедеятельности миссий в космическом пространстве (in situ resource utilization – ISRU) см. результаты анализа специалистов профильного подразделения НАСА: Gerald Sanders, ISRU System Capability Lead, STMD I, Kleinhenz J., ISRU System Capability Deputy, STMD I. Space Mining is Coming: Implications for Space Exploration and Terrestrial Mining. Keynote to World Mining Congress. New Mining Frontiers. June 27, 2023. URL: https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20230008182/downloads/Space%20Mining%20Keynote_Sanders-Final.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

³⁶ Актуальный список лунных миссий см.: Moon missions. URL: <https://science.nasa.gov/moon/missions/> (дата обращения: 11.10.2025).

ности «определяется в федеральном бюджете на соответствующий год». При этом такое финансирование «осуществляется в порядке, предусмотренном для государственного оборонного заказа». Предусматривается вместе с тем и возможность использования «внебюджетных средств» на финансирование работ, предусмотренных государственными контрактами на выполнение услуг по федеральным программам в области космической деятельности. Отмечено, что «организациям и гражданам, участвующим в осуществлении космических проектов, могут в установленном порядке предоставляться государственные гарантии и льготы в соответствии с законодательством Российской Федерации». Более того, не запрещено и вовлечение в российскую космическую деятельность иностранных инвесторов, хотя их правовой режим предметно не определен Законом. Отмечено лишь, что «иностранные инвестиции в космическую деятельность, связанную с выполнением федеральных космических программ, могут гарантироваться средствами федерального бюджета, а также имуществом, находящимся в государственной федеральной собственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Финансирование космической деятельности может осуществляться за счет средств не только федерального бюджета, но и за счет «внебюджетных средств, в том числе в соответствии с условиями концессионных соглашений» (ст. 12).

Из контекста Закона следует сделать вывод о том, что космическая техника может находиться не только в собственности государства; согласно ст. 15, «использование (эксплуатация) космической техники (при условии государственной регистрации прав на нее) осуществляется ее собственником либо лицом, которому собственником или уполномоченным собственником лицом предоставлены в установленном законом порядке права на использование (эксплуатацию) космической техники».

Согласно ст. 18 Закона космическая инфраструктура Российской Федерации включает в себя: космодромы (наземные); стартовые комплексы и пусковые установки; командно-измерительные комплексы; центры и пункты управления полетами космических объектов; пункты приема, хранения и обработки информации; базы хранения космической техники и т.п. Согласно Закону, «объекты космической инфраструктуры, являющиеся федеральной собственностью,

находятся в хозяйственном ведении или оперативном управлении государственных организаций, осуществляющих их эксплуатацию». Вместе с тем не обозначена монополия государственной собственности на такие объекты: «Передача объектов космической инфраструктуры, являющихся федеральной собственностью, другим организациям, в том числе в целях эксплуатации данных объектов, осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» (ст. 18). Более того, Закон уточняет, что «объекты космической инфраструктуры, созданные концессионером в рамках концессионного соглашения, могут передаваться во владение и пользование концессионера в целях осуществления концессионером деятельности, предусмотренной концессионным соглашением, в соответствии с условиями концессионного соглашения и решением о заключении концессионного соглашения, принятым Правительством Российской Федерации».

Разделом V Закона («Безопасность космической деятельности») предусмотрено: «Ответственность и общее руководство работами по обеспечению безопасности космической деятельности возлагаются на уполномоченный орган по космической деятельности и федеральный орган исполнительной власти по обороне» (ст. 22).

Большинство исследователей Закона о космической деятельности 1993 г. сходятся во мнении о том, что в отечественных реалиях не созданы достаточные правовые, организационные и экономические условия для коммерциализации космического сектора; что частная космическая деятельность не запрещена Законом, но и не стимулируется им; хотя в Основах государственной политики в области использования результатов космической деятельности в интересах модернизации экономики Российской Федерации и развития ее регионов на период до 2030 г. (утв. Президентом РФ 14 января 2014 г. № Пр-51) предусмотрена цель создания «условий для коммерциализации космических продуктов и услуг»; но эта цель не достигнута. Отмечено также, что еще в конце прошлого столетия (с 1996 г.) началась работа над проектом Федерального закона «О предпринимательской деятельности в области исследования и использования космического пространства» (проект № 96700149-2), однако этот проект содержал множество неудачных формулировок и в итоге не был принят.

В таком контексте в научной литературе выделяется ряд факторов, осложняющих дальнейшее развитие коммерческой космической деятельности в России:

- высокая степень предпринимательского риска; значительная стоимость частных космических проектов, в силу чего они могут быть осуществлены только за счет внушительных по объему инвестиционных средств; риск непрогнозируемого прекращения НИОКР в космической сфере; невозможность застраховать риски космической деятельности в полном объеме без помощи бюджетных средств. (Отметим, что с такими сложностями сталкиваются частные субъекты не только под российской юрисдикцией; они в целом характерны для коммерческой космической отрасли различных государств)³⁷;

- искусственное создание неравной конкуренции между государственными структурами и предпринимателями; Роскосмос выступает учредителем многих юридических лиц, занимающихся коммерческой деятельностью, и при этом Роскосмос уполномочен регулировать деятельность космических компаний (в том числе своих конкурентов). В связи с этим в науке предложено создать такую конфигурацию, при которой Роскосмос будет брать на себя те проекты, которые под силу реализовать лишь государству. (Отметим, что отраслевая дифференциация правительственных и частных проектов зависит от совокупности правовых, экономических, политических факторов и вряд ли может быть реализована в короткие сроки. Например, в США подобным мерам способствовало последовательное развитие национального законодательства в последние сорок лет начиная с принятия в 1984 г. Закона США «О коммерческих космических запусках»³⁸; такие меры стали применяться после завершения программы НАСА Constellation («Созвездие»)³⁹ в 2011 г.;

- отсутствие должного механизма и устоявшейся практики государственно-частного партнерства в космической сфере (притом что

в США многие успешные космические проекты были осуществлены именно в таком формате; наглядным примером является партнерство Space X и NASA) [Якушева 2022]. Показательно, что российский законодатель недавно внес космические объекты и космическую инфраструктуру в перечень возможных объектов государственно-частного партнерства (Федеральным законом от 22.07.2024 № 196-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены поправки в статью 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ „О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации“).

К неблагоприятным факторам, сдерживающим развитие в России частного коммерческого сектора, относятся, по мнению другого исследователя, также следующие:

- отсутствие в российском законодательстве о космической деятельности положений, предоставляющих российским лицам право собственности на добытые ими в космосе природные вещества, что дестимулирует инвестиции в космическую деятельность;

- российские космические компании создаются как малые «стартап-проекты». Российским крупным бизнесом космическому сектору экономики уделяется незначительное внимание. (Отметим пример известного современного лидера частной космонавтики, американской компании SpaceX, капитал которой изначально формировался главным образом из средств по контрактам с НАСА начиная с 2008 г.⁴⁰ Иначе говоря, системная государственная законодательная и экономическая поддержка в данном случае результативно способствовала развитию частной космонавтики);

- высокая степень зависимости российских космических компаний от величины государственного заказа, от бюджетного финансирования;

³⁷ Здесь и далее при рассмотрении суждений и оценок других исследователей курсивом выделены комментарии авторов статьи.

³⁸ Public Law 98-575 of Oct 30, 1984. Commercial Space Launch Competitiveness Act (сокращенное наименование согласно ст. 1 закона). URL: <https://www.congress.gov/98/statute/STATUTE-98/STATUTE-98-Pg3055.pdf> (дата обращения: 11.10.2025).

³⁹ Подробнее см.: Constellation Program: Lessons Learned: Executive Summary. Volume 1. URL: <https://ntrs.nasa.gov/citations/20110012168> (дата обращения: 11.10.2025).

⁴⁰ NASA Awards Launch Services Contract to SpaceX. April 23, 2008. URL: <https://phys.org/news/2008-04-nasa-awards-spacex.html> (дата обращения: 11.10.2025).

– зависимость отечественного частного космического сектора от зарубежной микроэлектроники;

– закрытость информации о развитии космических технологий — подобная информация в значительно большей степени доступна публичным субъектам, нежели частным инвесторам, в связи с чем возможности частного сектора в области поиска новых «ниш» существенно ограничивается [Ефимова 2023:46-48];

В числе других факторов, отрицательно сказывающихся на развитии частной космической деятельности в России, выделены также следующие:

– наличие существенных административных барьеров; разработка даже малых космических аппаратов требует лицензии; согласно *Постановлению Правительства РФ от 14 февраля 2022 г. № 168 (ред. от 25 августа 2025 г.) «Об утверждении Положения о лицензировании космической деятельности и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»*, требуется получение лицензии на производство любой ракетно-космической техники, кроме опытных образцов, а процесс получения лицензии может оказаться крайне обременительным;

– при изготовлении даже малого космического аппарата предписывается, чтобы все используемые электронные компоненты были «космического или военного класса» [Кириллин 2018:15-17].

В научной литературе отмечена еще одна проблема: такая высокорисковая деятельность, как космическая, невозможна без адекватного механизма страхования рисков; в связи с существенным объемом финансовых средств, которые потребуются выплатить при наступлении страхового случая, особую значимость приобретает передача рисков в перестрахование; в настоящее время отечественный рынок страхования и перестрахования в недостаточной степени покрывает потребности космической отрасли; ни одна страховая компания не обладает достаточной

финансовой емкостью, которая могла бы в полной мере покрыть космические риски; и это является одним из факторов, сдерживающих развитие российского коммерческого космического сектора [Якушева 2022].

В нынешних геополитических условиях для российских организаций⁴¹, страхующих риски космической деятельности, доступна Российская национальная перестраховочная компания (РНПК), которая с 2022 г. принимает в перестрахование все российские космические риски⁴². Однако мировая практика показывает, что значительно более эффективным является передача страховых рисков не одной, а нескольким перестраховочным организациям (в формате «синдицированного перестрахования»). В настоящее время синдицированное перестрахование является одним из довольно малоразвитых секторов российской экономики. В случае дальнейшего роста частной космической деятельности неизбежно усилится потребность в страховании рисков космической деятельности, и на данный момент вызывает сомнения вопрос о том, позволит ли имеющийся объем средств РНПК справиться с возрастающим спросом на перестраховочные услуги в космической отрасли⁴³.

Закон о космической деятельности (ч. 1 ст. 25) устанавливает: «Организации и граждане, которые используют (эксплуатируют) космическую технику или по заказу которых осуществляются создание и использование (эксплуатация) космической техники, производят обязательное страхование жизни и здоровья космонавтов, работников объектов космической инфраструктуры, а также ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу других лиц, в порядке и на условиях, которые установлены законом». Наличие приведенного положения об обязательном страховании ответственности перед третьими лицами (которое присутствует не только в российском законодательстве, но и в законодательстве ряда других юрисдикций) обусловлено положениями Договора по космосу 1967 г. и Конвенцией ООН о международной ответственности за ущерб, причиненный

⁴¹ АО «Марш-страховые брокеры» с многолетним опытом работы на российском перестраховочном рынке продолжает деятельность под брендом Remind. См.: Страховой брокер Remind завершил процесс локализации. URL: <https://www.remind.ru/tpost/7s54utaf21-strahovoi-broker-remind-zavershil-protse> (дата обращения: 11.10.2025).

⁴² РНПК принимает на перестрахование все российские космические и авиариски. – Frank Media. 1.07.2022. URL: https://frankmedia.ru/76472?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 11.10.2025).

⁴³ Отмеченная в 2019 г. специалистами проблема неразвитости отечественного перестраховочного рынка актуальна и по сей день, см.: [Камолов, Красноштанова 2019:216].

космическими объектами 1972 г., в силу которых государство, которое осуществляет или организует запуск, а равно государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта, несет абсолютную ответственность за причиненный космическими объектами ущерб на Земле и в воздушном пространстве. Требование об обязательном страховании ответственности перед третьими лицами является действенным способом обеспечения возмещения государству понесенных им (в связи с наступлением его материальной ответственности) расходов по возмещению на международном уровне причиненного ущерба в таких случаях, например, когда запуск космического объекта осуществлялся частным субъектом, находящимся под национальной юрисдикцией, или когда этот субъект являлся собственником объекта или его составной части⁴⁴. Эффективной мерой стимулирования развития частного космического сектора экономики было бы также установление предела обязательного страхового покрытия, сверх которого расходы по возмещению наступившего ущерба государство несет исключительно за свой счет (без последующих регрессных требований к лицу под национальной юрисдикцией). В США с 1988 г.⁴⁵ действуют следующие правительственные меры поддержки: ограничение суммы обязательного страхования ответственности перед третьими лицами (либо иной формы предоставления финансовых гарантий возмещения потенциального ущерба, причиненного космическими объектами, принадлежащим лицам) в 500 млн долл. (либо в сумме, равной максимальному страхованию ответственности по разумной стоимости на мировом рынке, если таковая меньше указанной суммы в 500 млн долл.); ограничение суммы по требованиям Правительства США (в случае, когда ущерб причинен правительству) в 100 млн долл. (либо в сумме, равной максимальному страхованию ответственности по разумной стоимости на мировом рынке, если таковая меньше указанной суммы в 100 млн долл.). Подобные ограничения суммы обязательного страхового покрытия представляются эффективными и для

содействия развитию частной космической деятельности в России. В ч. 2 ст. 25 российского Закона о космической деятельности предусмотрено: «Организации и граждане, осуществляющие космическую деятельность, могут производить добровольное страхование космической техники (рисков утраты, недостачи или повреждения космической техники)». Из толкования этих положений можно предположить, что страхование космических объектов является правом, а не обязанностью субъектов космической деятельности. В частности, в одном из дел, инициированных «Роскосмосом» против государственного унитарного предприятия (которое по государственному контракту с Минобороны России обязалось изготовить и поставить ракету-носитель) в связи с аварией данной ракеты, было отмечено судом следующее: «Действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрено обязательное страхование риска утраты космической техники при осуществлении запусков, финансируемых за счет средств федерального бюджета»⁴⁶.

Вероятность наступления ответственности перед третьими лицами в ходе осуществления космической деятельности считается не столь высокой: отмечено всего несколько случаев наступления такой ответственности [Камолов, Красноштанова 2019:215]; тем не менее нельзя в перспективе не учитывать высокие суммы ущерба как в случае наступления такой ответственности, так и в случае утраты, повреждения космических объектов. Стало быть, совершенствование правовой базы как страхования ответственности, так и имущественного страхования при осуществлении космической деятельности остается приоритетной задачей.

3.2. Специальные вопросы формулирования положений законодательства Российской Федерации о космической природоресурсной деятельности

Рассмотренный выше Закон Российской Федерации «О космической деятельности» 1993 г. никоим образом не запрещает природоресурсную деятельность, однако не содержит и каких-либо

⁴⁴ Подробнее об особенностях ответственности государства по МКП см.: [Юзбашян 2018:51-52].

⁴⁵ Public Law 100-657 – Nov. 15, 1988. An Act to facilitate commercial access to space, and for other purposes. Sec. 5 Insurance Requirements of Licensee. В актуальной редакции см.: 51 U.S. Code § 50914 – Liability insurance and financial responsibility requirements.

⁴⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2018 г. № 09АП-69826/2017 по делу № А40-5616/16.

положений, которые бы разрешали ее *expressis verbis*; тем более Закон 1993 г. не определяет порядок осуществления такой деятельности. Наличествуют лишь косвенные указания на то, что такая деятельность допускается российским законодателем. В дополнение к отмеченному ранее, обратим внимание на формулировку в Законе понятия «космическая деятельность»: «Любая деятельность, связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». Соответственно, к основным направлениям космической деятельности Законом отнесены: «...производство в космосе материалов и иной продукции; другие виды деятельности, осуществляемые с помощью космической техники» (ст. 2). Анализ данных законодательных положений позволяет предложить некоторые выводы. Во-первых, космическая деятельность, согласно Закону, представляет собой не только деятельность научно-исследовательского характера, но может быть направлена и на извлечение материальных выгод от «использования» космоса, в том числе небесных тел. Во-вторых, природоресурсная деятельность в космосе в целом допустима: термин «продукция» в указанном Законе и иных актах российского законодательства в целом не определен, однако его использование законодателем в иных правовых источниках (к примеру, в Федеральном законе от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О соглашениях о разделе продукции») свидетельствуют о том, что данный термин можно толковать как включающий полезные ископаемые, добытые с поверхности небесных тел или их недр. В-третьих, Закон предусматривает неисчерпывающий перечень направлений космической деятельности; вышеупомянутое определение представляется достаточно широким и может охватывать экономическую деятельность на небесных телах, тем более что статья 3 Закона указывает в качестве одной из целей космической деятельности «содействие экономическому развитию государства», а в преамбуле Закона развитие национальной экономики провозглашено в качестве одного из направлений правового регулирования космической деятельности.

Такое понимание воли российского законодателя подтверждает и анализ «Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ от 19 апреля 2013 г. № Пр-906). Документ носит политический характер, не является актом федерального законодательства о деятельности в космосе, однако он позволяет уточнить общую логику регулирования в этой сфере. В п. 5 этого документа в числе государственных интересов Российской Федерации в области космической деятельности отмечено «получение научных данных» о космосе, Земле и небесных телах «для развития фундаментальной науки, достижения и поддержания лидирующих позиций на наиболее значимых ее направлениях, в том числе в исследовании Луны, Марса, других тел Солнечной системы, для поиска внеземной жизни, использования внеземных ресурсов».

Единственное положение, применимое к определению позиции российского законодателя относительно статуса недр небесных тел, содержится в п. 5 ст. 17 Закона о космической деятельности: «Права по юрисдикции и контролю над космическим объектом, а также права собственности на такой объект не затрагивают правового статуса занимаемой им зоны (участка) космического пространства, поверхности или недр небесного тела». Но это положение никак не затрагивает вопрос о вещных правах на полезные ископаемые, на всякие извлеченные на небесных телах природные вещества. Из текста данного закона, с одной стороны, явствует, что законодатель не стал определять статус недр небесных тел. Как отмечается в комментарии к рассматриваемому Закону, в приведенном положении имеется в виду, что суверенитет Российской Федерации не распространяется на поверхность и недра небесных тел; что, безусловно, вытекает из упомянутой выше ст. II Договора по космосу 1967 г.⁴⁷ С другой стороны, что не противоречит первому выводу, в контексте этого комментария уместно пояснение следующих нюансов. Указанная статья Договора в качестве объектов неприисвоения называет «космическое пространство, включая Луну и другие

⁴⁷ Батяев А.А. Комментарий к Закону РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (постатейный). – СПС «Консультант Плюс», 2010.

небесные тела» в целом, однако не содержит упоминания об участках поверхности и недр небесных тел. Положение о неприсвоении детализировано в Соглашении о Луне 1979 г. (Россия в нем не участвует [Колосов, Юзбашян 2015:16]): «Размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или недрами, не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки» (п. 3. ст. 11 Соглашения 1979 г.). Обращает на себя внимание то, что формулировка п. 5 ст. 17 российского Закона о космической деятельности представляет собой некое сочетание: а) положения ст. VIII Договора 1967 г. (устанавливающей «незатронутость», неизменность, сохранение «земного» статуса прав собственности, юрисдикции и контроля в отношении космических объектов вне зависимости от их местонахождения) и б) цитированного выше п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. (хотя Россия в этом Соглашении не участвует). При этом предусмотрено, что данное Положение Закона «не затрагивает правового статуса занимаемой им зоны (участка) космического пространства, поверхности или недр небесного тела» (п. 5. ст. 17); а последнее представляет собой модификацию положения Соглашения о Луне о том, что оно «не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки» (п. 3. ст. 11). В обозначенном контексте российский законодатель выражает приверженность подходу, отраженному в Соглашении 1979 г., в части определения статуса поверхности и недр небесных тел.

Вместе с тем более конкретный вопрос – о приобретении российским лицом права собственности на полезные ископаемые, добытые из недр небесных тел – в российском Законе, повторим, не решен.

Подзаконные акты законодательства России, применимого к космической деятельности, также не содержат каких-либо (даже косвенных) ответов на этот счет. Уместно ли для

поиска обращение к общим положениям гражданского законодательства о вещных правах? Сформулируем вопрос конкретнее: позволяет ли российское законодательство (в его текущем состоянии) инвестору, субъекту космической деятельности приобретать права, например, на добытые на небесном теле полезные ископаемые? Доступны ли указанному лицу механизмы защиты по российскому законодательству вещных прав на эти внеземные материалы?

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) не упоминает полезные ископаемые небесных тел в качестве объектов гражданских прав («К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага»). Можно ли их отнести к «вещам», с точки зрения ГК РФ, т.е. к объектам материального мира, способным удовлетворять потребности человека и/или иметь определенную коммерческую ценность, находиться в обладании⁴⁸? Тем более что данное определение поддержано судебной практикой⁴⁹. В отечественной науке отмечается, что природные ресурсы, в том числе минеральные ресурсы – это ресурсы *in situ* («на месте»), т.е. ресурсы в месте их залегания, в том числе в недрах. Понятие «полезные ископаемые» в русском аутентичном тексте некоторых международных договоров обозначает уже извлеченные из места залегания природные вещества [Колосов 2007:30]. Этот же подход разделяется и другими учеными, которые считают, что с момента извлечения из места залегания полезные ископаемые перестают рассматриваться как компонент природной среды и, следовательно, с точки зрения российского права должны признаваться объектами гражданских прав⁵⁰.

⁴⁸ Гражданское право. Общая часть: учебник. Под ред. Е.С. Болтановой. М.: ИНФРА-М, 2023.

⁴⁹ См., напр.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 октября 2024 г. по делу № 88-20244/2024; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 1 ноября 2019 г. № Ф01-5328/2019 по делу № А38-11151/2018; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 июня 2021 г. № Ф03-2779/2021 по делу № А73-12508/2020.

⁵⁰ Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). – СПС «Консультант Плюс». 2019.

Судебная практика также подтверждает, что *полезные ископаемые, извлеченные с поверхности и недр в пределах территории России, следует рассматривать как вещи, конкретно – как движимые вещи*⁵¹ по смыслу ГК РФ. Но применим ли ГК РФ к отношениям лиц, возникающим при разработке природных ресурсов небесных тел?

В юридической науке ссылаются на то, что ст. 221 ГК РФ предусматривает: «В случаях, когда *в соответствии с законом*, общим решением, данным собственником, или в соответствии с местным обычаем *на определенной территории* допускается сбор ягод, добыча (вылов) рыбы и других водных биологических ресурсов, сбор или добыча *других общедоступных вещей и животных*, право собственности на соответствующие вещи приобретает лицо, осуществившее их сбор или добычу». Данная статья отражает один из первоначальных способов приобретения права собственности – «занятие» (*occupatio*) [Груздев 2021]. Но применимость цитируемой нормы к космическим полезным ископаемым – это вопрос дискуссионный. Во-первых, в статье указано на разрешение на добычу общедоступных вещей «в соответствии с законом», но не с международным правом, а термин «местный обычай» явно не включает нормы обычного международного права; скорее, обозначая в данном контексте обычай, принятый в определенной местности на территории России. Во-вторых, под термином «территория» в данном положении закона явно не имеется в виду космическое пространство; речь идет о части территории Российской Федерации, конечно же. Такое понимание подтверждается и общим контекстом ст. 15 Конституции РФ, по смыслу которой положения Конституция РФ, ее законы применяются на «территории Российской Федерации».

Некоторые отечественные исследователи в качестве одного из примеров приобретения права собственности за пределами территории РФ на вещи, ранее никому не принадлежавшие, путем занятия («оккупации») согласно ст. 221 ГК РФ, приводят случаи вылова рыбы в открытом море [Тархов, Рыбаков 2007]⁵². Но это – ошибка исследователя: право собственности лица –

владельца рыболовного судна (российского или иностранного) – на морепродукты, добытые в открытом море (за пределами территории РФ), возникает у лица не в силу ГК РФ, а в силу международного права, конкретно – согласно применимым обычным и договорным нормам, в том числе содержащимся в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Вместе с тем при всем различии международно-правового режима открытого моря и космического пространства, у этих пространств есть и правовые сходные характеристики: они оба открыты для использования всеми государствами, при соблюдении применимых норм международного права, в том числе при должном учете интересов других акторов [Meira 2023]. Ни в открытом море, ни в космическом пространстве субъектам хозяйственной деятельности не воспрещается *expressis verbis* вести природоресурсную деятельность. В этом контексте важна констатация Е.А. Коровина о том, что «исходя из представления о космосе как об объекте общего пользования для всего человечества (*res communis omnium*), следует признать, что методы и правила общего пользования могут быть установлены по взаимному согласию всех «пользователей», т.е. по международному соглашению» [Колосов 2014:90-91]. А универсального международного соглашения о режиме разработки природных ресурсов небесных тел нет, как уже было отмечено.

На площадке Комитета ООН по космосу позиция Российской Федерации сводится к следующему. Россия выступает против подхода, отстаиваемого США и их сателлитами в отношении допустимости присвоения природных ресурсов небесных тел исключительно на основе национальных законов. В 2017 г. на 56-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу российская делегация выразила обеспокоенность в связи с таким толкованием норм международного космического права, которое допускает это присвоение. Россия подчеркнула недопустимость посягательства на устоявшийся международно-правовой режим космической деятельности; впоследствии в Юридический подкомитет было направлено обращение с просьбой четко определить предмет будущей

⁵¹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 мая 2024 г. № 18АП-1806/2024 по делу № А76-29949/2022 (подтверждено Определением Верховного Суда РФ от 25 февраля 2025 г. № 309-ЭС25-42).

⁵² Подробнее о возможной аналогии между правовым режимом вылова рыбы в открытом море и космической природоресурсной деятельностью см.: [von der Dunk 2018a:93].

международно-правовой базы. Позднее, в 2023 г. Россия представила «Рабочей группе по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами», свою развернутую позицию по правовому статусу минеральных ресурсов небесных тел. По мнению России, «любой акт присвоения государством или юридическим лицом будет представлять собой нарушение гарантированной свободы других заинтересованных сторон»⁵³. Ни поверхность небесных тел, ни их недра не могут рассматриваться как собственность какого-либо государства, международной организации, государственной организации, неправительственного учреждения, частной компании или отдельного лица. Все находящиеся в космосе природные ресурсы, согласно позиции Российской Федерации, являются неотъемлемой частью космического пространства — причем это относится как к ресурсам, расположенным на поверхности небесного тела, так и к природным веществам, извлекаемым из его недр, ибо и те и другие органически связаны с пространством самого небесного тела; даже будучи извлеченным с небесного тела, минеральное вещество «не утрачивает свое уникальное природное внеземное происхождение, в отличие от ресурса, добываемого на Земле»; что всякое космическое полезное ископаемое является *res extra commercium*; изъятие природного вещества с поверхности или недр небесного тела не порождает каких-либо вещных прав на него⁵⁴.

Означает ли это, что с точки зрения российской правовой политики космические полезные ископаемые, добытые субъектом космической деятельности, не могут быть предметом гражданско-правовых операций, и права на такие материалы не подлежат национально-правовой защите в России? Что в данном случае применим принцип *nemo dat quod non habet*, и в соответствии с этим любая сделка, направленная на распоряжение активом, совершенная не собственником или иным неправомочным лицом, является недействительной?⁵⁵. Очевидно,

что такой подход, оставляющий российских субъектов космической природоресурсной деятельности без полноценной защиты по российскому законодательству, не стимулировал бы отечественную коммерческую деятельность в космосе.

Неразвитыми остаются и иные направления специального законодательного регулирования экономической деятельности, которые потенциально могли бы быть применимы к деятельности в космосе. В частности, существенное значение для российской экономики имели бы налоговые поступления в государственный бюджет от прибыли, которая может в перспективе получена вследствие добычи полезных ископаемых в космосе. В перспективе данный вопрос также потребует детального урегулирования. Несмотря на то что *Налоговый кодекс Российской Федерации* (НК РФ) предусматривает налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), в соответствующих положениях существует явный пробел. Статья 336 НК РФ признает объектом налогообложения применительно к НДПИ только те полезные ископаемые, которые добыты из недр на территории Российской Федерации или из недр за ее пределами на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации. Следовательно, добыча полезных ископаемых в космосе находится за рамками действующего налогового регулирования.

В настоящее время возможны разные подходы к тому, каким образом можно распространить действие российского налогового законодательства на добычу полезных ископаемых небесных тел: путем внесения очередных поправок в главу 26 НК РФ, посвященную НДПИ, в том числе внесением положения о нулевой ставке НДПИ на начальном этапе такой добычи; или путем введения специального законодательного режима налогообложения добычи полезных ископаемых в космосе; вторая альтернатива обосновывается инновационностью области, требующей значительных инвестиций с очень длительным сроком окупаемости [Хаванова 2020].

⁵³ "In this regard, any act of appropriation by a State or entity/ individual would be a violation of the guaranteed freedom of other interested parties". Документ ООН A/AC.105/C.2/2023/CRP.20. Russian Federation – Input to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities. 20 March 2023. English only. P. 6. – *Committee on the Peaceful Uses of Outer Space Legal Subcommittee Sixty-Second session*. Vienna. 20–31 March 2023.

⁵⁴ Подр. см.: [Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:33–35].

⁵⁵ См. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 декабря 2021 г. № Ф05-30865/2021 по делу № А41-81910/2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30 января 2023 г. № Ф09-9942/22 по делу № А07-11155/2020.

Законодательные пробелы содержатся и в другой значимой области регулирования – лицензировании космической деятельности. Основные положения по данному вопросу изложены в упоминавшемся Постановлении Правительства РФ № 168. В настоящее время добыча полезных ископаемых на небесных телах отсутствует в перечне видов космической деятельности, подлежащих лицензированию, приведенном в Постановлении.

Изложенное выше свидетельствует о том, что востребована комплексная законодательная реформа, в ходе которой следует проработать как частноправовые, так и публично-правовые аспекты законодательного регулирования Российской Федерацией космической природоресурсной деятельности в российском праве. Несомненно, что обозначенное обновление российского законодательства должно быть гармонизировано с международно-правовой позицией России в Комитете ООН по космосу. В настоящее время эта позиция, как было отмечено, требует уточнений в контексте стратегической цели: создания для российских инвесторов в космическую природоресурсную деятельность правовых условий не менее благоприятных, чем те, что уже созданы для инвесторов по законодательству США, Люксембурга, Японии, других названных иностранных государств.

4. Заключение

Тенденции законодательной поддержки развития частной космической деятельности последовательно формировались начиная с 80-х гг. XX столетия, прежде всего, в США. Впоследствии и другие государства, как выше было показано, стали в своем национальном законодательстве предусматривать сопоставимые правовые механизмы, включая снятие регулятивных барьеров в нормах о лицензировании космической деятельности, установление предела обязательного страхования ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, разграничение отраслевых товаров, технологий и услуг на категории двойного назначения и оборонного значения, для целей создания сопоставимых условий экспортного контроля и т.д.

Эти изменения происходили постепенно; соответственно, формировался обновленный по субъектному составу мировой и национальные секторы космической экономики. Значительный рост количества частных акторов, заинтересованных в развитии экономической деятельности в космосе, обозначен уже в XXI в., особенно после принятия в США Закона об исследовании и использовании космических ресурсов в 2015 г., а впоследствии и аналогичных нормативно-правовых актов других государств, кратко охарактеризованных в настоящей статье. К концу 2025 г. в результате действия совокупности инновационных правовых и экономических процессов обозначается существенный рост частных инвестиций в космическую деятельность, включая ее природоресурсное направление (актуальное – в исследовательских целях; перспективное – в коммерческих), со все более совершенным законодательным подтверждением ее целесообразности.

Если до 2020-х гг. пересмотр подхода России к субъектному составу космической деятельности обсуждался преимущественно в кругу специалистов, то в последние годы наличествуют признаки того (преимущественно в форме правительственных решений⁵⁶), что в сравнительно краткосрочной перспективе ожидается разработка необходимых правовых и экономических механизмов для развития частной космической деятельности под юрисдикцией России.

Как было показано в настоящей статье, правовые документы Российской Федерации, включая Закон о космической деятельности, не запрещают частные инвестиции в космическую природоресурсную деятельность; но и не предусматривают (в отличие от проанализированного законодательства иностранных государств) каких-либо стимулов для таких инвестиций. Иными словами, на данный момент российское законодательство не создало сопоставимую с иностранной благоприятную правовую среду для частных инвестиций (отечественных или зарубежных) в исследование и разработку природных ресурсов Луны, астероидов, иных небесных тел. Позиция, представленная Российской Федерацией в Комитете ООН по космосу в ее текущей версии также требует

⁵⁶ См., напр., Национальный проект «Развитие космической деятельности». URL: <https://xn--80aapampemcchf-mo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/perspektivnye-kosmicheskie-tekhnologii-i-servisy/> (дата обращения: 11.10.2025).

уточнений в контексте создания благоприятных международно-правовых стимулов для частных инвестиций в отечественную космонавтику, с учетом наиболее успешного зарубежного законодательного опыта стимулирования таких инвестиций.

Корректировка такой международно-правовой позиции и создание более совершенной отечественной законодательной базы для инвестиций в природоресурсную деятельность в космосе, прежде всего, путем предоставления лицам под юрисдикцией Российской Федерации права собственности на добытые ими природные вещества небесных тел востребованы, как было показано в статье. Вместе с тем только эти меры, как нам представляется, не будут достаточными. Опыт зарубежных государств с развитой космической отраслью показывает, что соответствующая правовая реформа законодательства России о космической деятельности, будучи комплексной, должна сопровождаться кропотливой, продуманной работой по созданию надлежащих условий (как правовых, так и экономических) для развития ряда значимых областей российской экономики, в том числе таких, как страхование рисков космической деятельности, включая страхование космических объектов, страхование ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Кроме того, потребуется системное

устранение излишних регулятивных барьеров; умное, этапное введение полезных ископаемых, добытых на небесных телах, в сферу регулирования российского законодательства; разработка специальных требований и условий разрешительного порядка осуществления природоресурсной деятельности в космосе и т.д.

К настоящему времени вопрос о совершенствовании законодательных условий инвестиций в космическую деятельность находится в фокусе внимания и на высшем уровне. Так, в июле 2025 г. по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам Президент Российской Федерации дал поручение обеспечить формирование нормативно-правовой базы в целях привлечения частных инвестиций для реализации проектов в сфере космической деятельности, а также устранить регуляторные барьеры, препятствующие расширению участия частных организаций в космической деятельности, упростить для таких организаций доступ к научной и испытательной инфраструктуре⁵⁷. Иными словами, Россия только приступает к формированию своего национального законодательства о природоресурсной деятельности в космосе. И выбор правовой стратегии такого формирования в национальных интересах России – очень ответственный.

Список литературы

1. Беркман П.А., Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р., Модюи Ж. 2018. Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы. – *Московский журнал международного права*. № 1 (106). С. 16-34.
2. Вылегжанин А.Н., Крохина П.А. 2024. Законодательство Люксембурга о природных ресурсах небесных тел и международное право. – *Московский журнал международного права*. 2024. № 3. С. 17-35.
3. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М. 2024. Статус природных ресурсов небесных тел: новеллы, обозначенные практикой государств. – *Государство и право*. № 1. С. 147-158.
4. Вылегжанин А., Юзбашян М., Алексеев М. 2023. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? – *Международные процессы*. № 3 (21). С. 6-30.
5. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р., Мунтян М.Е. 2024. Космическая политика Японии: международно-правовой ракурс. – *Японские исследования*. № 4. С. 48-69.
6. Груздев В.В. 2021. Объекты оккупации как первоначального способа приобретения права собственности. – *Право и экономика*. № 3. С. 45-50.
7. Ефимова Е.А. 2023. Частные компании в космической промышленности России: особенности функционирования и факторы развития. – *Вестник университета*. № 3. С. 46-48.
8. Камолов С.Г., Красноштанова Т.А. 2019. Страхование космических рисков как фактор коммерциализации космической деятельности. – *Инновации и инвестиции*. № 4. С. 213-218.
9. Кирилина Е.В. 2018. Особенности и перспективы развития частной космонавтики в России. – *Вестник Самарского университета*. № 3 (8). С. 15-17.
10. Колосов Ю.М. 2014. *Борьба за мирный космос*. Москва: Статут. 128 с.

⁵⁷ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, утвержден Президентом РФ 25 июля 2025 г. Пр-1712, п. 36. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/77605#assignment-19> (дата обращения: 11.10.2025).

11. Колосов Ю.М. 2007. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел. – *Международно-правовые основы недропользования*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. Москва: НОРМА. С. 238-241.
12. Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р. 2015. Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 12-34.
13. Симонян Г.Р. 2007. Общегосударственное значение вопросов исключительного ведения Российской Федерации. – *Конституционное и муниципальное право*. № 21. С. 10-15.
14. Тархов В.А., Рыбаков В.А. 2007. *Собственность и право собственности*. Москва: Юрист, 2007. 130 с.
15. Хаванова И.А. 2020. Налоговые аспекты индустриализации в мире прорывных технологий, экономик нового типа и «амбиций» английского права. – *Финансовое право*. № 8. С. 34-38.
16. Юзбашян М.Р. 2018. Актуальные международно-правовые вопросы разрешения споров в области космической деятельности. – *Право и управление. XXI век*. № 2. С. 48-59.
17. Юзбашян М.Р. 2024. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права. – *Право и управление. XXI век*. № 1(20). С. 103-119.
18. Юзбашян М.Р. 2017. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право. – *Московский журнал международного права*. № 2 (106). С. 71-86.
19. Якушева Р.Р. 2022. О возможности коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации: правовой анализ законодательства. – *Вестник Московского университета*. № 5. С. 109-123.
20. De Pagter M.M. 2022. "Who Dares, Wins": How Property Rights in Space Could be Dictated by the Countries Willing to Make the First Move. – *Chicago Journal of International Law Online*. 1.2. URL: <https://cjl.uchicago.edu/online-archive/who-dares-wins-how-property-rights-space-could-be-dictated-countries-willing-make> (дата обращения: 27.09.2025).
21. Fleming M., Lange I., Shojaeinia S., Stuermer M. 2023. Mining in space could spur sustainable growth. – *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2023 Oct 24. 120(43). URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2221345120> (дата обращения: 08.11.2025).
22. Janikowski A. 2025. Bold Steps Forward: The Investment Impact of Enacting Space Resources Legislation. *Space Policy* 72 (May): 101675. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0265964624000663#bib50> (дата обращения: 11.10.2025).
23. Meira T. 2023. The International Outer Space and Maritime Legal Commons: Different Principles and Common Legal Loopholes Governing the Deep-Seabed, Outer Space, Celestial Bodies, and the High Seas. *Nep- tunus e-revue*. Vol. 29 Issue 2. URL: <https://shs.hal.science/halshs-04148463v1/document> (дата обращения: 01.10.2025).
24. Tronchetti F. 2015. The Space Resource Exploration and Utilization Act: A Move Forward or a Step Back? – *Space Policy*. Vol. 34. P. 6-10.
25. von der Dunk F.G. 2018a. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects. – *Michigan State International Law Review*. Vol. 26.1. P. 83-101.
26. von der Dunk F.G. 2018b. Private Property Rights and the Public Interest in Exploration of Outer Space. – *Biological Theory*. Vol. 13. Issue 2. P. 142-151.
27. Vylegzhanin A.N., Krokhina P.A. 2025. Status of the Natural Resources of Celestial Bodies: Legal Positions of the USA and Luxembourg. – *Kutafin Law Review*. № 3 (12). P. 463-492.
28. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Suvorov G. 2025. The Legal Regime of Natural Resources of Celestial Bodies: Current State of the Relevant Russian Laws and Perspectives for a Common BRICS Legal Approach. – *BRICS Law Journal*. Vol. 12 Issue 2. P. 5-42.

References

1. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Mau-duit J. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: obshhie dlja Rossii i SShA vyzovy i perspektivy [Outer Space Law: Russia-United States Common Challenges and Perspectives]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2018. № 1(106). P. 16-34. (In Russ.)
2. De Pagter M.M. "Who Dares, Wins": How Property Rights in Space Could be Dictated by the Countries Willing to Make the First Move. – *Chicago Journal of International Law Online*. 1.2. 2022. URL: <https://cjl.uchicago.edu/online-archive/who-dares-wins-how-property-rights-space-could-be-dictated-countries-willing-make> (data obrashhenija: 27.09.2025).
3. Efimova E.A. Chastnye kompanii v kosmicheskoy promyshlennosti Rossii: osobennosti funkcionirovaniya i faktory razvitiya [Private Companies in the Russian Space Industry: Features of Functioning and Development Factors]. – *Vestnik Universiteta [Bulletin of the University]*. 2023. № 3. P. 39-49. (In Russ.)
4. Fleming M., Lange I., Shojaeinia S., Stuermer M. Mining in space could spur sustainable growth. – *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2023. Oct 24. № 120(43). URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2221345120> (data obrashhenija: 08.11.2025).
5. Gruzdev V.V. Ob'ekty okkupacii kak pervonachal'nogo sposoba priobretenija prava sobstvennosti [Objects of Occupation as the Method for Original Acquisition of Property Rights]. – *Law and Economics*. 2021. № 3. P. 45-50. (In Russ.)
6. Janikowski A. Bold Steps Forward: The Investment Impact of Enacting Space Resources Legislation. 2025. *Space Policy* 72 (May): 101675. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0265964624000663#bib50> (data obrashhenija: 11.10.2025).
7. Kamolov S.G., Krasnoshtanova T.A. Strahovanie kosmicheskikh riskov kak faktor kommercializacii kosmicheskoy dejatel'nosti [International Space Insurance Market Overview]. – *Innovacii i investicii [Innovation & Investment]*. 2019. № 4. P. 213-218. (In Russ.)
8. Khavanova I.A. Nalogovye aspekty industrializacii v mire proryvnyh tehnologij, jekonomik novogo tipa i «ambicij» anglijskogo prava [Tax Aspects of Industrialization in the World of Breakthrough Technologies, Economies of a New Type and Ambitions of English Law]. – *Finansovoe parvo [Financial Law]*. 2020. № 8. P. 34-38. (In Russ.)

9. Kirilina E.V. Osobennosti i perspektivy razvitiya chastnoj kosmonavtiki v Rossii [Features and Perspectives of Development of Private Astronautics in Russia]. – *Vestnik Samarskogo universiteta [Vestnik of Samara University]*. 2018. № 3 (8). P. 15-17.
10. Kolosov Yu.M. *Bor'ba za mirnyj kosmos [Struggle for peaceful outer space]*. Moscow: Statut. 2014. 128 p. (In Russ.)
11. Kolosov Yu.M. Pravovoj režim prirodnyh resursov Luny i drugih nebesnyh tel [Legal Regime of Natural Resources of the Moon and Other Celestial Bodies]. – *Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropol'zovaniya [International Legal Basis for Subsoil Use]*. Otv. red. A.N. Vylegzhanin. Moscow: NORMA. 2007. P. 238-241. (In Russ.)
12. Kolosov Yu.M., Yuzbashyan M.R. Vklad rossijskoj (sovetskij) jurisprudencii v stanovlenie i razvitie mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava [Contribution of Russian (Soviet) Jurisprudence to Formation and Development of International Space Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2015. № 2. P. 12-34. (In Russ.)
13. Meira T. The International Outer Space and Maritime Legal Commons: Different Principles and Common Legal Loopholes Governing the Deep-Seabed, Outer Space, Celestial Bodies, and the High Seas. *Neptunus e-revue*. 2023. Vol. 29 Issue 2. URL: <https://shs.hal.science/halshs-04148463v1/document> (data obrashheniya: 01.10.2025).
14. Simonyan G.R. Obshhegosudarstvennoe znachenie voprosov iskljuchitel'nogo vedeniya Rossijskoj Federacii [Issues of National Importance Falling within the Exclusive Jurisdiction of the Russian Federation]. – *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2007. № 21. P. 10-15. (In Russ.)
15. Tarkhov V.A., Rybakov V.A. *Sobstvennost' i pravo sobstvennosti [Property and right of ownership]*. Moscow: Jurist. 2007. 130 p. (In Russ.)
16. Tronchetti F. The Space Resource Exploration and Utilization Act: A Move Forward or a Step Back? – *Space Policy*. 2015. Vol. 34. P. 6-10.
17. von der Dunk F.G. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects. – *Michigan State International Law Review*. 2018a. Vol. 26.1. P. 83-101.
18. von der Dunk, F.G. Private Property Rights and the Public Interest in Exploration of Outer Space. – *Biological Theory*. 2018b. Vol. 13. Issue 2. P. 142-151.
19. Vylegzhanin A.N., Krokhina P.A. 2024. Zakonodatel'stvo Ljuksemburga o prirodnyh resursah nebesnyh tel i mezhdunarodnoe parvo [Legislation of Luxemburg on Natural Resources of Celestial Bodies and International Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 3. P. 17-35. (In Russ.)
20. Vylegzhanin A.N., Krokhina P.A. Status of the Natural Resources of Celestial Bodies: Legal Positions of the USA and Luxembourg. – *Kutafin Law Review*. 2025. № 3 (12). P. 463-492.
21. Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M. Status prirodnyh resursov nebesnyh tel: novelty, oboznachennye praktikoj gosudarstv [Status of Natural Resources of Celestial Bodies: Novelty Evincing by State Practice]. – *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2024. № 1. P. 147-158. (In Russ.)
22. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Alekseev M. Mezhdunarodno-pravovaja kosmicheskaja politika SSHA: priglasenie k utochneniju statusa prirodnyh resursov nebesnyh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Outer Space Policy of the United States of America: An Invitation to Clarify the Status of the Natural Resources of Celestial Bodies or a Challenge for Majority of States?] – *Mezhdunarodnye process [International Trends]*. 2023. № 3 (21). P. 6-30. (In Russ.)
23. Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Muntian M.E. Kosmicheskaja politika Japonii: mezhdunarodno-pravovoj rakurs [Japanese Space Policy: An International Legal Perspective]. – *Japonskie issledovanija [Japanese Studies in Russia]*. 2024. № 4. P. 48-69. (In Russ.)
24. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Suvorov G. The Legal Regime of Natural Resources of Celestial Bodies: Current State of the Relevant Russian Laws and Perspectives for a Common BRICS Legal Approach. – *BRICS Law Journal*. 2025. Vol.12 Issue 2. P. 5-42.
25. Yakusheva R.R. O vozmozhnosti kommercializacii kosmicheskij dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii: pravovoj analiz zakonodatel'stva. [On the Possibility for Commercialization of Space Activities in the Russian Federation: A Legal Analysis of the Russian Legislation]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin]*. № 5. P. 109-123. (In Russ.)
26. Yuzbashyan M.R. Aktual'nye tendencii sotrudnichestva/sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitiya kosmicheskogo prava [Topical Trends in Outer Space Cooperation/Competition and Perspectives on Space Law]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. 21st century]*. 2024. № 1 (20). P. 103-119. (In Russ.)
27. Yuzbashyan M.R. Aktual'nye mezhdunarodno-pravovye voprosy razreshenija sporov v oblasti kosmicheskij dejatel'nosti [Urgent International Legal Issues of Settling Disputes in the Field of Space Activities]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek [Law and management. 21st century]*. 2018. № 2. P. 48-59. (In Russ.)
28. Yuzbashyan M.R. Zakon SSHA ob issledovanii i ispol'zovanii kosmicheskij resursov 2015 g. i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo [The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 and the International Space Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017. №2 (106). P. 71-86. (In Russ.)

Информация об авторах

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Доктор юридических наук, профессор, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

About the Authors

Alexander N. VYLEGZHANIN

Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Research Lab, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Георгий Александрович СУВОРОВ

Магистр права, юрист, ELWI

Гашека ул., 6, Москва, 125047, Российская Федерация

severegs@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8661-7691

Мариам Романовна ЮЗБАШЯН

Кандидат юридических наук, участник гранта РФФ No. 23-18-00977, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

m_you@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3231-8489

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Georgiy A. SUVOROV

Master of laws, Associate, ELWI

6, Gasheka St., Moscow, Russian Federation, 125047

severegs@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8661-7691

Mariam R. YUZBASHYAN

Candidate of Legal Sciences, Participant, Russian Science Foundation Project No. 23-18-00977, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

m_you@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3231-8489

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

Исследовательская статья
УДК: 341.225
Поступила в редакцию: 25.04.2025
Принята к публикации: 27.10.2025

Николай Викторович ВЕРЕМЕЕВ

Meridian Capital (HK) Limited

18 этаж, Рыкадан Уан, Вонг Чук Ханг Роуд, 23, Гонконг, 999077, Китайская Народная Республика

nv_veremeyev@mail.ru

ORCID: 0009-0001-3896-5364

ПОЛИТИКА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБЛАСТИ САНКЦИЙ, КОНТРМЕР И ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

ВВЕДЕНИЕ. В статье проводится анализ политики и практики Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер как производной от политики в этой сфере Китая, автономией которого Гонконг является. Хотя Гонконг как административно-территориальная единица Китайской Народной Республики (КНР) следует и должен следовать в фарватере общих принципов политики в указанной сфере Пекина – признание легитимными исключительно санкций Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН), законность контрмер, принимаемых в ответ на делинквентные деяния других международных акторов и формальное и риторическое неприятие односторонних ограничительных мер, – Гонконг обладает определенной спецификой в этой сфере, обусловленной его особым статусом в конституционно-правовой системе Китая.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В исследовании использованы находящиеся в свободном доступе документы и материалы ООН, органов власти КНР, Законодательного собрания и органов исполнительной власти Гонконга, работы российских, гонконгских, китайских и западных специалистов в области санкций на трех языках (русском, английском и китайском), а также периодические издания, с целью

понимания особенностей политики Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер. Автор настоящего исследования использует общенаучные и специальные методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Ведомый внешнеполитическим курсом своего суверена – Китая, Гонконг обязан исполнять санкции СБ ООН, признанные и выполняемые КНР. В то же самое время вводимые КНР односторонние ограничительные меры и контрмеры (как официальные, так и неформальные) зачастую не являются обязательными для исполнения Гонконгом. Односторонние ограничительные меры стран Запада формально также не имеют юридической силы в Гонконге. Однако, как ни парадоксально, гонконгский бизнес, прежде всего банковский и финансовый, фактически исполняет такие односторонние ограничительные меры (в том числе меры, нацеленные на Гонконг), из-за боязни стать жертвой вторичных ограничительных мер Запада. Это позволяет говорить о сложившейся в Гонконге своеобразной подсистеме регулирования в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, существующей, с одной стороны, в рамках системы основополагающих принципов Китая, а с другой стороны, обособленной от правил и норм КНР в этой сфере. Учитывая

склонность деловых кругов Гонконга придерживаться западных, в том числе антироссийских, односторонних ограничительных мер, для российских предпринимателей автономия будет оставаться достаточно сложным местом для ведения бизнеса.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Исследование показало особенности политики Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, позволяющие выделить ее в специальную подсистему политики КНР в указанной сфере. Автор работы пришел к следующим выводам. Во-первых, Гонконг обязан исполнять санкции СБ ООН на основании полученных от Министерства иностранных дел (МИД) КНР инструкций, но в соответствии с законодательством автономии. Во-вторых, Гонконг как несuverенная территория самостоятельно не принимает контрмеры и односторонние ограничительные меры против суверенных государств (принятие и применение таких мер входит в исключительную компетенцию центрального правительства КНР). В-третьих, принимаемые КНР законы против иностранных односторонних ограничительных мер и иные нормативные правовые акты не имеют юридической силы в Гонконге, если их действие Пекин не распространит на автономию в соответствии в предписанной Основным законом (миниконституцией) Гонконга процедурой. В-четвертых, вводимые Китаем контрмеры и односторонние ограничительные меры против третьих стран на основании его

законов и ведомственных нормативных правовых актов, а также неофициальные запреты, не имеют обязательной силы в Гонконге, за исключением случаев запрета на въезд в автономию конкретных лиц, являющихся объектами указанных мер. В-пятых, многие гонконгские компании с устоявшимися торгово-экономическими связями с западными контрагентами, и прежде всего работающие на территории САР местные, китайские и иностранные банки и иные финансовые организации, фактически исполняют односторонние ограничительные меры (причем даже меры, направленные против Гонконга) стран Запада, а центральный банк Гонконга даже наставляет функционирующие в автономии банки и финансовые институты соблюдать такие односторонние ограничительные меры государств Запада.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гонконг, Китай, санкции, односторонние ограничительные меры, экстерриториальность, контрмеры, автономия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Веремеев Н.В. 2025. Политика Китайской Народной Республики в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер. – Московский журнал международного права. № 4. С. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

Research article
UDC: 341.225
Received 25 April 2025
Approved 27 October 2025

Nikolay V. VEREMEEV

Meridian Capital (HK) Limited

18/F, Rykadan One, 23 Wong Chuk Hang Road, Hong Kong, People's Republic of China, 999077

nv_veremeyev@mail.ru

ORCID: 0009-0001-3896-5364

CHINA SANCTIONS, COUNTERMEASURES AND UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES POLICY

INTRODUCTION. *This article examines Hong Kong's sanctions, countermeasures and unilateral restrictions policy and practices existing within and determined by the China's approach in this sphere. Although Hong Kong, as a special (autonomous) administrative region of the People's Republic of China (PRC), should strictly abide by the basic tenets of PRC's policy – recognition of legitimacy of only United Nations Security Council's (UNSC) sanctions, legality of countermeasures introduced in response to delinquent acts of international actors and formal and rhetorical rejection of unilateral restrictive measures, – the autonomy has certain distinct characteristics in this area which reflects a special status of Hong Kong in the constitutional and political system of the PRC.*

MATERIALS AND METHODS. *The author used publicly available documents and materials of the United Nations, PRC's government bodies, Hong Kong's Legislative Council and executive bodies, academic sources of Russian, Hong Kong, Mainland Chinese and Western scholars and experts, as well as periodical publications, to examine how the sanctions, countermeasures and unilateral restrictions regime of Hong Kong works and what distinguishes Hong Kong's policy in this area from China's. For the purposes of this study the author employed general methods of scholarly research and special methods of legal research.*

RESEARCH RESULTS. *Led by the foreign policy imperatives of China, Hong Kong must adhere to UNSC sanctions recognized and implemented by the PRC. However, Hong Kong is not legally bound to comply with China's countermeasure and unilateral restrictive measures (official or informal). Likewise unilateral restrictive measures imposed by Western states have no legal force in Hong Kong. Yet, paradoxical it may sound, Hong Kong business community (linked with the West by numerous long-standing business ties), foremost banking and financial sector, do in fact by and large adhere to such unilateral restrictive measures because of fear of being targeted by Western secondary restrictive measures. Thus, Hong Kong constitutes a subsystem of rules, regulations and practices on implementation of sanctions, countermeasures and unilateral restrictive measures, on the one side, premised on the principles and rules of the PRC, and, on the other side, detached and distinguished from regulations and practices of China in this area. Considering Hong Kong business circles' keenness to comply with Western unilateral restrictive measures, including anti-Russian restrictive measures, and go even further by halting all transactions and relations with any person*

having a nexus to jurisdictions heavily targeted by the Western unilateral restrictive measures, this autonomous region of China is and will continue to be quite a difficult place for Russian entrepreneurs to do business.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *This study demonstrated distinct features of the Hong Kong's regime of sanctions, countermeasures and unilateral restrictions which one may rightly classify as a special subsystem of China's regime. The author came to the following conclusions. First, Hong Kong shall implement UNSC sanctions in accordance with the instructions of the Ministry of Foreign Affairs of the PRC but on the basis of autonomy's own laws and regulations. Second, Hong Kong, as a non-sovereign entity, does not impose its own countermeasures or unilateral restrictive measures on sovereign states (institution of such measures falls squarely within the responsibility of the PRC central government). Third, anti-unilateral restrictive measures laws and regulations, enacted by the PRC, are not applied in Hong Kong unless they are added to Annex III to the Basic Law (mini-constitution) of Hong Kong. Fourth, countermeasures and unilateral restrictive measures instituted by China against third countries in compliance with her anti-unilateral restrictive measures laws and regulations, as well as unofficial bans, have no legal force in the autonomy, except prohibitions on entry of persons, targeted by China, to Hong Kong. Fifth, a large number of Hong Kong companies (foremost local, Mainland Chinese and foreign banks and financial institutions) with long-standing trade and economic connections with Western counterparts routinely comply with Western, mostly the United States, unilateral restrictive measures (including unilateral restrictive measures against Hong Kong) and the Hong Kong Monetary Authority (a de facto central bank of the autonomy) even makes it mandatory for the financial institutions, operating in the territory, to comply with Western unilateral restrictive measures.*

KEYWORDS: *Hong Kong; China; sanctions; unilateral restrictive measures; extraterritoriality; countermeasures; autonomy*

FOR CITATION: Veremeev N.V. China Sanctions, Countermeasures and Unilateral Restrictive Measures Policy. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-59-73>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Обзор санкционной политики Китая

Говоря о политике Специального административного района (САР) Гонконг КНР в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер¹, мы неизбежно должны рассмотреть основные принципы и элементы политики в этой сфере сюзерена Гонконга – Китая.

Пекин во главу угла ставит согласованные решения СБ ООН в качестве единственного легитимного базиса для введения (после исчерпания всех мирных средств воздействия) пропорциональных сложившейся ситуации санкций (при условии их регулярного мониторинга и оценки их эффективности) против других государств, территорий и лиц, которые не должны использоваться как оправдание для дальнейших односторонних ограничительных мер отдельных стран или региональных международных организаций и для вмешательства во внутренние дела суверенных государств [Бакулина, Кузьмина 2021:27; Cai 2021:74; Poh 2021:125, 260-261; Rennemo 2021; Yu 2021:361, 362-363; Xing, Li

2023:380]. Более того, КНР скептически относится даже к санкциям СБ ООН, хотя и редко использует свое право вето в отношении резолюций СБ ООН о введении санкций, предпочитая воздерживаться при голосовании по таким резолюциям [Poh 2021:16]. Китай традиционно не применяет формальные «односторонние меры экономического принуждения для защиты международных норм, относящихся к нераспространению оружия массового поражения, международному суверенитету и самоопределению, правам человека или гуманитарной катастрофе» [Harrell, Rosenberg, Saravalle 2018:13], а его неформальные запреты/ограничения² являются достаточно лимитированными и используются прежде всего для того, чтобы дать сигнал внутри страны (для успокоения националистических настроений) и вовне, демонстрируя возможности и потенциальную силу ответных мер Китая на недружественные действия иностранных государств [Poh 2021:16, 32, 216, 264; Xing, Li 2023:381; Карасев 2025:495-497, 499-501]. Многолетняя риторика Китая против односторонних ограничительных мер и стремление отмежеваться от западного подхода к односторонним

¹ Использование терминов «санкции», «контрмеры» и «односторонние ограничительные меры» не является устоявшимся, что приводит к путанице и взаимозаменяемости указанных терминов. Как справедливо отмечает И.С. Пятибратов, «практика международных отношений демонстрирует, что осуществлением санкций [ООН]..., в конечном счете, занимаются конкретные государства, а не сама ООН. Это делает разницу [между санкциями и односторонними ограничительными мерами] незначительной с сущностной точки зрения, ведь результат для страны, подвергнутой ограничениям, получается тот же. С учетом этих факторов термины «ограничительные меры» и «санкции» в контексте анализа политических рисков разводить не имеет смысла, так как это скорее вопрос юридической корректности» [Пятибратов 2020:64]. Поэтому для юридической точности в настоящей статье мы будем использовать следующие определения нижеуказанных терминов.

1. Под «санкциями» понимаются принимаемые СБ ООН принудительные меры в соответствии с главой VII Устава ООН. См.: Крицкий К.В. *Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве*. Дис. ... канд. юр. наук. М. 2019. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2019/krickiy-diss.pdf?utm_source=google.com.hk&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com.hk&utm_referrer=google.com.hk (дата обращения: 18.10.2025). С. 22, 23-24, 32, 71; [Иванова 2016:185; Иванова 2018:128-129; Галиев 2019:240, 242; Касымалиева 2023:177]. Санкции СБ ООН реализуются в два этапа: а) СБ ООН принимает резолюцию о введении принудительных мер; б) государства принимают решения об имплементации резолюции СБ ООН. См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 40.

2. Под «контрмерами» понимаются принудительные меры (не сопряженные с вооруженной силой), «принимаемые индивидуально потерпевшим государством к государству-делинквенту в ответ на противоправное деяние». См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 24, 75-78; [Иванова 2018:129, 130]; [Галиев 2019:241, 242]; [Касымалиева 2023:176, 177-178].

3. Под «односторонними ограничительными мерами» понимаются решения одного государства или группы государств, которые носят преимущественно финансово-экономический характер и «направлены на защиту государственных интересов путем побуждения или принуждения другого государства к изменению политики». См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 72, 79. Хотя такие односторонние ограничительные меры, безусловно, не запрещены международным правом, «при условии, что они не нарушают принципов *ius cogens* и не носят экстерриториального характера... [они] крайне вредны с точки зрения развития и укрепления международного права», размыают «основы международного права, в частности, строго ограничивающие правомерные основания применения принуждения в отношении суверенных государств». См.: Крицкий К.В. Указ. соч. С. 95-96; [Иванова 2018:129; Галиев 2019:240, 242; Чак 2022:32, 34; Касымалиева 2023:175-176, 177].

² Китай характеризует западные односторонние ограничительные меры как незаконные, в то время как собственные меры называет «контрмерами», поскольку вводит их в ответ на односторонние ограничительные меры или недружественные действия США и других стран Запада [Yu 2021:366, 369; Andresen 2024:9, 24-25].

ограничительным мерам³ является определенным сдерживающим фактором для использования Пекином односторонних ограничительных мер в его внешней политике, поскольку для руководства КНР, которое щепетильно относится к поддержанию своего статуса, морального авторитета и репутации на мировой арене, важно оставаться последовательным противником западных методов в своих словах и действиях в глазах международной аудитории (особенного когда конкретная проблема приобретает значимый международный резонанс) [Poh 2021:18, 19, 44, 58, 59, 60, 76-77, 127, 182-183, 250, 251, 260, 268; Xing, Li 2023:382].

Впрочем, по мере увеличения вводимых Соединенными Штатами и Европейским союзом (ЕС) односторонних ограничительных мер против Китая (объектами которых также становятся высокопоставленные государственные деятели Гонконга, включая действующего главу администрации автономии Ли Цзячао (Джона Ли Качу, John Lee Ka-chiu)⁴) и других государств, но затрагивающих интересы Китая (вторичные ограничительные меры), а также недружественные действия отдельных государств в отношении КНР, последняя все чаще прибегает к использованию контрмер как формальных, так и негласных/неформальных.

Начиная с 2020 г. Пекин приступил к формализации политики применения контрмер.

19 сентября 2020 г. Министерство коммерции КНР издало приказ о введении в силу Положения о перечне ненадежных лиц (Положение о ПНЛ), утвержденного Государственным советом КНР⁵, с целью создания перечня иностранных компаний, организаций и физических лиц (и принятия против них контрмер в случае, если они не устранят «несоответствия» в течение

определенного срока), уличенных в деятельности, угрожающей национальному суверенитету, безопасности или интересам развития Китая; или нарушающие принципы нормальных деловых операций с китайскими компаниями или вводящие дискриминационные меры против китайских компаний (ст. 2 Положения о ПНЛ). Внесение в перечень чревато для иностранной компании применением к ней любой комбинации из нижеперечисленных мер: (а) запрет или ограничение на ведение экспортно-импортных операций, связанных с Китаем; (б) запрет или ограничение на инвестиции в Китай; (в) запрет или ограничение на въезд персонала таких компаний; (г) отмена рабочей визы или вида на жительство; (д) штраф; и (е) другие необходимые меры (ст. 10 Положения о ПНЛ).

9 января 2021 г. Министерство коммерции КНР опубликовало приказ о введении в силу одобренных Госсоветом КНР Мер противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер (Меры противодействия)⁶. В случае установления Министерством коммерции факта экстерриториального применения иностранным государством дискриминационного законодательства, оно должно издать запретительный приказ, не признающий соответствующее иностранное законодательство, его применение или исполнение китайскими физическими и юридическими лицами, которым, в свою очередь, предоставляется право обращаться в народные суды Китая с исками о компенсации: (а) за ущерб, нанесенный им контрагентами, исполняющими положения иностранного дискриминационного законодательства, блокированного запретительным приказом; или (б) извлечение выгоды третьей стороной из судебного решения или

³ Если среди западных юристов-международников взгляды на природу и законность односторонних ограничительных мер широко разнятся, то официальная позиция правительств стран Запада практически однозначно рассматривает использование таких мер, безусловно, правомерной и допустимой, если, конечно, подобные меры не направлены против них самих, их граждан или юридических лиц.

⁴ В настоящей статье китайские имена передаются в соответствии с нормами общекайского литературного произношения (путунхуа), в основе которого лежит пекинский диалект. В скобках дается написание имен гонконгских политиков, принятое в англоязычной литературе (соответствующее произношению этих имен на кантонском диалекте китайского языка, распространенного в южнокитайской провинции Гуандун и Гонконге), и русская транскрипция этих имен.

⁵ Shangwu bu ling 2020 nian di 4 hao bu kekao shiti qingdan guiding (Постановление Министерства коммерции № 4 от 19 сентября 2020 г. «О Положении о перечне ненадежных лиц»). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2020/content_5565829.htm (дата обращения: 18.10.2025).

⁶ Zhonghua renmin gongheguo shangwu bu ling zu duan waiguo falu yu cuoshi budang yuwai shiyong banfa (Меры противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иных мер от 9 января 2021 г.). URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5593445.htm (дата обращения: 18.10.2025).

административного постановления, вынесенного в соответствии с иностранным законодательством, блокированным запретительным приказом (ст. 7 и 9 Мер противодействия). По мнению многих китайских юристов, Меры противодействия потенциально (вопреки заявленным целям) ставят китайских бизнесменов и дочерние компании иностранных инвесторов в Китае перед сложной двойной дилеммой: (1) выполнять ли вторичные ограничительные меры иностранных государств и нести административную ответственность за нарушение запретительных приказов или стать объектом иностранных ограничительных мер и потерять доступ к рынку соответствующего иностранного государства; и (2) как избежать столкновения частных экономических интересов конкретной китайской компании и национальных интересов КНР [Zhang 2021:788; Ma, Mao 2023:18, 25, 26, 27-28, 33-34, 35-36; Zhao 2024:218, 219; Zu 2024:189-190; Xiong 2025:194-195].

10 июня 2021 г. Постоянный Комитет (ПК) Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) принял Закон КНР о противодействии иностранным санкциям (Закон о контрсанкциях)⁷, который лишь заложил фундамент механизма по введению контрмер, не конкретизировав в достаточной степени положения по его реализации [Chen 2022:13; Chen, Wei 2023:60]. Статья 4 Закона о контрсанкциях предусматривает внесение в контрсанкционный перечень физических лиц и организаций, которые прямо или косвенно участвуют в разработке, принятии решений или исполнении дискриминационных ограничительных мер против граждан и организаций Китая и во вмешательстве во внутренние дела КНР. Включение в контрсанкционный перечень лиц на основании Закона о контрсанкциях влечет за собой введение одной или более из нижеперечисленных мер: (а) невыдача визы, отказ во въезде, отмена визы или

депортация; (б) изъятие или замораживание имущества в Китае; (в) запрет или ограничение на сделки и совместную деятельность с государственными организациями и частными лицами на территории Китая; и (г) другие необходимые меры.

Рассмотрев принципы политики КНР и ее основные нормативные правовые акты в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, мы обратимся к особенностям политики в этой сфере одного из автономных образований Китая – Гонконга.

2. Гонконг: санкции, контрмеры и односторонние ограничительные меры

2.1. Особый статус Гонконга в политике КНР в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер

До восстановления Китаем всесторонней юрисдикции над Гонконгом 1 июля 1997 г. резолюции СБ ООН о введении санкций исполнялись территорией на основании указов в Тайном совете Великобритании, издаваемых от имени монарха и распространявших свою юридическую силу на тогдашнюю британскую колонию⁸.

Являясь автономией КНР, Гонконг обладает широкими правами на основе принципа «Одна страна – две системы»⁹ и Основного закона (ОЗ) САР, принятого ВСНП 4 апреля 1990 г. и вступившего в силу 1 июля 1997 г. Основной закон наделяет Гонконг большой автономией во многих областях, в том числе в сфере внешних сношений (п. 3 ст. 13 и Глава VII (Внешние сношения) (External Affairs) ОЗ), за исключением вопросов внешней политики и обороны (п. 1 ст. 13 и п. 1 ст. 14 ОЗ). В отличие от социалистической правовой модели КНР, в Гонконге продолжает функционировать система общего права, унаследованная от бывшего колониального

⁷ Zhonghua renmin gongheguo fan waiguo zhicai fa (Закон КНР о противодействии иностранным санкциям). URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202503/content_7015400.htm (дата обращения: 18.10.2025).

В законе термин «контрсанкция» тождественен термину «контрмера».

⁸ См.: Para. 2. Background brief. Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council in relation to Sanctions dated 28 November 2008 (LC Paper No. CB(1)277/08-09). URL: https://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/hc/sub_com/hs02/papers/hs021201cb1-277-e.pdf. P. 1 (accessed date: 08.11.2024).

⁹ Принцип «Одна страна – две системы» был предложен в 1980-е годы тогдашним фактическим лидером КНР Дэн Сяопином в качестве основы для мирного воссоединения Тайваня, Гонконга и Макао с КНР. Этот принцип предполагает сосуществование в одном государстве двух разных социально-экономических систем – социалистической (практикуемой в КНР) и капиталистической (действующей в Гонконге, Макао и на Тайване).

владыки. Законы КНР, за очень небольшим исключением¹⁰, на территории САР не действуют (п. 2 ст. 18 ОЗ). Поэтому вышеупомянутые Положения о ПНЛ, Меры противодействия и Закон о контрсанкциях и принимаемые на их основании решения органов государственной власти КНР не имеют юридической силы на территории САР. В августе 2021 г. в Гонконге и Китае шло активное обсуждение вопроса о распространении сферы действия Закона о контрсанкциях (путем включения этого закона в Приложение III к ОЗ) на Гонконг или принятие автономией подобного закона, но, учтя обеспокоенность делового сообщества Гонконга и иностранного бизнеса, ПК ВСНП решил бессрочно отложить включение Закона о контрсанкциях в Приложение III к ОЗ, а принятие сходного по содержанию закона Гонконга исчезло с повестки дня¹¹.

Вместе с тем МИД КНР, внося на основании Закона о контрсанкциях в контрсанкционный перечень физических лиц, зачастую вводит против них запрет на въезд в Китай, включая Гонконг и Макао. Так, в постановлении № 14 МИД КНР от 5 декабря 2024 г. о принятии контрмер против американских военно-промышленных компаний и их высшего управленческого персонала¹² прямо говорится о запрете на выдачу виз и въезд лицам, включенным этим постановлением в контрсанкционный перечень, на территорию КНР, включая Гонконг и Макао¹³. При этом указанное постановление предписывают заморозку всех активов этих лиц на территории КНР без упоминания Гонконга и Макао. Поэтому предписание по заморозке активов таких лиц не распространяется на территории Гонконга и Макао:

эта мера может быть реализована в двух автономиях только на основании соответствующих нормативных правовых актов каждого специального административного района и решений его компетентных судов.

Вводимые Китаем неформальные односторонние ограничительные меры также не распространяются на Гонконг. В ответ на инициативу Австралии провести расследование происхождения и распространения COVID-19 и роли в этом правительства КНР, последнее ввело в конце 2020 г. неофициальный запрет в отношении импорта некоторой австралийской продукции, в том числе живых лангустов (в 2019 г. Китай закупил более 90 % всего экспорта австралийских живых лангустов). На Гонконг исполнение этих неофициальных односторонних ограничительных мер Китая не распространялось, что привело к огромному скачку (порой в 50 раз!) импорта австралийских лангустов в автономию, значительный объем которых контрабандной переправлялся в континентальный Китай¹⁴.

Хотя санкционная политика относится к сфере внешней политики КНР и, следовательно, центральное правительство Китая имеет исключительную прерогативу в ее формулировании и исполнении, в САР действует собственное санкционное законодательство, принятое Законодательным собранием автономии. В докладах подкомитета Законодательного собрания по изучению исполнения Гонконгом резолюций СБ ООН в отношении санкций (Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council

¹⁰ Только в случае включения закона КНР (который должен ограничиваться вопросами внешней политики и обороны) решением ПК ВСНП в содержащийся в Приложении III к ОЗ перечень действующих на территории САР законов КНР и его официального опубликования главой администрации Гонконга юридическая сила такого закона распространяется на территорию автономии (см. п. 2-3 ст. 18 ОЗ).

¹¹ Chris Lau. Beijing's anti-sanctions law for Hong Kong: why is it being postponed? What do we know and don't know about the delay? – *South China Morning Post*. 21 August 2021.

¹² Guanyu duimeiguo jungong qiye ji gaoji guanli ren yuan caiqu fanzhi cuoshi de jue ding (Постановление о принятии контрмер против американских военно-промышленных компаний и высшего управленческого персонала). URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zfxgk_674865/gknrlb/fzcqdc/202412/t20241205_11538936.shtml (accessed date: 05.12.2024).

¹³ Наоборот, в постановлении № 4 МИД КНР от 23 февраля 2022 г. о принятии контрсанкционных мер в отношении Юй Маочуня и Тодда Стейна запрещается выдача виз и въезд названным в постановлениях гражданам США лишь на территорию КНР без упоминания Гонконга и Макао. См.: Guanyu dui yu maochuntuo desitan en caiqu fan zhicai cuoshi de jue ding (Постановление о принятии контрсанкционных мер в отношении Юй Маочуня и Тодда Стейна). URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zfxgk_674865/gknrlb/fzcqdc/202212/t20221222_10993979.shtml (accessed date: 05.12.2024).

¹⁴ Ji Siqi and Su-Lin Tan. Mainlanders shell out for smuggled Australian lobsters via Hong Kong. – *South China Morning Post*. 7 July 2021.

in relation to Sanctions) подчеркивалось, что исполнение резолюций СБ ООН является вопросом внешней политики и санкции СБ ООН имеют обязательную силу для Гонконга только после получения им инструкций МИДа КНР по исполнению санкций (см. ниже)¹⁵.

Базовыми санкционными законами Гонконга являются: (а) закон о санкциях Организации Объединенных Наций¹⁶ (United Nations Sanctions Ordinance) (Закон о санкциях ООН), принятый Временным Законодательным собранием Гонконга 16 июля 1997 г.¹⁷ и вступивший в силу 18 июля 1997 г.; и (б) закон об Организации Объединенных Наций (антитеррористические меры) (United Nations (Anti-Terrorism Measures) Ordinance) (Закон об антитеррористических мерах), принятый Законодательным собранием Гонконга 12 июля 2002 г. и частично вступивший в силу 23 августа 2002 г. (полностью закон вступил в силу 1 января 2011 г.)¹⁸.

2.2. Закон о санкциях ООН

В преамбуле к Закону о санкциях ООН раскрывается его главная цель – введение санкций против лиц и территорий (places) за пределами КНР на основании Главы VII (Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии) Устава ООН и регулирование вопросов, относящихся к указанной цели. Пункт 1 ст. 2 Закона о санкциях ООН дает определение понятию «санкция», под которой понимается полное или частичное экономическое и торговое эмбарго, оружейное эмбарго и другие принудительные меры, принятые СБ ООН против

лица (под которым понимается государственный орган, группа, организация или компания (см.: п. 3 ст. 3 Закона о санкциях ООН)) или территории за пределами КНР. При этом под Китаем понимаются также территории Специального административного района КНР Макао и Тайвань.

Санкции, принимаемые СБ ООН в соответствии с положениями Главы VII Устава ООН и требующие их исполнение Китаем, обязательны для выполнения Гонконгом только в случае получения главой исполнительной власти САР инструкций МИДа КНР¹⁹.

На основании полученных инструкций МИДа КНР²⁰ глава администрации Гонконга (после предоставления проекта постановления об исполнении санкций СБ ООН для утверждения центральным правительством²¹ и последующих консультаций с Исполнительным советом (Executive Council), конституционным совещательным органом при главе администрации САР) обязан издать постановление об исполнении санкций СБ ООН для имплементации указанных инструкций (п. 1 ст. 3 Закона о санкциях ООН). Эти постановления являются актами делегированного законодательства²². В соответствии со ст. 34–35 Закона Гонконга о толковании и общих положениях законодательства (Interpretation and General Clauses Ordinance) от 31 декабря 1966 г. (Закон о толковании), акт делегированного законодательства после его обнародования должен быть представлен Законодательному собранию для его последующего одобрения (если такое одобрение предусмотрено законом – актом первичного

¹⁵ См.: Para 6. Background brief. Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council in relation to Sanctions dated 28 November 2008 (LC Paper No. CB(1)277/08-09). URL: https://www.legco.gov.hk/yr08-09/english/hc/sub_com/hs02/papers/hs021201cb1-277-e.pdf. P. 2. (accessed date: 08.11.2024).

¹⁶ Закон о санкциях ООН был смоделирован на основе британского закона об Организации Объединенных Наций (United Nations Act) от 15 апреля 1946 г. [Walsh 2024:42, 577].

¹⁷ United Nations Sanctions Ordinance. Cap. 537. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap537> (accessed date: 08.11.2024).

¹⁸ United Nations (Anti-Terrorism Measures) Ordinance. Cap. 585. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap585> (accessed date: 08.11.2024).

¹⁹ В соответствии с п. 8 ст. 48 ОЗ глава администрации САР обязан исполнять инструкции/директивы, издаваемые центральным правительством по вопросам, входящим в компетенцию последнего.

²⁰ Эти инструкции не подлежат обнародованию.

²¹ См.: Para. 11. Phase 2 Report of the Subcommittee to Examine the Implementation in Hong Kong of Resolutions of the United Nations Security Council in relation to Sanctions dated 27 June 2008 (LC Paper No. CB(1)2052/07-08). P. 3. URL: https://www.legco.gov.hk/yr04-05/english/hc/sub_com/hs01/reports/hs010702cb1-2052-e.pdf (accessed date: 12.11.2024).

²² Издание актов делегированного законодательства правительством САР предусмотрено п. 5 ст. 62 ОЗ. В соответствии с п. 2 ст. 56 ОЗ глава администрации Гонконга обязан консультироваться с Исполнительным советом для принятия важных политических решений и актов делегированного законодательства.

законодательства, – на основании которого акт делегированного законодательства был принят) или изменен. Однако п. 5 ст. 3 Закона о санкциях ООН предписывает, что ст. 34–35 Закона о толковании не должны применяться к постановлениям, принимаемым на основании Закона о санкциях ООН. Таким образом, законодательный орган Гонконга лишен возможности влиять на содержание постановлений об исполнении санкций СБ ООН.

Постановления главы администрации Гонконга об исполнении санкций могут вводить уголовную ответственность в виде штрафа и лишения свободы максимум до 7 лет (п. 2–3 ст. 3 Закона о санкциях ООН). Так, п. 3(3) постановления о санкциях ООН (Гаити) (United Nations Sanctions (Haiti) Regulation) от 4 марта 2023 г. вводит наказание за нарушение запрета на продажу и поставку легкого оружия и боеприпасов на Гаити в виде штрафа и лишения свободы на срок от 6 месяцев до 7 лет²³. Помимо штрафов и лишения свободы, постановления могут предусматривать иные уголовные санкции, например, конфискацию имущества. Автор не нашел в открытом доступе информацию о решениях гонконгских судов о привлечении к ответственности за нарушение Закона о санкциях ООН и принятых на его основании постановлений главы администрации САР.

На момент написания настоящей статьи на основании Закона о санкциях ООН главой администрации Гонконга было принято около 100 постановлений (часть из которых уже утратило юридическую силу), реализующих резолюции СБ ООН о введении санкций.

2.3. Закон об антитеррористических мерах

Закон об антитеррористических мерах был принят после получения инструкции центрального правительства Китая²⁴ с целью исполнения резолюции 1373(2001) СБ ООН о мерах

по предотвращению террористических актов и имплементации Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 г.; Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, от 10 марта 1988 г. и Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, от 10 марта 1988 г.; реализации рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и реализации резолюции 2178(2014) СБ ООН по предотвращению поездок для совершения террористических актов и подготовки террористов.

Закон об антитеррористических мерах наделяет главу администрации САР правом публиковать в официальном правительственном бюллетене Гонконга уведомления²⁵: (а) с именами террористов и пособников террористов, внесенных в санкционный перечень в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каиды²⁶ Комитетом СБ ООН, учрежденном резолюциями 1267(1999), 1989(2011) и 2253(2015) по ИГИЛ (ДАИШ), Аль-Каиде и связанными с ними лицами, группами, предприятиями и организациями; и (б) с утвержденным этим Комитетом СБ ООН перечнем имущества, принадлежащего террористам/их пособникам и используемого в террористических целях (далее – имущество, связанное с терроризмом²⁷) (п. 1–3 ст. 4 Закона об антитеррористических мерах). Закон об антитеррористических мерах не предусматривает право лица, признанного террористом или пособником террористов (или владельца имущества, связанного с терроризмом) на основании ст. 4, опротестовать в суд акт властей САР о внесении его имени (имущества) в гонконгский перечень террористов и пособников террористов (перечень имущества, связанного с терроризмом). Кроме того, указанное лицо (имущество) остается в гонконгском перечне террористов

²³ United Nations Sanctions (Haiti) Regulation. Cap. 537CO. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap537CO> (accessed date: 10.11.2024).

²⁴ См.: Paras. 28, 30. Legislative Council Brief, 7 May 2003 (SBCR 2/16/1476/74). URL: https://www.legco.gov.hk/yr02-03/english/bills/brief/b51_br.pdf (accessed date: 15.11.2024).

²⁵ Указанные уведомления не являются актами делегированного законодательства (п. 4 ст. 4 Закона об антитеррористических мерах). Таким образом, рассмотренные выше положения ст. 34–35 Закона о толковании не распространяются на эти уведомления и они не подлежат рассмотрению Законодательным собранием Гонконга.

²⁶ Движения ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каида признаны террористическими организациями и запрещены в России.

²⁷ В Законе об антитеррористических мерах используется термин “terrorist property”.

и пособников террористов (перечне имущества, связанного с терроризмом) до тех пор, пока вышеназванный Комитет СБ ООН не исключит его (имущество) из санкционного перечня в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каиды (п. 6 ст. 4 Закона об антитеррористических мерах)²⁸.

Глава администрации САР наделен п. 1 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах правом обращаться с ходатайством²⁹ в Суд первой инстанции (Court of First Instance) (СПИ) для вынесения постановления (order), объявляющего (specifying) лицо террористом, или пособником террористов, или имущество как связанное с терроризмом, в случае, если суд удовлетворится предоставленными доказательствами (причем постановление суда сохраняет свою законную силу в течение двух лет со дня его официального опубликования, если оно не отменено ранее СПИ по ходатайству главы администрации в соответствии с п. 5 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах). После вынесения постановления СПИ глава администрации САР должен опубликовать его в официальном правительственном бюллетене Гонконга (п. 1-3 и 8 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах). В отличие от лиц, признанных террористами или их пособниками на основании ст. 4 Закона об антитеррористических мерах, лицо, объявленное террористом/пособником террористов, или лицо, чье имущество признано связанным с терроризмом, на основании ст. 5 этого закона, имеет право опротестовать в СПИ такое решение властей САР и требовать компенсации

от правительства Гонконга (ст. 17 и 18 Закон об антитеррористических мерах). Поиск в официальных правительственных бюллетенях Гонконга за период с 1 января 2015 г. по 31 октября 2025 г. не выявил ни одного опубликованного постановления СПИ, вынесенного на основании п. 2 ст. 5 Закона об антитеррористических мерах.

2.4. Гонконг и односторонние ограничительные меры

В Гонконге отсутствует законодательный механизм для введения и исполнения односторонних ограничительных мер или контрмер, даже если иностранные государства вводят односторонние ограничительные меры против Гонконга. Только центральное правительство КНР обладает правом вводить контрмеры в ответ на односторонние ограничительные меры иностранных государств против САР или его официальных лиц³⁰. Это многократно и последовательно подчеркивали высшие сановники правительства САР. Например, нынешний глава администрации Гонконга Джон Ли, отвергая требования посетившего мегаполис в августе 2024 г. тогдашнего украинского министра иностранных дел Дмитрия Кулебы пресечь деятельность российского бизнеса в САР, ответил, что Гонконг исполняет исключительно санкции СБ ООН³¹. Соединенные Штаты на протяжении многих лет обвиняют Гонконг в содействии КНДР и России в обходе американских односторонних ограничительных мер и оказывают постоянное

²⁸ После исключения лица (имущества) Комитетом СБ ООН из санкционного перечня в отношении ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каиды, глава администрации Гонконга обязан как можно скорее опубликовать в информационных целях уведомление в официальном правительственном бюллетене Гонконга о том, что первоначальное уведомление (в той части, в которой оно вносило такое лицо (имущество) в гонконгский перечень террористов и пособников террористов (перечень имущества, связанного с терроризмом)) потеряло юридическую силу (п. 6(d) ст. 4 Закона об антитеррористических мерах).

²⁹ Уэйн Уолш считает, что, хотя ст. 5 Закона об антитеррористических мерах не предполагает консультаций главы администрации САР с центральным правительством по поводу объявления лица террористом или пособником террористов, такие консультации вероятны ввиду возможного присутствия международно-политических факторов [Walsh 2024:571].

³⁰ В ответ на введенные 7 августа 2020 г. Соединенными Штатами односторонние ограничительные меры против 11 гонконгских государственных деятелей (См.: Treasury Sanctions Individuals for Undermining Hong Kong's Autonomy. – U.S. Department of Treasury. Press Release. 7 August 2020. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1088> (accessed date: 02.03.2025)) МИД КНР объявило 10 августа 2020 г. о контрмерах (правда, содержание этих контрмер не раскрывалось) в отношении 11 американских конгрессменов (в том числе против в то время сенатора, а сейчас государственного секретаря США Марко Рубио) и представителей спонсируемых правительством США неправительственных организаций. См.: Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Regular Press Conference on 10 August 2020. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t02040530_11346856.html (accessed date: 01.03.2025).

³¹ Ukraine Foreign Minister Dmytro Kuleba warns of Russia using Hong Kong to bypass sanctions while in city. – *Hong Kong Free Press*. 26 July 2024. URL: <https://hongkongfp.com/2024/07/26/ukraine-foreign-minister-dmytro-kuleba-warns-of-russia-using-hong-kong-to-bypass-sanctions-while-in-city/> (дата обращения: 12.12.2024).

давление на правительство САР не потворствовать такому обходу, внося в перечень специально назначенных граждан и заблокированных лиц Управления по контролю за иностранными активами США зарегистрированные в Гонконге компании, а американские конгрессмены призывают Министерство финансов США пересмотреть отношения с гонконгскими банками (т.е. угрожают возможностью введения вторичных финансовых ограничительных мер против гонконгских банков)³².

Итак, официально Гонконг не вводит собственные односторонние ограничительные меры или контрмеры и не исполняет односторонние ограничительные меры третьих стран³³. Однако у односторонних ограничительных мер США и других государств Запада существует неофициальный аспект, который учитывают как центральное правительство КНР, так и администрация САР, а также частные лица, работающие в открытой внешнему миру экономике Гонконга. Этот неофициальный аспект отражает геополитическую реальность, в которой живет Гонконг, экономически теснейшим образом привязанный к континентальному Китаю и продолжающий плотную с ним интеграцию и одновременно исторически близко связанный деловыми узами со странами Запада. Поэтому и правительство автономии, и гонконгский частный бизнес не могут игнорировать односторонние ограничительные меры, вводимые Западом против третьих государств. Это особо касается частных финансовых институтов Гонконга, как местных, так китайских, так и иностранных, инкорпорированных за пределами автономии, но имеющих в ней существенное присутствие (например, британский банк HSBC или американский Citibank). Два из крупнейших

банков САР, являющиеся также эмитентами валюты территории, – HSBC и Standard Chartered (которые в свое время подвергались штрафам американских властей за нарушение вторичных ограничительных мер США), – перенесли свои подразделения по выполнению международных санкций в Нью-Йорк и «добровольно» подчинили себя американскому режиму ограничительных мер [Sun 2021:330-331]. Местные гонконгские банки и действующие в мегаполисе китайские банки имеют представительства и филиалы в США и корреспондентские отношения с американскими банками, а расчеты в американских долларах занимают значительную долю бизнеса гонконгских и китайских банков, а посему любые односторонние ограничительные меры США против этих банков могут угрожать их существованию. Этот факт признает Денежно-кредитное управление (фактический центральный банк) Гонконга (Hong Kong Monetary Authority) и юридически обязывает финансовые институты принимать во внимание односторонние ограничительные меры (это прежде всего США и ЕС), которые могут повлиять на их операции, оценить риски и принять необходимые меры³⁴. Иными словами, Денежно-кредитное управление Гонконга требует от работающих в автономии финансовых институтов выполнение иностранных (читай: американских и европейских) односторонних ограничительных мер.

Любопытным примером удушающего воздействия самой возможности применения американских вторичных ограничительных мер к гонконгским банкам стало откровение бывшего главы администрации Гонконга Чжэн Юэя (Кэрри Лам Чен Ютнго, Carrie Lam Cheng Yuet-ngor), что после внесения ее в августе 2020 г. в перечень специально назначенных граждан

³² Edith Lin, Jess Ma. Hong Kong slams 'malicious slander' by US lawmakers over money-laundering claims. – *South China Morning Post*. 26 November 2024.

³³ Существует мнение, что Гонконг, будучи отдельной таможенной территорией (п. 1 ст. 116 ОЗ), может вводить в ответ на односторонние дискриминационные торговые меры третьих стран тарифные и нетарифные барьеры, но в этом случае САР действовал бы вопреки ст. 114 и 115 ОЗ, закрепляющие статус автономии как свободного порта, ограничивающие ее право вводить таможенные тарифы и требующие обеспечивать свободную торговлю и свободное движение товаров, нематериальных активов и капитала. Примечательно, что даже в отношении введенных США в апреле 2025 г. кратковременных заоблачных тарифов на товары из КНР, которые в равной степени распространялись на товары из Гонконга, последний отказался от ответных тарифов на американские товары (хотя Китай ввел высокие таможенные пошлины на американские товары).

³⁴ См.: пар. 6.11 Руководства Денежно-кредитного управления Гонконга для уполномоченных организаций [банков] по предотвращению отмывания денег и финансирования терроризма (Guideline on Anti-Money Laundering and Counter-Financing of Terrorism (For Authorized Institutions) (Revised May 2023)). URL: [https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-information/guidelines-and-circular/guideline/Guideline_on_AML-CFT_\(for_AIs\)_eng_May%202023.pdf](https://www.hkma.gov.hk/media/eng/doc/key-information/guidelines-and-circular/guideline/Guideline_on_AML-CFT_(for_AIs)_eng_May%202023.pdf) (accessed date: 28.12.2024). См. также: [Sun 2021:326-327, 329-330, 338-339].

и заблокированных лиц властями США (а это чревато тем, что любые финансовые институты, предоставляющие услуги лицам, подвергнутым американским односторонним ограничительным мерам, могут сами стать жертвами таких же мер), все банки прекратили отношения с ней, и она получала свою зарплату (5,2 млн гонконгских долл. (670 тыс. долл. США) в год) наличными³⁵. Сам факт такого заявления свидетельствует о том, что внесение даже главы администрации Гонконга в перечень специально назначенных граждан и заблокированных лиц США представляет серьезную угрозу деятельности банкам, обслуживающим внесенного в такой список клиента. По сути, складывается парадоксальная ситуация, когда гонконгские и китайские банки вынуждены исполнять анти-гонконгские ограничительные меры США. При этом банки оказываются в труднопреодолимом конфликте между угрозой внесения их в американский перечень специально назначенных граждан и заблокированных лиц и потенциальным нарушением ими ст. 29(4) закона КНР о национальной безопасности в отношении Гонконга от 30 июня 2020 г., предусматривающей уголовную ответственность за получение (прямо или косвенно) инструкций от иностранного правительства, организации или физического лица по введению односторонних ограничительных мер против САР или КНР [Walsh 2024:706-707]. Но проблема на этом не заканчивается: из-за опасений оказаться в перечнях лиц, подвергнутых односторонним ограничительным мерам стран Запада, действующие в Гонконге банки проявляют чрезмерную предусмотрительность, полностью отказывая в предоставлении услуг или ограничивая спектр услуг клиентам, являющихся гражданами или юридическими лицами стран, которые государства Запада обложили односторонними ограничительными мерами. Так, один из старейших и крупнейших банков Гонконга HSBC приостановил с апреля 2022 г. предоставление некоторых услуг по инвестиционным счетам граждан России³⁶. Более того, опасения банков стать объектом западных ограничительных мер не заканчиваются ограничением или полным прекращением по инициативе

банков отношений с физическими и юридическими лицами стран, оказавшихся под жестким давлением стран Запада (безотносительно к тому, подпадают ли такие лица под западные индивидуальные или секторальные ограничительные меры), но и заставляют небанковские организации Гонконга пересматривать или разрывать деловые отношения с этими лицами ввиду риска прекращения банками отношений с гонконгской компанией в случае установления факта деловых связей такой компании с вышеупомянутыми лицами (как в настоящем, так даже и в прошлом), т.е. предприниматели автономии действуют превентивно в отношении возможного дальнейшего ужесточения и эскалации односторонних ограничительных мер и обезопасив себя от рисков разбирательств с иностранными государственными органами, надзирающими за исполнением односторонних ограничительных мер [Beaucillon 2021:13, 14; Breen 2021:257, 261-262].

3. Заключение

Политика Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер ведома политикой КНР в этой сфере, что, естественно, отражает природу отношений между Пекином как сувереном, ответственным за внешнюю политику страны, и Гонконгом как автономным образованием в рамках унитарного китайского государства. Базовым фактором, определяющим политику Китая и Гонконга в области санкций, контрмер и односторонних ограничительных мер, является официальное признание и исполнение только санкций СБ ООН, законность принятия контрмер в ответ на делинквентное поведение третьих стран и формальное и риторическое неприятие односторонних ограничительных мер. Гонконг исполняет санкции СБ ООН исключительно по предписанию МИДа КНР (но на основании собственной нормативной правовой базы), что демонстрирует неоспоримый примат Пекина в сфере внешней политики. Все же, несмотря на однородность принципиального подхода к санкциям, контрмерам и односторонним ограничительным

³⁵ Primrose Riordan and Nicolle Liu. Hong Kong's leader has 'piles of cash' at home after US sanctions. – *The Financial Times*. 29 November 2020.

³⁶ Jess Ma. Russians lose access to some banking services in Hong Kong due to Western sanctions. – *South China Morning Post*. 15 October 2022.

мерам центрального правительства Китая и Гонконга, последний обладает определенными особенностями. Во-первых, Гонконг, будучи административно-территориальной единицей Китая, не вводит контрмеры против суверенных государств, если последние вводят односторонние ограничительные меры против автономии или ее официальных лиц (это всецело прерогатива центрального правительства). Во-вторых, принимаемые КНР законы против односторонних ограничительных мер иностранных государств (до тех пор, пока они не включены в Приложение III к ОЗ) и иные нормативные правовые акты не распространяют свою юридическую силу на Гонконг. В-третьих, вводимые Китаем контрмеры на основании соответствующих нормативных правовых актов, а также неофициальные запреты, не имеют обязательной силы в Гонконге, за исключением случаев запрета на въезд в автономию конкретных лиц, являющихся объектами таких контрмер. В-четвертых, многие гонконгские компании, имеющие устойчивые многолетние торгово-экономические связи

с западными контрагентами, и прежде всего работающие на территории САР местные, китайские и иностранные банки и иные финансовые организации, не только фактически исполняют односторонние ограничительные меры стран Запада, прежде всего США и ЕС, но и, по сути, юридически обязываются Денежно-кредитным управлением Гонконга придерживаться этих односторонних ограничительных мер. До тех пор, пока Россия находится под прессом всеохватывающих односторонних ограничительных мер стран Запада, для российских предпринимателей Гонконг является и будет оставаться трудной площадкой для ведения бизнеса, главным образом из-за колоссальных проблем с открытием и поддержанием счетов в банках, действующих на территории автономии, а также крайней и даже избыточной осторожностью многих местных компаний и предпринимателей к сделкам с гражданами и юридическими лицами тех стран, которые находятся под мощным давлением западных односторонних ограничительных мер.

Список литературы

1. Бакулина П.В., Кузьмина К.А. 2021. Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика. – *Финансовый журнал*. Т. 13. № 4. С. 24-38.
2. Галиев Р.С. 2019. Международно-правовой анализ соотношения категорий санкции, контрмеры и односторонние экономические меры. – *Вестник экономической безопасности*. № 3. С. 239-243.
3. Иванова Е.М. 2016. Проблема санкций в международном праве: терминологический аспект. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 181-187.
4. Иванова Е.М. 2018. Проблема применения «односторонних санкций» в современном международном праве. – *Российский внешнеэкономический вестник*. № 5. С. 127-134.
5. Карасев Д.Ю. 2025. Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 25. No. 3. С. 485-504.
6. Касымалиева А.К. 2023. Концептуализация понятий в анализе. «санкционного» противостояния глобальных геополитических акторов. – *Вестник КРСУ*. Т. 23. № 11. С. 173-179.
7. Пятибратов И.С. 2020. Санкции и односторонние ограничительные меры: проблема различия терминов и тождественности явлений. – *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 6 (10). С. 61-65.
8. Чак А.В. 2022. Односторонние принудительные меры в доктрине современного международного права. – *Вестник университета*. № 7. С. 30-36.
9. Andresen J. 2024. *The Lawfulness of Unilateral Sanctions in the Wake of a US – China “Sanctions War”*. 30 p. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12140-024-09429-9.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
10. Beaucillon C. 2021. An introduction to unilateral and extraterritorial sanctions: definitions, state of practice and contemporary challenges. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 1-17.
11. Breen E. 2021. Corporations and US economic sanctions: the dangers of overcompliance. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 256-269.
12. Cai C.Y. 2021. China's position and practice concerning unilateral sanctions. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 70-89.
13. Chen Zh., Wei Q.Sh. 2023. “Fan waiguo zhicai fa” shishi zhong de falu wenti yu wanshan [Legal Issues and Improvements in the Implementation of the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. Issue 5. P. 60-80. (In Chinese)
14. Chen M. 2022. Dan bian jingji zhicai he fan zhicai de fall guizhi – jian ping “fan waiguo zhicai fa” [Legal Regulation of Unilateral Economic Sanctions and Counter-Sanctions: Comment on the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Jingmao falu pinglun [Economic and Trade Law Review]*. Issue 4. P. 1-16. (In Chinese)
15. Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. 2018. *China's Use of Coercive Economic Measures*. 58 p. URL: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use.pdf (дата обращения: 09.02.2025).
16. Ma G.A., Mao Q.Y. 2023. Dan bian zhicai yu zu duan lifa xia zhongguo qiye de he gui kunjing yu yingdui ce-

- lue [Compliance Dilemma and Coping Strategies for Chinese Enterprises under Unilateral Sanctions and Blocking Legislation]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. Issue 2. P. 17-35. (In Chinese)
17. Poh A. 2020. *Sanctions with Chinese Characteristics: Rhetoric and Restraint in China's Diplomacy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 372 p.
 18. Rennemo A. 2021. How China Joined the Sanctions Game. URL: <https://thedi diplomat.com/2021/02/how-china-joined-the-sanctions-game/> (accessed date: 02.03.2025).
 19. Sun J. 2021. International bank settlement in China and unilateral sanctions-related disputes: sources, remedies and procedures. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. P. 323-341.
 20. Walsh W. 2024. *Cross-Border Crime in Hong Kong: Extradition, Mutual Assistance, Financial Sanctions*. 3rd ed. Hong Kong: LexisNexis. 945 p.
 21. Xing J.Y., Li M.J. 2023. Moving to Formality and Openness? An Analysis of China's New Two-Tiered Sanctions Policy. – *The China Review*. Vol. 23. No. 1. P. 377–406.
 22. Xiong Y.Y. 2025. Legality, Legitimacy and Institutionalization: China's Dilemma of Sanctions and Economic Coercion. – *Journal of Contemporary China*. Vol. 34. Issue 152. P. 181-197.
 23. Yu W.J. 2021. China's Emerging Unilateral Sanctions: Heading towards the Rule of Law? – *The Chinese Journal of Comparative Law*. Vol. 9. No. 3. P. 359-386.
 24. Zhang B.B. 2021. A Critical Evaluation of China's New Blocking Statute against Unfair Extraterritoriality. – *Hong Kong Law Journal*. Vol. 51. Part 2. P. 775-800.
 25. Zhao D.M. 2024. *Contemporary Export Control Law of China*. Singapore: Springer. 265 p.
 26. Zu W.T. 2024. Mei xifang jingji zhicai xiaoli kunjing xia de zhongguo shewai fazhi huiying [China's foreign rule of law response to the dilemma of the effectiveness of US and Western economic sanctions]. – *Caijing faxue [Law and Economy]*. Issue 1. P. 175-192. (In Chinese)
 5. Cai C.Y. China's position and practice concerning unilateral sanctions. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 70-89.
 6. Chuck A.V. Odnostoronnie prinuditelnye mery v doctrine sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Unilateral coercive measures in the doctrine of modern international law]. – *Vestnik universiteta [University Bulletin]*. 2022. № 7. С. 30-36.
 7. Chen Zh., Wei Q.Sh. "Fan waiguo zhicai fa" shishi zhong de falu wenti yu wanshan [Legal Issues and Improvements in the Implementation of the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. 2023. Issue 5. P. 60-80. (In Chinese)
 8. Chen M. Dan bian jingji zhicai he fan zhicai de fall guizhi – jian ping "fan waiguo zhicai fa" [Legal Regulation of Unilateral Economic Sanctions and Counter-Sanctions: Comment on the Anti-Foreign Sanctions Law]. – *Jingmao falu pinglun [Economic and Trade Law Review]*. 2022. Issue 4. P. 1-16 (In Chinese).
 9. Galiev R.S. Mezhdunarodno-pravovoi analiz sootnosheniya kategorii sanktsii, kontrmery i odnostoronniye ekonomicheskiye mery [International legal analysis of the ratio of categories of sanctions, countermeasures and unilateral economic measures]. – *Vestnik Ekonomicheskoi Bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*. 2019. № 3. P. 239-243. (In Russ.)
 10. Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. *China's Use of Coercive Economic Measures*. 2018. 58 p. URL: https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/China_Use.pdf (accessed date: 09.02.2025).
 11. Ivanova E.M. Problema sanktsii v mezhdunarodnom prave; terminologicheskii aspekt [The Problem of Sanctions in International Law: Aspect of Terminology]. – *Moskovskii Zhurnal Mezhdunarodnogo Prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. № 2. P. 181-187. (In Russ.)
 12. Ivanova E.M. Problema primeneniya "odnostoronnikh sanktsii" v sovremenom mezhdunarodnom prave [Application problem of "unilateral sanctions" in modern international law]. – *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*. 2018. № 5. P. 127-134. (In Russ.)
 13. Karasev D.Yu. Otvetye ogranichitelnye mery Kitaya v usloviyakh sanktsionnogo protivostoyaniya [China's retaliatory measures in the context of the sanctions confrontation]. – *Vestnik RUDN. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]*. 2025. Vol. 25. № 3. P. 485-504.
 14. Kasymalieva A.K. Kontseptualizatsiya ponyatii v analize "sanktsionnogo" protivostoyaniya globalnykh geopoliticheskikh aktorov [Conceptualization of Concepts in the Analysis of "Sanction" Confusion of Global Geopolitical Actors]. – *Vestnik KRSU [Herald of KRSU]*. 2023. Vol. 23. № 11. С. 173-179. (In Russ.)
 15. Ma G.A., Mao Q.Y. Dan bian zhicai yu zu duan lifa xia zhongguo qiye de he gui kunjing yu yingdui celue [Compliance Dilemma and Coping Strategies for Chinese Enterprises under Unilateral Sanctions and Blocking Legislation]. – *Wuda guojifa pinglun [Wuhan University International Law Review]*. 2023. Issue 2. P. 17-35. (In Chinese)
 16. Poh A. *Sanctions with Chinese Characteristics: Rhetoric and Restraint in China's Diplomacy*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 2020. 372 p.

References

1. Andresen J. *The Lawfulness of Unilateral Sanctions in the Wake of a US – China "Sanctions War"*. 2024. 30 p. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12140-024-09429-9.pdf> (accessed date: 16.02.2025).
2. Bakulina P.V., Kuzmina K.A. Politika ekonomicheskikh sanktsii KNR: pravovoe regulirovaniye i pravoprimenitel'naya praktika [China's Policy of Economic Sanctions: Legislation and Enforcement]. – *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*. 2021. Vol. 13. № 4. P. 24-38. (In Russ.)
3. Beaucillon C. An introduction to unilateral and extraterritorial sanctions: definitions, state of practice and contemporary challenges. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 1-17.
4. Breen E. Corporations and US economic sanctions: the dangers of overcompliance. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 256-269.

17. Pyatibratov I.S. Sanktsii i odnostoronniye ogranichitel'nye mery: problema razlichiya i tozhdestvennosti yavleniya [Sanctions and unilateral restrictive measures: The problem of differences in terms and identity of phenomena]. – *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]*. 2020. № 6 (10). P. 61-65. (In Russ.)
18. Rennemo A. How China Joined the Sanctions Game. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/how-china-joined-the-sanctions-game/> (accessed date: 02.03.2025).
19. Sun J. International bank settlement in China and unilateral sanctions-related disputes: sources, remedies and procedures. – *Research Handbook on Unilateral and Extraterritorial Sanctions*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing. 2021. P. 323-341.
20. Walsh W. *Cross-Border Crime in Hong Kong: Extradition, Mutual Assistance, Financial Sanctions*. 3rd ed. Hong Kong: LexisNexis. 2024. 945 p.
21. Xing J.Y., Li M.J. Moving to Formality and Openness? An Analysis of China's New Two-Tiered Sanctions Policy. – *The China Review*. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 377-406.
22. Xiong Y.Y. Legality, Legitimacy and Institutionalization: China's Dilemma of Sanctions and Economic Coercion. – *Journal of Contemporary China*. 2025. Vol. 34. Issue 152. P. 181-197.
23. Yu W.J. China's Emerging Unilateral Sanctions: Heading towards the Rule of Law? – *The Chinese Journal of Comparative Law*. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 359-386.
24. Zhang B.B. A Critical Evaluation of China's New Blocking Statute against Unfair Extraterritoriality. – *Hong Kong Law Journal*. 2021. Vol. 51. Part 2. P. 775-800.
25. Zhao D.M. *Contemporary Export Control Law of China*. Singapore: Springer. 2024. 265 p.
26. Zu W.T. Mei xifang jingji zhicai xiaoli kunjing xia de zhongguo shewai fazhi huiying [China's foreign rule of law response to the dilemma of the effectiveness of US and Western economic sanctions]. – *Caijing faxue [Law and Economy]*. 2024. Issue 1. P. 175-192. (In Chinese)

Информация об авторе

Николай Викторович ВЕРЕМЕЕВ

Юрисконсульт, Meridian Capital (HK) Limited

18 этаж, Рыкадан Уан, Вонг Чук Ханг Роуд, 23, Гонконг, 999077, Китайская Народная Республика

nv_veremeyev@mail.ru

ORCID: 0009-0001-3896-5364

About the Author

Nikolay V. VEREMEEV

Legal Council, Meridian Capital (HK) Limited

18/F, Rykadan One, 23 Wong Chuk Hang Road, Hong Kong, People's Republic of China, 999077

nv_veremeyev@mail.ru

ORCID: 0009-0001-3896-5364

Ольга Валентиновна КРИВЕЛЬСКАЯ

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

ORCID: 0009-0004-9822-3110

МЕЖДУНАРОДНОЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ МИРОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ. В условиях глобальных трансформаций последних лет – роста трансграничных угроз, цифровизации, обострения экологических и геополитических вызовов – существенно возрастает значение международного административного права как новой формы публичного регулирования. Предметом исследования выступает становление и развитие международного административного права как системы норм и процедур, обеспечивающих административное взаимодействие государств в транснациональном пространстве. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации национальных правовых систем к процессам глобализации и надгосударственного управления. Эта проблематика имеет особое значение для формирования устойчивого правового порядка, основанного на принципах сотрудничества и баланса суверенитета. В условиях усложнения международных отношений и роста роли международных организаций изучение международного административного права позволяет выявить тенденции трансформации публичного управления в глобальном масштабе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование осуществляется на анализе международных соглашений и инициатив 2022–2025 гг. (Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, Соглашение о биоразнообразии в районах за пределами национальной

юрисдикции, практика санкционных режимов), а также на трудах отечественных ученых – А.Б. Зеленцова, А.А. Демина, Н.И. Побежимовой, О.Н. Шерстобоева. Применены сравнительно-правовой, формально-юридический и институционально-функциональный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Выявлено, что международное административное право постепенно приобретает институциональные очертания, превращаясь из теоретической категории в реальный механизм управления. Сформированы устойчивые практики межгосударственного администрирования в сферах экологии, кибербезопасности, миграции и цифрового регулирования, основанные на принципах прозрачности, подотчетности и координации действий национальных администраций.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Понятие «международное административное право» охватывает совокупность процедур и норм, регулирующих трансграничное взаимодействие государственных администраций. Однако его статус остается спорным: наряду с признанием необходимости согласованных управленческих механизмов звучат опасения утраты элементов суверенитета. Практика последних лет показывает, что принятие международных соглашений в области экологии, цифровизации и кибербезопасности способствует формированию реальных инструментов глобального администрирования. Тем не менее данные процессы

развиваются вне единого правового каркаса, что порождает риски несогласованности и правовой неопределенности. Следовательно, дальнейшее развитие международного административного права требует систематизации и кодификации с опорой на принципы международного права и уважение государственного суверенитета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное административное право; глобализация; публичное управление; суверенитет; транснациональные

нормы; кодификация; международное сотрудничество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кривельская О.В. 2025. Международное административное право в свете последних мировых изменений. – Московский журнал международного права. № 4. С. 74–83. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-74-83>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ADMINISTRATIVE LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-74-83>

Research article

UDC: 341

Received 2 September 2025

Approved 20 November 2025

Olga V. KRIVELSKAYA

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
o.krivelskaya@inno.mgimo.ru
ORCID: 0009-0004-9822-3110

INTERNATIONAL ADMINISTRATIVE LAW IN THE LIGHT OF RECENT GLOBAL DEVELOPMENTS

INTRODUCTION. *In the context of global transformations in recent years – the growth of cross-border threats, digitalization, and the aggravation of environmental and geopolitical challenges – the importance of international administrative law as a new form of public regulation is significantly increasing. The subject of the study is the formation and development of international administrative law as a system of norms and procedures that ensure the administrative interaction of states in a transnational space. The relevance of the topic is due to the need to adapt national legal systems to the processes of globalization and supranational governance. This issue is of particular importance for the formation of a stable legal order based on the principles of cooperation and a balance of sovereignty. In the context of the increasing complexity of international relations and the growing role of inter-*

national organizations, the study of international administrative law makes it possible to identify trends in the transformation of public administration on a global scale.

MATERIALS AND METHODS. *The research is based on the analysis of international agreements and initiatives of 2022-2025 (the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence, the Agreement on Biodiversity in Areas beyond National Jurisdiction, the practice of sanctions regimes), as well as on the works of domestic scientists – A.B. Zelentsov, A.A. Demin, N.I. Begimova, O.N. Sherstoboev. Comparative-legal, formal-legal and institutional-functional methods are applied.*

RESEARCH RESULTS. *It is revealed that international administrative law is gradually acquiring institutional outlines, turning from a theoretical category*

into a real management mechanism. Sustainable practices of interstate administration in the fields of ecology, cybersecurity, migration and digital regulation have been formed, based on the principles of transparency, accountability and coordination of actions of national administrations.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The concept of “international administrative law” encompasses a set of procedures and norms governing cross-border interaction between public administrations. However, its status remains controversial: along with the recognition of the need for coordinated management mechanisms, there are concerns about the loss of elements of sovereignty. The practice of recent years shows that the adoption of international agreements in the field of ecology, digitalization and cybersecurity contributes to the formation of real tools for global administration. Nevertheless, these processes are developing outside of a single legal framework, which creates risks of

inconsistency and legal uncertainty. Consequently, the further development of international administrative law requires systematization and codification based on the principles of international law and respect for State sovereignty.

KEYWORDS: international administrative law; globalization; public administration; sovereignty; transnational norms; codification; international cooperation

FOR CITATION: Krivelskaya O.V. International Administrative Law in the Light of Recent Global Developments. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 74–83. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-74-83>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Мировые глобальные изменения последних лет – усиление взаимозависимости государств, возникновение транснациональных проблем (пандемии, изменения климата, цифровизация и других) – ставят вопрос о существовании международного административного права как особого феномена. Под этим термином обычно понимают совокупность норм и институтов, регулирующих административно-правовую деятельность, выходящую за пределы сугубо внутреннего управления и осуществляемую в трансграничном или наднациональном контексте [Барциц 2008:1].

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка рассмотреть международное административное право не только как доктринальную категорию, но и как формирующуюся практическую систему норм и процедур, обусловленную глобальными процессами 2022–2025 гг., а именно: цифровизацией, экологической интеграцией и институционализацией международных административных механизмов.

В международно-правовой доктрине проблема международного административного права нередко рассматривается через призму концепций глобального управления (global governance) и транснационального публичного права. Так,

по мнению Б. Кингсбери, Н. Краг, Р. Стюарта и С. Кассе, предложивших теорию Global Administrative Law, речь идет о формировании совокупности принципов прозрачности, участия и правовой обоснованности, применяемых в деятельности международных организаций и сетевых структур управления [Четвернина 2009:23].

Дискуссия о сущности и самостоятельности международного административного права ведется в науке уже не первый год [Bostan 2025:230]. С одной стороны, усиливается практическая потребность в международно-правовой координации действий национальных администраций. С другой – сама идея выделения особой «международной» отрасли административного права остается спорной и далеко не общепризнанной [Барциц 2008:2]. Так, отмечается, что в рамках традиционного международного публичного права феномен международного административного права пока остается «чужим среди своих», т. е. фактически не привлекает должного внимания.

Процессы глобализации во многом размывают границы между внутренним и внешним управлением. Государства вынуждены сотрудничать в решении административно-правовых задач: обмениваться информацией, координировать регуляторную политику, совместно обеспечивать исполнение международных соглашений [Iftikhar Lodhi 2023:204-219].

Аналогичные тенденции выделяются и в международно-правовой литературе, где международное административное право рассматривается как инструмент институционализации механизмов глобального управления, обеспечивающих реализацию международных обязательств государств посредством административных процедур. Это породило в доктрине идею о формировании своего рода «нового» административного права вне рамок отдельного государства. По мнению А.Б. Зеленцова, взаимозависимость государств и надгосударственное регулирование приводят к появлению «весьма важного и все увеличивающегося массива норм, который в зарубежной литературе называют «новым административным правом» либо «надгосударственным административным правом», а чаще всего «глобальным административным правом» [Зеленцов 2011:12-13].

Указанный новый нормативный комплекс призван обслуживать управленческие процессы в трансгосударственном пространстве, отличаясь от традиционного внутригосударственного права целями и сферой действия. Глобализация таким образом создает «проблемную ситуацию», в которой «юридическое пространство, в рамках которого действует национальная публичная администрация, уже не ограничивается... национальными... приоритетами, а сопрягается со сферой нормативности надгосударственного характера» [Демин 2014:165]. А.Б. Зеленцов подчеркивает, что задача науки – осмыслить и упорядочить стихийно развивающиеся процессы юридической транснационализации, выработав надлежащие подходы с учетом национальной правовой идентичности.

Иными словами, российская административно-правовая доктрина должна найти ответ на вызовы глобализации управления, не утратив своих основополагающих принципов [Мамедов 2021:75]. Фактически речь идет о признании зарождения особого пласта норм – международного (глобального) административного права и необходимости его теоретического осмысления.

2. Основная часть

При этом международно-правовая наука трактует международное административное право не как отрасль в классическом смысле, а как функциональный уровень регулирования в рамках международных организаций,

включающий административные решения, принимаемые в соответствии с уставами и актами таких структур, как Организация Объединенных Наций (ООН), Всемирная организация здравоохранения, Международное агентство по атомной энергии и Совет Европы. Эти решения, по сути, формируют слой норм *international institutional law*, находящийся на пересечении международного и административного регулирования.

Следует отметить, что близкие процессы идут и в рамках региональной интеграции. Наднациональные объединения (такие как Европейский Союз, Евразийский экономический союз и др.) порождают собственные административно-правовые режимы, иногда обозначаемые как «интеграционное административное право». Последнее обслуживает преимущественно потребности экономической интеграции и характеризуется доминированием процедурных норм управления объединением [Агамагомедова 2023а:153].

В современной литературе предпринимаются попытки развести понятия интеграционного и собственно международного административного права, указав критерии разграничения. Так, выделяют «транснациональность территории» и «транснациональность администрации» в качестве признаков международного административного права [Liu, Zhang, Zhou, Li, Feng, Zhao 2025:1-32]. Если интеграционное административное право действует в рамках определенного союза государств и направлено на обслуживание преимущественно экономических отношений, то международное административное право в широком смысле охватывает более общий массив универсальных норм, влияющих на публичное администрирование на национальном уровне вне жестких рамок одного интеграционного объединения. Несмотря на различия, оба явления обусловлены объективной тенденцией выхода административно-правового регулирования за пределы одного государства.

Признание существования транснационального массива административно-правовых норм вызвало научную дискуссию: можно ли говорить о формировании самостоятельной отрасли – международного административного права, – или же это лишь совокупность разрозненных норм, встроенных в иные правовые системы? Серьезные аргументы против выделения такой отрасли выдвигает А.А. Демин. По его мнению, термин «международное административное

право» методологически некорректен, поскольку происходит нежелательное смешение разных сфер – международной и внутригосударственной [Демин 2015:27].

В работе «К проблеме международного административного права» он оценивает состоятельность концепции глобального административного права с точки зрения предмета и метода отрасли административного права [Демин 2014:167]. Автор указывает, что предлагаемое «глобальное» (международное) административное право объединяет в себе горизонтальные связи, свойственные международному праву (отношения суверенов, основанные на консенсусе), и вертикальные властные связи, характерные для административно-правовых отношений внутри государства. Такие разнородные методы правового регулирования (согласование в международном праве и власть-подчинение в административном), по сути, несовместимы в рамках единой отрасли. Следовательно, делает вывод А.А. Демин, говорить о формировании классической отрасли международного административного права нет достаточных оснований: слишком разные по природе нормы пытаются объединить под этим заголовком.

Более того, А.А. Демин обращает внимание на политико-правовые риски этой концепции. Глобализация права, по его мнению, нередко используется доминирующими державами как способ геополитического влияния. В этом ключе международное административное право может выступать инструментом, способным лишить государство части национального суверенитета, навязав ему внешние управленческие решения. В качестве иллюстрации А.А. Демин ссылается на случаи, когда под лозунгами глобального управления сильные государства фактически подменяют собою международные институты. Так, односторонние действия в обход Совета Безопасности ООН (например, интервенции под предлогом защиты международных норм) демонстрируют гегемонистскую природу подобного «надгосударственного» управления.

Таким образом, по мнению А.А. Демина, концепция глобального (международного) административного права в ее радикальном выражении содержит опасность для принципа государственного суверенитета и поэтому должна рассматриваться критически. Он предлагает сохранять верность классическому пониманию разграничения отраслей: международное

право основывается на согласии независимых государств, тогда как административное право остается сферой власти и подчинения внутри государства. Смешение этих плоскостей в единое «международное административное право» представляется указанному автору необоснованным.

Несмотря на высказанные критические позиции, ряд современных исследователей продолжает развивать идею международного административного права, уточняя ее содержание и границы. Примечательна точка зрения, изложенная Н.И. Побежимовой и О.Н. Шерстобоевым. Эти авторы признают существование особой совокупности норм, регулирующих именно административную деятельность государства, осуществляемую в связи с международными обязательствами. По их мнению, международное административное право «определяет деятельность национальной администрации в связи с реализацией норм международного права», причем такая деятельность бывает двух видов [Побежимова, Шерстобоев 2019:94].

Внешним аспектом выступает сотрудничество органов исполнительной власти разных стран при решении управленческих задач внутри государства (например, координация межгосударственных мер по борьбе с трансграничными угрозами, совместные административные процедуры в рамках международных организаций). Внутренний аспект – издание внутри государства административных актов во исполнение принятых на себя международно-правовых обязательств. Важно подчеркнуть, что, по мнению Н.И. Побежимовой и О.Н. Шерстобоева, реализация международного административного права не означает умаления суверенитета: она происходит лишь в тех сферах, которые не затрагивают сущностных основ государственной власти. Иными словами, государство добровольно и в ограниченных пределах допускает действие внешних административно-правовых регуляторов (через договоры, решения интеграционных органов и так далее), сохраняя контроль над фундаментальными вопросами государственного управления.

Таким образом, современный подход, предложенный данными авторами, можно назвать умеренно-интеграционным. Международное административное право предстает не как самостоятельная «надгосударственная» власть, а как совокупность процедур и норм, обеспечивающих взаимодействие национальных администраций

в рамках международного права¹. Оно заполняет пробел между международным публичным правом и административным правом отдельных стран, не создавая при этом нового уровня власти над государствами. Подобный взгляд во многом снимает остроту озабоченности вопросом суверенитета: национальная правовая система воспринимает нормы международного административного характера настолько, насколько сама считает приемлемым, и только в сферах, где такое сотрудничество выгодно и не разрушает основ государственности.

Важно также отметить, что в последнее время проблематика международного административного права получила дополнительный импульс в связи с конкретными глобальными вызовами [Агагомедова 2023б:25]. Так, введение масштабных санкционных режимов и обострение геополитической напряженности наглядно продемонстрировали необходимость оперативного обмена управленческой информацией между государствами, координации мер экспортного и финансового контроля, взаимного признания административных решений, касающихся трансграничных потоков товаров, услуг и капитала. Эти чрезвычайные обстоятельства вынудили национальные администрации действовать во многом синхронно, по согласованным алгоритмам, вырабатываемым в рамках международных организаций и региональных объединений.

Таким образом, становится очевидным, что без устойчивых институтов международного административного взаимодействия противостоять глобальным вызовам современности невозможно [Merkx 2022:73]. В первую очередь это проявляется в экологической сфере: необходимость совместного реагирования на изменение климата и трансграничное загрязнение привела к формированию процедур обмена экологической информацией, унификации стандартов оценки воздействия на окружающую среду и внедрению согласованных механизмов контроля.

Этот вывод корреспондирует с положениями Хартии ООН, Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и Декларации тысячелетия ООН, в которых закреплены основы международного

сотрудничества и институциональной ответственности государств, формирующих фундамент для международного административного взаимодействия.

В совокупности данные процессы демонстрируют, что управленческая деятельность государств все чаще выходит за пределы внутренней юрисдикции, приобретая характер единого транснационального процесса. Национальные органы власти постепенно оказываются включенными в сеть международных взаимодействий, где формируются общие подходы, согласованные стандарты и механизмы взаимопомощи, что и отражает сущностное содержание международного административного права на современном этапе [Рысай, Комаревцева 2024:2].

Представляется обоснованным утверждать, что именно в период 2022–2025 годов, проблематика международного административного права приобрела качественно новое звучание. Накопление транснациональных вызовов – от глобальных эпидемиологических угроз до климатической и цифровой повестки – объективно обусловило расширение сферы административного взаимодействия государств и наднациональных институтов [Gritsenko 2024:4]. Тем самым международное административное право стало не только предметом доктринальной рефлексии, но и реальным инструментом управления, проявляющимся в разнообразных формах межгосударственного сотрудничества.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что пандемия COVID-19, последствия которой продолжали ощущаться в 2022–2025 гг., окончательно продемонстрировала необходимость согласованности управленческих решений в сфере санитарно-эпидемиологической безопасности. Международные институты, прежде всего Всемирная организация здравоохранения, выступили координаторами административных процедур, вырабатывая единые алгоритмы обмена информацией, признания документов и согласования ограничительных мер [Worsnop, Nass, Grépin, Lee 2023]. Этот опыт подтвердил: в отсутствие механизмов международного административного взаимодействия противостоять трансграничным угрозам становится невозможно.

¹ Foster C.E., Belcher B. *International Law's Administrative Law Turn and the Paris Agreement*. VerfBlog. 9.11. 2025. DOI: 10.59704/191280bc3b9dfca7.

Наряду с санитарной сферой, особое значение приобрела климатическая проблематика. Принятие в июне 2023 г. международного соглашения о сохранении биоразнообразия в районах, находящихся вне национальной юрисдикции (BBNJ Agreement)², фактически создало новые рамки административного регулирования в трансграничном пространстве. Здесь наглядно проявилось то, что отдельные элементы международного административного права формируются как процедурные механизмы, обеспечивающие реализацию согласованных целей мирового сообщества в области охраны окружающей среды. Таким образом, в последние годы экологическая сфера становится важным полигоном для становления международного административного права.

Не менее значимым представляется и цифровой вектор. В мае 2024 г. Совет Европы открыл к подписанию Рамочную конвенцию об искусственном интеллекте (ИИ)³, ставшую первым универсальным документом, ориентированным на административно-правовые последствия использования технологий ИИ. В этом случае можно наблюдать пример формализации глобальных стандартов регулирования, которые прямо влияют на национальные органы исполнительной власти и требуют корректировки административных процедур на внутригосударственном уровне. Включение цифровой повестки в международное административное пространство наглядно демонстрирует тенденцию к формированию единого нормативного каркаса глобального администрирования [Левченко 2025:5].

Систематизация указанных практик позволяет заключить, что в последние годы все отчетливее проявляется феномен так называемого глобального административного пространства. Его ключевыми характеристиками становятся принципы прозрачности, подотчетности, участия и правовой обоснованности решений, которые закрепляются в правовых актах международных организаций и транслируются в деятельность национальных администраций.

Иными словами, речь идет о трансформации самого понимания административного права, которое все в большей степени выходит за рамки традиционной внутригосударственной модели и приобретает надгосударственные черты.

Следует отметить, что в 2022–2025 гг. международное административное право также проявилось в целой совокупности новых форм взаимодействия:

- в разработке и ведении санкционных режимов, требующих синхронизации административных решений на национальном уровне [Mallard, Sun 2024:97];
- в обеспечении кибербезопасности, где государства вынуждены согласовывать технические и правовые стандарты;
- в миграционной сфере, где согласованные механизмы контроля и обмена данными выступают элементами надгосударственного администрирования [Okitsu 2022].

Таким образом, де-факто складывается практика, которая соответствует признакам международного административного права, даже если теория еще окончательно не закрепила его в качестве самостоятельной отрасли.

В контексте международного права особое значение имеет подход, сформулированный в решениях Международного суда ООН и практике специализированных учреждений, где административные механизмы рассматриваются как вспомогательные инструменты реализации норм международного публичного права. Соответственно, международное административное право можно рассматривать как «операционную часть» международного права, обеспечивающую его выполнение на уровне национальных администраций.

3. Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что мировые изменения последних лет не только поставили проблему международного административного права в повестку научных дискуссий, но и способствовали его

² Keating-Bitonti C. The Biodiversity Beyond National Jurisdiction Agreement (High Seas Treaty). Congressional Research Service Report. IF12283. Version 3. Updated 14 July 2023. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/IF12283.pdf> (дата обращения: 2.07.2025).

³ Ramochnaya konventsia Soveta Evropy ob iskusstvennom intellekte i prakh cheloveka, demokratii i verkhovenstve prava [Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law]. Adopted on May 17, 2024. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 2.07.2025).

практическому становлению. Оно все более проявляется как совокупность норм и институтов, обеспечивающих согласованное выполнение управленческих функций в трансграничном пространстве. В научном отношении это подтверждает актуальность идей А.Б. Зеленцова о «глобальном административном праве», уточняет критику А.А. Демина относительно рисков утраты суверенитета и конкретизирует подход Н.И. Побежимовой и О.Н. Шерстобоева, включая зарубежных исследователей, которые рассматривают международное административное право в умеренно-интеграционном ключе. Последние мировые изменения показывают, что

международное административное право перестает быть лишь теоретическим понятием и становится реальной системой норм и процедур, которую необходимо дальше изучать и закреплять на уровне международных актов.

Полученные результаты позволяют уточнить предмет международного административного права и предложить его трактовку как особого уровня публичного регулирования, интегрирующего международно-правовые и административные начала, чем исследование вносит вклад в развитие отечественной теории административного права, формируя концептуальные основания для его глобального измерения.

Список литературы

1. Агамагомедова С.А. 2023. Национальное, интеграционное и международное административное право: вопросы соотношения. – *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. № 3(67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-integratsionnoe-i-mezhdunarodnoe-administrativnoe-pravo-voprosy-sootnosheniya> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Агамагомедова С.А. 2023. Международное и интеграционное административное право: проблема соотношения. – *Правовая политика и правовая жизнь*. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-i-integratsionnoe-administrativnoe-pravo-problema-sootnosheniya> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Барциц И.Н. 2008. Глобальное административное право как вызов и угроза международному правовому порядку. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 5-19. DOI: 10.24833/0869-0049-2008-2-5-19.
4. Демин А.А. 2015. Дискуссия о влиянии глобализации на возникновение международного административного права. – *Актуальные вопросы публичного права*. № 1(31). С. 27-45.
5. Демин А.А. 2014. К проблеме международного административного права. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-mezhdunarodnogo-administrativnogo-prava> (дата обращения: 12.11.2025).
6. Зеленцов А.В. 2011. Новое административное право: юридическая природа и проблемы концептуального обоснования. – *Актуальные проблемы публичного права в России и за рубежом*. Под ред. А.М. Волкова. Москва: Издательство РУДН. С. 12-13.
7. Мамедов А.А. 2021. Современная концепция развития административного права. – *Образование и право*. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontseptsiya-razvitiya-administrativnogo-prava> (дата обращения: 12.11.2025).
8. Побежимова Н.И., Шерстобоев О.Н. 2019. Генезис международного административного права. – *Государство и право*. № 11. С. 94-103.
9. Рысай Б.Г., Комаревцева А.В. 2024. Современные тенденции в реформировании административного права. – *Научный Лидер*. № 1(150). URL: <https://scilead.ru/article/5565-sovremennye-tendentsii-v-reformirovanii-admin> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Четвернина А.В. 2010. Кингсбери Б. Концепция «права» в глобальном административном праве. Kingsbury B. The concept of 'law' in global administrative law. – *European J. of Intern. Law*. – Oxford, 2009. – Vol. 20. N 1. – P. 23–57. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-01-018-kingsbury-b-kontseptsiya-prava-v-globalnom-administrativnom-prave-kingsbury-b-the-concept-of-law-in-global-administrative-law> (дата обращения: 12.11.2025).
11. Левченко Д. 2024. Парадигма ідеї глобального цифрового врядування як явища адміністративного права. – *Адміністративне право і процес*. № 4. С. 5-13.
12. Bostan A. Global Administrative Space: Redefining Boundaries in Governance and Law. February 19, 2025.P.230. URL: doi.org/10.2139/ssrn.5329791 (дата обращения: 12.11.2025).
13. Gritsenko D. Advancing UN digital cooperation: Lessons from environmental policy and governance. – *World Development*. 2024. Vol. 173. Art. 106392. ISSN 0305-750X. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106392.
14. Iftikhar Lodhi Aray Ilyassova-Schoenfeld. 2023. The Bologna Process and Its Impact on the Higher Education Reforms in Kazakhstan: A Case of Policy Transfer and Translations. – *Studies in Higher Education*. Vol. 48. No 1. P. 204-219.
15. Liu J., Zhang W., Zhou P., Li J., Feng T., Zhao H. 2025/ Understanding the Evolving International Collaborative Governance for Transboundary Air Pollution in Northeast Asia: An Institutional Collective Action Perspective. – *Public Performance & Management Review*. P. 1-32. DOI: 10.1080/15309576.2025.2540975.
16. Merckx M. 2022. Exchange of Information and Administrative Cooperation between Countries in a Globalised and Digital Economy. – *Erasmus Law Review*. No. 2. P. 73-75. DOI: 10.5553/ELR.000229.
17. Mallard G., Sun Zh. 2024. International Law, Security, and Sanctions: A Decolonial Perspective on the Transnational Legal Order of Sanctions. – *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 20. P. 97-116. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-042022-111630.
18. Okitsu Y. 2022. A Global Administrative Act? Refugee Status Determination between Substantive and Procedural

- Law. – Grahn-Farley M. et al. (eds.) *Governing with Public Agencies: The Development of a Global Administrative Space and the Creation of a New Role for Public Agencies*. Stiftelsen skrifter utgivna av Juridiska fakulteten vid Stockholms universitet. URL: <https://ssrn.com/abstract=4727193> (дата обращения: 12.11.2025).
19. Worsnop C.Z., Nass S., Grépin K.A., Lee K. 2023. An Analysis of WHO's Temporary Recommendations on International Travel and Trade Measures during Public Health Emergencies of International Concern. – *BMJ Global Health*. Vol. 8. e012615. DOI: 10.1136/bmjgh-2023-012615.
- ## References
1. Agamagomedova S.A. Mezhdunarodnoe i integratsionnoe administrativnoe pravo: problema sootnosheniya [International and Integration Administrative Law: the Problem of Correlation]. – *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life]. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-i-integratsionnoe-administrativnoe-pravo-problema-sootnosheniya> (data obrashheniya: 12.11.2025).
 2. Agamagomedova S.A. Natsional'noe, integratsionnoe i mezhdunarodnoe administrativnoe pravo: voprosy sootnosheniya [National, Integration and International Administrative Law: Issues of Correlation]. – *Izvestiya VU-Zov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [Izvestiya VUZov. The Volga region. Social sciences]. 2023. No. 3(67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-integratsionnoe-i-mezhdunarodnoe-administrativnoe-pravo-voprosy-sootnosheniya> (data obrashheniya: 12.11.2025).
 3. Bartsits I. Global'noe administrativnoe pravo kak vyzov i ugroza mezhdunarodnomu pravovomu poryadku [Global Administrative Law as a Challenge and Threat to the International Legal Order]. – *Moskovskiy Zhurnal Mezhdunarodnogo Prava* [Moscow Journal of International Law]. 2008. № 2. С. 5-19. DOI: 10.24833/0869-0049-2008-2-5-19.
 4. Bostan A. Global Administrative Space: Redefining Boundaries in Governance and Law. February 19, 2025. P.230. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5329791> (дата обращения: 12.11.2025).
 5. Chetvernina A.V. Kingsbari B. Konceptiya «prava» v global'nom administrativnom prave. Kingsbury B. The concept of 'law' in global administrative law. – *European J. of Intern. Law.* – Oxford, 2009. – Vol. 20. N 1. – P. 23–57 [Kingsbury B. The concept of 'law' in global administrative law. – *European J. of Intern. Law.* – Oxford, 2009. – Vol. 20. N 1. – P. 23–57]. – *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura* [Social sciences and humanities. Russian and foreign literature]. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo: Referativnyy zhurnal. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-01-018-kingsbari-b-kontsepsiya-prava-v-globalnom-administrativnom-prave-kingsbury-b-the-concept-of-law-in-global-administrative-law> (data obrashheniya: 12.11.2025).
 6. Demin A.A. Diskussiya o vliyaniy globalizatsii na vozniknovenie mezhdunarodnogo administrativnogo prava [Discussion on the Influence of Globalization on the Emergence of International Administrative Law]. – *Aktual'nye voprosy publichnogo prava* [Current issues of public law]. 2015. No. 1(31). P. 27-45.
 7. Demin A.A. K probleme mezhdunarodnogo administrativnogo prava [On the Problem of International Administrative Law]. – *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of O.E. Kutafin University]. 2014. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-mezhdunarodnogo-administrativnogo-prava> (data obrashheniya: 12.11.2025).
 8. Gritsenko D. Advancing UN digital cooperation: Lessons from environmental policy and governance. – *World Development*. 2024. Vol. 173. Art. 106392. ISSN 0305-750X. DOI: 10.1016/j.worlddev.2023.106392.
 9. Iftikhar Lodhi Aray Ilyassova-Schoenfeld. 2023. The Bologna Process and Its Impact on the Higher Education Reforms in Kazakhstan: A Case of Policy Transfer and Translations. – *Studies in Higher Education*. Vol. 48. No 1. P. 204-219.
 10. Levchenko D. Paradigma idei global'nogo cifrovogo vraduvannja jak javishha administrativnogo prava [The Paradigm of the Idea of Global Digital Governance as a Phenomenon of Administrative Law]. – *Administrativne pravo i process* [Administrative Law and Process]. 2025. No. 4. P. 5-13. DOI: 10.17721/2227-796X.2024.4.01.
 11. Liu J., Zhang W., Zhou P., Li J., Feng T., Zhao H. 2025/ Understanding the Evolving International Collaborative Governance for Transboundary Air Pollution in Northeast Asia: An Institutional Collective Action Perspective. – *Public Performance & Management Review*. P. 1-32. DOI: 10.1080/15309576.2025.2540975.
 12. Mallard G., Sun Zh. 2024. International Law, Security, and Sanctions: A Decolonial Perspective on the Transnational Legal Order of Sanctions. – *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 20. P. 97-116. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-042022-111630.
 13. Mamedov A.A. Sovremennaya kontsepsiya razvitiya administrativnogo prava [Modern Concept of the Development of Administrative Law]. – *Obrazovanie i pravo* [Education and law]. 2021. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontsepsiya-razvitiya-administrativnogo-prava> (data obrashheniya: 12.11.2025).
 14. Merks M. 2022. Exchange of Information and Administrative Cooperation between Countries in a Globalised and Digital Economy. – *Erasmus Law Review*. No. 2. P. 73-75. DOI: 10.5553/ELR.000229.
 15. Okitsu Y. 2022. A Global Administrative Act? Refugee Status Determination between Substantive and Procedural Law. – Grahn-Farley M. et al. (eds.) *Governing with Public Agencies: The Development of a Global Administrative Space and the Creation of a New Role for Public Agencies*. Stiftelsen skrifter utgivna av Juridiska fakulteten vid Stockholms universitet. URL: <https://ssrn.com/abstract=4727193> (дата обращения: 12.11.2025).
 16. Pobezhimova N.I., Sherstoboev O.N. Genezis mezhdunarodnogo administrativnogo prava [Genesis of International Administrative Law]. – *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2019. No. 11. P. 94-103. DOI: 10.31857/S013207690007475-4.
 17. Rysai B.G., Komarevtseva A.V. Sovremennye tendentsii v reformirovanii administrativnogo prava [Modern Trends in the Reform of Administrative Law]. – *Nauchnyy Lider* [Scientific Leader]. 2024. No. 1(150). URL: <https://scilead.ru/article/5565-sovremennye-tendentsii-v-reformirovanii-admin> (data obrashheniya: 12.11.2025).
 18. Worsnop C.Z., Nass S., Grépin K.A., Lee K. 2023. An Analysis of WHO's Temporary Recommendations on International Travel and Trade Measures during Public

Health Emergencies of International Concern. – *BMJ Global Health*. Vol. 8. e012615. DOI: 10.1136/bmjgh-2023-012615.

19. Zelentsov A.B. *Novoe administrativnoe pravo: yuridicheskaya priroda i problemy kontseptual'nogo obosnovaniya*

[New Administrative Law: Legal Nature and Problems of Conceptual Justification]. – *Aktual'nye problemy publichnogo prava v Rossii i za rubezhom* [Current problems of public law in Russia and abroad]. Ed. by A. M. Volkov. Moscow: RUDN Publ. 2011. P. 12-13.

Информация об авторе

Ольга Валентиновна КРИВЕЛЬСКАЯ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного и финансового права по научной работе международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

o.krivelskaya@inno.mgimo.ru
ORCID: 0009-0004-9822-3110

About the Author

Olga V. KRIVELSKAYA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Administrative and Financial Law for Research at the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

o.krivelskaya@inno.mgimo.ru
ORCID: 0009-0004-9822-3110

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

Исследовательская статья

УДК: 341

Поступила в редакцию: 19.02.2025

Принята к публикации: 20.10.2025

Амага Сергеевна ЗАСЕЕВА

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

am.s.zasseeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-0014-1643

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

ВВЕДЕНИЕ. Современная система международных отношений характеризуется наличием непризнанных государств – политико-территориальных образований, которые обладают признаками государственности, но не получили официального признания от международного сообщества. Существование и функционирование подобных политико-территориальных образований в официальных границах суверенных государств влечет за собой возникновение конфликта между принципом территориальной целостности и правом народов на самоопределение. Разрешение этого противоречия во многом восходит к двум противоположным теоретическим подходам к признанию государств: декларативному и конститутивному, – что не позволяет найти универсального решения проблемы международно-правового статуса непризнанных государств. В условиях подобной правовой неопределенности непризнанные государства вынуждены функционировать в рамках дуалистического международно-правового статуса, характеризующегося расхождением между формальными и фактическими возможностями. Цель настоящей статьи состоит в выявлении особенностей международно-правового статуса непризнанных государств и определении характера ограничений их правосубъектности в современной системе международных отношений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. При проведении исследования был использован широкий круг международно-правовых актов, включая Устав

ООН и Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств. Также привлекались материалы судебной практики национальных судов и международных арбитражей по вопросам применения права непризнанных государств. Дополнительно анализировались официальные документы и соглашения, регламентирующие фактическое взаимодействие непризнанных государств с суверенными государствами. Были использованы общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод) и специальные научные методы, включающие сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод анализа правоприменительной практики и структурно-функциональный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье осуществлено разграничение непризнанных государств от смежных категорий, включая частично признанные государства и государства, не признанные отдельными государствами. Проведен анализ формального и содержательного подходов к определению непризнанных государств, а также интегративных концепций, разработанных в современной доктрине международного права. Исследованы ключевые ограничения международно-правового статуса непризнанных государств, и выявлены механизмы их фактического участия в международных отношениях.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. На основе проведенного анализа сформулирован вывод

о дуалистическом характере международно-правового статуса непризнанных государств, который проявляется в разделении на формально-юридический и фактический компоненты. Обосновано, что формально-юридически непризнанные государства соответствуют трем из четырех признаков государственности по Конвенции Монтевидео, однако лишены способности к официальному установлению отношений с суверенными государствами (четвертый признак). Установлено, что фактический международно-правовой статус непризнанных государств формируется вследствие реализации собственного суверенитета государствами как участниками международных межгосударственных отношений, которые вступают в неофициальные политические и экономические взаимодействия с непризнанными государствами. Аналогичным образом в фактические взаимодействия с непризнанными государствами могут вступать и международные межправительственные организации, и интеграционные объединения, которые не являются суверенными образованиями.

Сделан вывод о том, что международно-правовой статус непризнанных государств не носит универсального характера и формируется индивидуально в зависимости от позиций отдельных субъектов международных межгосударственных отношений, вступающих во взаимодействие с такими государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: декларативный подход, конститутивный подход, непризнанные государства, частично признанные государства, Конвенция Монтевидео, интегративный подход, государства – члены ООН, формальный статус, фактический статус

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Засеева А.С. 2025. Особенности международно-правового статуса непризнанных государств. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

Research article

UDC: 341

Received 19 February 2025

Approved 20 October 2025

Amaga S. ZASSEEEVA

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
am.s.zasseeva@my.mgimo.ru
ORCID: 0009-0008-0014-1643

FEATURES OF THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF UNRECOGNIZED STATES

INTRODUCTION. *The modern system of international relations is characterized by the presence of unrecognized states – political-territorial entities that possess features of statehood but have not received official recognition from the international community. The existence and functioning of such political-territorial entities within the official borders of sovereign states entails the emergence of a conflict between the principle of territorial integrity and the right of peoples to self-determination. The resolution of this contradiction largely stems from two opposing theoretical approaches to state*

recognition: declarative and constitutive – which does not allow for finding a universal solution to the problem of the international legal status of unrecognized states. Under conditions of such legal uncertainty, unrecognized states are forced to function within a dualistic international legal status, characterized by a divergence between formal and actual capabilities. The purpose of this article is to identify the features of the international legal status of unrecognized states and to determine the nature of limitations on their legal personality in the modern system of international relations.

MATERIALS AND METHODS. *The study utilized a wide range of international legal instruments, including the UN Charter and the Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. Materials from judicial practice of national courts and international arbitrations on the application of law of unrecognized states were also examined. Additionally, official documents and agreements regulating actual interaction between unrecognized states and sovereign states were analyzed. General scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systemic method) and special scientific methods were employed, including comparative legal method, formal legal method, method of legal practice analysis, and structural-functional analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The article establishes distinctions between unrecognized states and related categories, including partially recognized states and states not recognized by individual states. Analysis of formal and substantive approaches to defining unrecognized states, as well as integrative concepts developed in contemporary international law doctrine, was conducted. Key limitations of the international legal status of unrecognized states were examined and mechanisms of their actual participation in international relations were identified.*

DISCUSSIONS AND CONCLUSIONS. *Based on the conducted analysis, a conclusion has been formulated about the dualistic nature of the international legal status of unrecognized states, which manifests itself in the division into formal-legal and factual components. It has been substantiated that formally and*

legally, unrecognized states correspond to three of the four criteria of statehood according to the Montevideo Convention, but lack the capacity for official establishment of relations with sovereign states (the fourth criterion). It has been established that the factual international legal status of unrecognized states is formed as a result of the implementation of sovereignty by other states as participants in international interstate relations, which enter into unofficial political and economic interactions with unrecognized states. Similarly, international intergovernmental organizations and integration associations, which are not sovereign entities, can also enter into actual interactions with unrecognized states. A conclusion has been drawn that the international legal status of unrecognized states is not universal in nature and is formed individually depending on the positions of individual subjects of international interstate relations that enter into interaction with such states.

KEYWORDS: *declarative approach, constitutive approach, unrecognized states, partially recognized states, Montevideo Convention, integrative approach, UN member states, formal status, de facto status*

FOR CITATION: Zasseva A.S. Features of the International Legal Status of Unrecognized States. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-84-95>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Феномен непризнанных государств является одной из нерешенных проблем системы международных отношений, сложившейся после окончания Второй мировой войны и основанной на деятельности и Уставе Организации Объединенных Наций (ООН)¹. Отсутствие международных императивных норм, последовательно и полно описывающих процедуры признания государств [Grzybowski 2017:409], привело к тому, что такое признание стало осуществляться на основе двух конфликтующих (в этом случае)

принципов международного права: принципа территориальной целостности и права народов на самоопределение [Гончарова 2020:5-12; Riegl 2017].

Использование того или иного принципа в рамках института признания государств восходит к двум противоположным подходам, сложившимся задолго до формализации принципов территориальной целостности и права народов на самоопределение: декларативному подходу и конститутивному подходу [Барышев 2023:18; Worster 2009:115; Visoka 2019]. В соответствии с декларативным подходом, опирающимся на право народов на самоопределение, сам факт

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.). – *Действующее международное право*. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 7-33.

провозглашения создания государства (декларирования формирования государства) является достаточным основанием для его государственности [Buzard, Graham, Horne 2017: 578]. В свою очередь, конститутивный подход с основой в виде принципа территориальной целостности предполагает, что для получения статуса полноправного субъекта международного права государства должны быть признаны со стороны существующих субъектов международного права (прежде всего, государств).

Однако, даже если придерживаться конститутивного подхода, непризнанные государства все равно фактически будут вступать во внешнеполитические и внешнеэкономические отношения (с другими непризнанными или частично признанными государствами, или даже в фактические отношения с суверенными государствами). Иными словами, они в любом случае будут осуществлять то или иное взаимодействие на международной арене, что свидетельствует о наличии у них определенного международно-правового статуса.

2. Ограничение непризнанных государств от смежных категорий

В современной отечественной литературе [Ибрагимов 2022:252; Ефимова, Смирнов, Кончаковская 2021:572; Терещенко 2019:172] отсутствует сформировавшийся единообразный подход к пониманию непризнанных государств.

Не сложилось даже терминологического консенсуса. Так, сходные правовые явления могут обозначаться как «непризнанные государства», так и в качестве «самопровозглашенных государств», «виртуальных государств», «квазигосударств», «фактических государств» и др. [Лайтман 2022:386].

В подобном контексте корректным видится подход, предложенный О.Н. Теленко, по мнению которого в основе всех отмеченных выше категорий лежит феномен отсутствия международного признания у определенного политико-территориального образования. Именно отсутствие признания со стороны других субъектов международного права является здесь ключевой характеристикой [Теленко 2016:314]. Как следствие, в качестве общего термина более последовательным будет использование именно

категории «непризнанные государства», которая в зависимости от дополнительных или конкретизирующих (специальных) характеристик может принимать форму «самопровозглашенных государств», «фактических государств», «виртуальных государств» и т.п.

Отдельно можно отметить использование термина «непризнанные государства» либо в качестве зонтичной категории, охватывающей собой и «частично признанные государства», либо в качестве самостоятельной категории, противопоставленной «частично признанным государствам».

Причины подобной неопределенности кроются в самостоятельности субъектов международного права (в частности, в суверенитете государств): одно и то же политико-территориальное образование может одними субъектами восприниматься как непризнанное государство, а другими – может официально признаваться.

Представляется, что необходимо различать непризнанные, частично признанные государства и государства, не признанные отдельными суверенными государствами.

Ситуации, когда определенные государства не признаются отдельными суверенными государствами, как правило, возникают вследствие конфликтных (или даже враждебных отношений) между отдельными субъектами международного права. Непризнание со стороны отдельного государства не влечет за собой квалификацию другого государства в качестве непризнанного или частично-признанного [Рухтина, Панькин 2022:495].

Такие государства признаются международным сообществом, являются членами ООН, однако в силу исторических, политических или иных обстоятельств не признаются в качестве суверенных государств отдельными государствами – членами ООН. Так, Республика Корея и КНДР взаимно не признали друг друга, хотя были приняты в члены ООН в 1991 г. Также можно отметить, что долгое время Республика Армения, будучи членом ООН, тем не менее не признавалась в качестве государства со стороны Исламской Республики Пакистан (в связи с позицией Пакистана по вопросу Нагорного Карабаха [Михель, Фахим 2021:33]). Только 31 августа 2025 г. на Саммите ШОС в Китае Армения и Пакистан заявили об установлении дипломатических отношений².

² Армения и Пакистан установили дипломатические отношения. – *Интерфакс*. 31 августа 2025 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/1045020> (дата обращения: 07.09.2025).

Что касается частично признанных государств, то они характеризуются отсутствием членства в ООН и признания со стороны большинства государств международного сообщества, однако получают официальное признание от отдельных государств – членов ООН, которые рассматривают их в качестве субъектов международного права при осуществлении двухсторонних политических и экономических взаимодействий [Гончарова 2020:5]. Так, Республика Абхазия³ и Республика Южная Осетия⁴ официально признаны Российской Федерацией и рассматриваются в качестве внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров.

В свою очередь, непризнанные государства (в узком понимании) представляют собой политико-территориальные образования, не получившие признания в качестве государств ни от одного из государств – членов ООН.

К таким непризнанным государствам в настоящее время можно отнести только два политико-территориальных образования: Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР) и Республику Сомалиленд.

Приднестровская Молдавская Республика не признана ни одним членом ООН. Все страны – члены ООН рассматривают Приднестровье как часть Республики Молдова. Единственное признание Приднестровье получило только от Абхазии и Южной Осетии. При этом ПМР обладает такими признаками государства, как: постоянное правительство, постоянная территория и население.

В свою очередь, Сомалиленд объявил независимость от Сомали в 1991 г., но до сих пор не получил признания ни от одного члена ООН. Несмотря на наличие постоянного демократически избираемого правительства, постоянной территории, населения, а также относительной стабильности, Республика Сомалиленд остается непризнанной в узком смысле этого термина. Ключевую роль здесь играет позиция Африканского союза, который придерживается нерушимости колониальных границ.

Формально-юридически указанные государства на международной арене имеют возможность осуществлять политические и экономические взаимодействия (иными словами, реализовывать собственную международную

правосубъектность) исключительно с иными непризнанными или частично признанными государствами (при условии наличия признания с их стороны) [Квачева, Петрова 2017:56].

Здесь возникает некоторая неопределенность: если непризнанное государство взаимодействует с частично признанным государством, то для суверенного государства – члена ООН, предоставившего такое частичное признание, непризнанное государство будет являться частично признанным.

Разрешение описанной проблемы осуществляется за счет установления границ признания. Ключевое требование состоит в том, что субъектом, предоставляющим признание, может выступать исключительно государство – член ООН. Если источником признания является государство, не входящее в состав ООН (это касается и частично признанных государств), то подобная ситуация не создает правовых оснований для отнесения соответствующего политико-территориального образования к категории частично признанных государств. В этой ситуации доминирующим является именно формальный подход, который противопоставляется содержательному.

В подобном контексте необходимо отметить, что выбор между формальным и содержательным подходами определяет характер понимания непризнанных государств: они могут рассматриваться либо как отдельная категория, либо как широкое понятие, включающее различные подвиды.

При использовании формального подхода ключевым условием выступает получение признания именно со стороны государств – членов ООН. Это обстоятельство создает возможности для проведения четких разграничительных линий: с одной стороны, непризнанные государства (отсутствие признания от всех государств – членов ООН), с другой – частично признанные государства (наличие признания от некоторых государств – членов ООН).

При применении содержательного подхода акцент смещается на анализ фактических признаков государственности и реальной практики международных взаимодействий политико-территориальных образований. Подобные характеристики у непризнанных и частично признанных

³ Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1260 «О признании Республики Абхазия». – СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4011.

⁴ Указ Президента РФ от 26.08.2008 № 1261 «О признании Республики Южная Осетия». – СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4012.

государств могут демонстрировать значительное сходство, что открывает возможности для использования содержательного подхода для отнесения частично признанных государств к более широкой категории непризнанных.

Впрочем, здесь необходимо обратиться к более подробному анализу содержательных и интегративных подходов к пониманию непризнанных государств.

3. Понятие непризнанных государств

Содержательный подход к пониманию непризнанных государств прежде всего опирается на общие подходы к пониманию государств (в том числе по смыслу ст. 4 Устава ООН), а также на признаки государственности. Соответствующие признаки в настоящее время не находят своего закрепления на уровне императивных международных актов, в связи с чем исследователями [Гассиев 2014:93; Филин 2023:41; Митин 2023:28] преимущественно используются положения ст. 1 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств⁵.

В соответствии с положениями указанной конвенции выделяются четыре основных критерия государственности: территория, постоянное правительство, постоянное население, а также способность к установлению отношений с иными государствами. У непризнанных государств можно выявить наличие первых трех критериев (территории, правительства и населения), вместе с тем они лишены возможности свободного и полноправного установления отношений с суверенными государствами в силу отсутствия соответствующего признания со стороны последних [Bachmann, Prazauskas 2019:393].

Таким образом, даже анализ содержательных критериев непризнанных государств, зафиксированных в Конвенции Монтевидео, демонстрирует ключевую роль формального критерия – признания либо его отсутствия со стороны суверенных государств [Rossi 2020:24]. Именно этот критерий определяет наличие или отсутствие у государств формальных возможностей по взаимодействию с другими субъектами международного права.

Попытки исключить формальный критерий при определении непризнанных государств известны отечественной доктрине. Подобный

подход находит отражение, например, в работах З.В. Силаевой, которая полагает, что ключевыми для непризнанных государств являются именно содержательные характеристики. По ее мнению, наличие всех атрибутов государственности – в первую очередь, осуществление легитимного контроля над территорией и населением – сохраняет свое значение вне зависимости от международного признания. При этом она подчеркивает, что именно отсутствие такого признания создает формальные препятствия для осуществления полноценных отношений с суверенными государствами (а не наоборот) [Силаева 2011:134].

Впрочем, представляется, что сама проблема непризнанных государств лежит в формально-юридической сфере и связана с правовой неопределенностью института признания в целом. Как следствие, «чистые» содержательные подходы к пониманию непризнанных государств утрачивают свою актуальность. Даже в рамках приведенной выше позиции З.В. Силаева подчеркивает, что одной из основных целей политико-территориальных образований, обладающих признаками государственности, выступает обеспечение признания государственного статуса со стороны субъектов международного права [Силаева 2011:135].

В целом, именно интегративный подход к пониманию непризнанных государств является доминирующим в отечественной и зарубежной литературе.

Однако стоит отметить, что анализ интегративных концепций, разработанных в современной доктрине, демонстрирует различные подходы к балансировке формальных и содержательных аспектов.

Одна группа исследователей тяготеет к сбалансированному синтезу обеих характеристик. Так, Н. Касперсен акцентирует внимание на дуалистической природе непризнанных государств: с одной стороны, они лишены международного признания, с другой – демонстрируют специфические черты, позволяющие отграничивать их от иных признанных государств и территорий [Caspersen, Stansfield 2011: 135]. Сходную логику развивает А.Г. Большаков, который подчеркивает парадоксальность ситуации: отсутствие правосубъектности сочетается с реальным наличием отличительных государственных признаков [Большаков 2007:83].

⁵ Convention on rights and duties of states (signed at Montevideo December 26, 1933). URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/intam03.asp (дата обращения: 24.02.2025).

Альтернативную точку зрения предлагает Т.Д. Матвеева, смещающая акцент в сторону мотивационных факторов. В ее интерпретации ключевым становится не эволюционный характер государствообразования, а целенаправленная ориентация на получение признания от международного сообщества [Матвеева 2015:91] (т.е. приоритет отдается формальным аспектам, но их достижение связывается с реализацией фактических аспектов).

Комплексный анализ представлен в концепции Л.В. Бударagiной, которая предлагает детализированный перечень атрибутов: от формальных элементов (наименование, символика) до институциональных (управленческие и правовые системы). Важным элементом ее подхода является восприятие таких территорий государствами – членами ООН как находящихся под чужим суверенитетом [Бударagina 2016:44].

В целом, анализ интегративных концепций выявляет сохраняющуюся линию разграничения между непризнанными и частично признанными государствами. Частично признанные государства должны определяться через наличие признания со стороны хотя бы одного члена ООН, что открывает возможности для международного взаимодействия с признающими государствами. Для непризнанных государств характерно полное отсутствие подобного признания, что ограничивает их международные связи кругом аналогичных (квазигосударственных) образований.

В то же время подобный подход носит формально-юридический характер и не всегда в полной мере описывает объем и реальное содержание международно-правового статуса непризнанных государств.

4. Ограничения международно-правового статуса непризнанных государств

Ключевое ограничение международно-правового статуса непризнанных государств вытекает из интегративного подхода к их пониманию: они не могут вступать в полноправные политические и экономические отношения с государствами – членами ООН, ввиду отсутствия официального признания со стороны таких суверенных государств.

Единственный формат взаимодействия, официально доступный непризнанным государствам на международной арене – это получение гуманитарной помощи [Дробышева 2019:154; Voller 2013:610]. В этом случае взаимодействие основывается не на факте признания государств, а на праве прав человека и/или на гуманитарном праве [Грешнова, Панков 2023:49]. Аналогичным образом могут охраняться объекты культурного наследия на территории непризнанных государств [Кочиева 2022:50] или права лиц, domiciliрованных на территории таких государств в целом [Ставиного 2022:61; Гаглов 2022:39].

Однако на практике непризнанные государства все же могут вступать в фактические внешнеполитические и внешнеэкономические отношения с суверенными государствами (даже в отсутствие официального признания со стороны последних).

В качестве примера здесь можно привести Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), которая в настоящее время не признана ни одним государством – членом ООН (включая Россию) [Marandici 2025:578]. Тем не менее ПМР обладает всеми содержательными признаками государственности, включая: постоянную территорию, постоянное население, правительство и судебную систему (включая конституционное производство [Ляпин 2022:74]). При этом фактически ПМР осуществляет внешнеэкономическое взаимодействие не только (и не столько) с Россией, но и с Европейским союзом (в частности, с Польшей и Румынией)⁶. Более того, с 2015 г. реализуется Дорожная карта ПМР-ЕС⁷, предусматривающая поэтапное введение режима свободной торговли, что уже может быть прямо квалифицировано как внешнеполитическое взаимодействие (несмотря на содержание и условия этого соглашения и ограничения для экспортеров из ПМР).

Аналогичным примером служит Республика Сомалиленд, которая также не признана ни одним государством – членом ООН, несмотря на более чем тридцатилетнее существование. Как и ПМР, Сомалиленд соответствует трем критериям Монтевидео: контролирует определенную территорию (176 тыс. км²), имеет постоянное население около 6 млн человек, а также постоянно функционирующее правительство.

⁶ Шедько Ф. Экономическая зависимость Приднестровья. – РСМД. 7 июня 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laia/ekonomicheskaya-zavisimost-pridnestrovyu/> (дата обращения: 24.02.2025).

⁷ Там же.

При этом Сомалиленд активно осуществляет фактическое политическое и экономическое взаимодействие с ОАЭ (в том числе в военной сфере)⁸. Также Сомалиленд осуществляет торговое взаимодействие с Бразилией, Индией, Йеменом, Кенией, Китаем, Малайзией, ОАЭ, Пакистаном, Саудовской Аравией, Таиландом, Турцией и Японией⁹. В январе 2024 г. Республика Сомалиленд подписала меморандум о взаимопонимании с Эфиопией, по которому предполагалось предоставление Эфиопии в аренду на 50 лет участка береговой линии Сомалиленда для строительства военно-морского порта в обмен на официальное признание Республики Сомалиленд со стороны Эфиопии¹⁰. Впрочем, подобные действия Эфиопии вызвали возмущение со стороны руководства Федеративной Республики Сомали, которое расценило их как посягательство на территориальную целостность. Как следствие, Сомалиленд так и не была признана Эфиопией, а заключение договора аренды участка береговой линии оказалось под вопросом¹¹.

Таким образом, на практике, несмотря на отсутствие официального признания и, соответственно, официального статуса субъекта международного права, непризнанные государства все же могут вступать в политические и экономические взаимодействия не только с другими непризнанными и частично признанными государствами, но и с суверенными государствами.

Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что судебная практика отдельных государственных судов, а также правоприменительная практика международных арбитражей допускают возможность применения права непризнанных государств при заключении и исполнении трансграничных коммерческих договоров [Абирбек 2021а:88]. Более того, при рассмотрении и разрешении частноправовых споров национальные суды суверенных государств вправе самостоятельно определять наличие или отсутствие у непризнанных государств юрисдикции по регулированию гражданско-правовых отношений.

Аналогичным образом национальные суды могут по собственному усмотрению признавать и приводить в исполнение судебные решения, вынесенные в непризнанных государствах [Абирбек 2021b:266; Basedow 2025:95-107].

Иными словами, на уровне судебной власти при разрешении конкретных частноправовых споров непризнанные государства могут квалифицироваться как иностранные юрисдикции наравне с признанными государствами и вступать с их судебными органами в процессуальные отношения.

Все это позволяет сделать вывод о том, что даже в отсутствие официального международного признания со стороны государств – членов ООН непризнанные государства могут соответствовать последнему признаку государственности – способности вступать во внешнеполитические и внешнеэкономические отношения.

Однако подобный международный статус в международном праве будет носить фактический характер (что не препятствует применению права непризнанных государств в международном частном праве). При этом такой фактический международно-правовой статус непризнанных государств будет отличаться повышенной неопределенностью. В условиях отсутствия официального признания объем и реальное содержание правового статуса непризнанных государств будут поставлены в зависимость от фактических направлений, форм и форматов взаимодействия с суверенными государствами [Kyris 2021]. Причина и следствие здесь инвертируются: не международно-правовой статус определяет возможные способы международного взаимодействия, а сами форматы и конкретные практики международного взаимодействия определяют международно-правовой статус.

При этом положения международного права не препятствуют такому подходу к взаимодействию с непризнанными государствами. Как отмечает И. Марусин, одним из ключевых принципов международного права является принцип суверенного равенства государств при

⁸ UAE expands military ties with Somaliland as Somalia looks on. URL: https://www.hiiraan.com/news4/2025/Feb/200338/uae_expands_military_ties_with_somaliland_as_somalia_looks_on.aspx (дата обращения: 07.09.2025).

⁹ Trade & Economy. – *Government of Somaliland*. URL: <https://moiid.govsomaliland.org/article/trade-economy> (дата обращения: 07.09.2025).

¹⁰ The Ethiopia–Somaliland deal. – *IJSS*. March 2024. URL: <https://www.ijss.org/publications/strategic-comments/2024/03/the-ethiopia-somaliland-deal/> (дата обращения: 07.09.2025).

¹¹ Ethiopia and Somalia agree to end bitter Somaliland port feud. – *BBC*. 12 December 2024. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cvgr7v1evvgo> (дата обращения: 07.09.2025).

принятии решений в сфере международных взаимодействий [Марусин 2001:218-229]. Суверенные государства свободны во взаимодействии с непризнанными государствами, в том числе в отсутствие официального признания таких государств (что, впрочем, не исключает возможное противодействие со стороны «родительского» государства). Как следствие, при решении соответствующего вопроса современные государства руководствуются не официальными международно-правовыми критериями, а собственными внешнеполитическими и внешнеэкономическими интересами.

5. Заключение

В настоящее время ключевой особенностью международно-правового статуса непризнанных государств становится его дробление на формально-юридический и фактический.

1. Формально-юридически непризнанные государства соответствуют трем из четырех признаков государственности, закрепленных в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств: наличие определенной территории, правительства, постоянного населения. С формальной юридической точки зрения, непризнанные государства не соответствуют только одному признаку государственности: способности к вступлению в отношения с другими государствами.

Отсутствие именно этого признака налагает ключевые ограничения на международно-правовой статус непризнанных государств: они не могут выступать в качестве субъектов

международных межгосударственных отношений в рамках внешнеполитических и внешнеэкономических взаимодействий с суверенными государствами. Формально юридически непризнанные государства (а, точнее, население территорий таких государств) могут быть только объектом гуманитарной помощи.

2. Фактический международно-правовой статус непризнанных государств формируется *ad hoc* и различается в зависимости от позиций отдельных суверенных государств, а также иных субъектов международных межгосударственных отношений, вступающих во взаимодействие с такими государствами.

Здесь речь идет о *de facto* признании. Реализуя собственный суверенитет, отдельные государства вступают во внешнеполитические (реже) и внешнеэкономические (чаще) взаимодействия с непризнанными государствами в отсутствие официального признания. Сходным образом взаимодействие с непризнанными государствами может осуществляться и со стороны межправительственных организаций или интеграционных объединений.

В рамках фактического взаимодействия непризнанных государств с полноправными участниками международных межгосударственных отношений, а также непризнанными или частично признанными государствами формируется реальный (фактический) объем их международно-правового статуса, определяются основные направления и формы международного межгосударственного взаимодействия, в также *de facto* признаются конкретные права и обязанности непризнанных государств.

Список литературы

1. Абирбек С.Т. 2021а. Вопросы применения права непризнанных государств в международном частном праве. – *Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая*. Т. 100. № 4. С. 88-96.
2. Абирбек С.Т. 2021b. Право непризнанных государств в международном праве. – *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. № 1 (64). С. 266-276.
3. Барышев В.А. 2023. Ограниченно признанные и непризнанные государства как актуальная проблема современного международного права. – *Право. Экономика. Психология*. № 1(29). С. 18-23.
4. Большаков А.Г. 2007. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья. – *Международные процессы*. Т. 5. № 3(15). С. 83-88.
5. Бударagina Л.В. 2016. Статус непризнанных государств. – *Право и современные государства*. № 3. С. 44-49.
6. Гаглов О.Ф. 2022. Двойное гражданство в непризнанных и частично признанных государствах. – *Евразийский юридический журнал*. № 12(175). С. 39-42.
7. Гассиев М.В. 2014. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве. – *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. № 3. С. 93-96.
8. Гончарова О.А. 2020. Некоторые вопросы участия частично признанных государств в международных отношениях. – *Вестник российской юстиции*. № 13. С. 5-12.
9. Грешнова Н.А., Панков Н.С. 2023. Защита личных интересов граждан непризнанных государств. – *Юридический мир*. № 12. С. 49-51.
10. Дробышева Т.В. 2019. Особенности правового положения непризнанных государств (на примере непризнанных государств постсоветского пространства). – *Международные отношения*. № 2. С. 154-160.
11. Ефимова Н.А., Смирнов Р.В., Кончаковская Е.С. 2021. Проблема определения правового статуса

- непризнанных и частично признанных государств в международно-правовой практике. – *Инновации. Наука. Образование*. № 2. С. 572-577.
12. Ибрагимов А.М. 2022. К вопросу о правовом статусе непризнанных государств в международном праве. – *Закон и право*. № 5. С. 252-254.
 13. Квачева П.И., Петрова С.В. 2017. Политико-правовой статус непризнанного государства в современном мире: историко-правовой аспект (на примере Республики Абхазия). – *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. № 1(35). С. 56-65.
 14. Кочиева А.А. 2022. Деятельность ЮНЕСКО по охране культурного наследия на территории частично признанных и непризнанных государств. – *Концепт: философия, религия, культура*. Т. 6. № 3(23). С. 50-67.
 15. Лайтман В.И. 2022. Статус непризнанных государств в международном публичном праве. – *Вопросы российского и международного права*. Том 12. № 5А. С. 386-394.
 16. Ляпин И.Ф. 2022. Конституционное судопроизводство в условиях непризнанного государства: опыт Приднестровья. – *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 2. С. 74-79.
 17. Марусин И. 2001. О некоторых правовых аспектах взаимоотношений с непризнанными государствами. – *Российский ежегодник международного права*. СПб. С. 218-229.
 18. Матвеева Т.Д. 2015. Статус «непризнанных государств» в контексте доктрины международной правосубъектности. – *Advances in Law Studies*. Том 3. Вып. 3(15). С. 91-99.
 19. Митин Г.Н. 2023. Конституционно-правовые основания образования трансгосударств и их сущность. – *Конституционное и муниципальное право*. № 2. С. 28-30.
 20. Михель И.В., Фахим М. 2021. Вопрос о признании Армении: позиции Пакистана и Индии. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*. № 3. С. 33-37.
 21. Рухтина В.С., Панькин С.И. 2022. Частично признанные и непризнанные государства: понятие и их статус в международных отношениях. – *Вопросы российской юстиции*. № 18. С. 495-502.
 22. Силаева З.В. 2011. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике. – *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 7(13). С. 134-138.
 23. Ставиного В. 2022. Обеспечение защиты прав лиц, домицилированных в непризнанных государствах. – *Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер»*. № 2. С. 61-66.
 24. Теленко О.Н. 2016. Непризнанные государства современного мира: сущность понятия и проблема признания. – *Гилея: Научный вестник*. № 105. С. 314-317.
 25. Терещенко М.В. 2019. Понятие и признаки непризнанных государств. – *Colloquium-journal*. № 13-13. С. 172-175.
 26. Филин А.Ю. 2023. Проблема государственного суверенитета в контексте мир-системного анализа. – *Актуальные проблемы российского права*. № 12. С. 41-51.
 27. Bachmann S.D., Prazauskas M. 2019. The status of unrecognized quasi-states and their responsibilities under the Montevideo convention. – *The International Lawyer*. Vol. 52. № 3. P. 393-438.
 28. Basedow J. 2025. Non-recognized States in Private International Law. – Trunk A., Rogozina A., Trunk-Fedorova M. *Non-Recognized States in the Post-Soviet Region under International Trade Law, Private International Law and International Civil Procedure*. Cham: Springer. P. 95-107.
 29. Buzard K., Graham B. A. T., Horne B. 2017. Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence. – *The Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 33. № 3. P. 578-611.
 30. Caspersen N., Stansfield G. 2011. *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge. 272 p.
 31. Grzybowski J. 2017. To Be or Not to Be: The Ontological Predicament of State Creation in International Law. – *European Journal of International Law*. Vol. 28. № 2. P. 409-432.
 32. Kyris G., Luciano B. 2021. Collective recognition and regional parliaments: navigating statehood conflict. – *Global Studies Quarterly*. Vol. 1. № 3. Art. № ksab011.
 33. Marandici I. 2025. Great Power Competition, Clientelism, and De Facto States: Transnistria and Taiwan Compared. – *Nationalities Papers*. Vol. 53. № 3. P. 578-599.
 34. Riegl M. 2017. *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. London: Springer. 235 p.
 35. Rossi M. 2020. The Durability of Parastates: Declarative Statehood in the Absence of Constitutive Sovereignty. – *Nationalities Papers*. Vol. 48. № 1. P. 24-41.
 36. Visoka G., Doyle J., Newman E. 2019. *Routledge Handbook of State Recognition*. 1st ed. London: Routledge. 520 p.
 37. Voller Y. 2013. Contested sovereignty as an opportunity: understanding democratic transitions in unrecognized states. – *Democratization*. Vol. 22. № 4. P. 610-630.
 38. Worster W.T. 2009. Law, politics, and the conception of the state in state recognition theory. – *BU International Law Journal*. Vol. 27. P. 115-171.

References

1. Abirbek S.T. Voprosy primeneniya prava nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom chastnom prave [Issues of application of the law of unrecognized states in private international law]. – *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya [Bulletin of Kazakh National University. Legal series]*. 2021a. Vol. 100. № 4. P. 88-96. (In Russ.)
2. Abirbek S.T. Pravo nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom prave [Law of unrecognized states in international law]. – *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informatsii Respubliki Kazakhstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan]*. 2021b. № 1 (64). P. 266-276. (In Russ.)
3. Bachmann S.D., Prazauskas M. The status of unrecognized quasi-states and their responsibilities under the Montevideo convention. – *The International Lawyer*. 2019. Vol. 52. № 3. P. 393-438.
4. Baryshev V.A. Ogranichenno priznannye i nepriznannye gosudarstva kak aktual'naya problema sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Limited recognized and unrecognized states as an actual problem of contemporary international law]. – *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya [Law. Economics. Psychology]*. 2023. № 1(29). P. 18-23. (In Russ.)
5. Basedow J. Non-recognized States in Private International Law. / in: Trunk A., Rogozina A., Trunk-Fedorova M. *Non-Recognized States in the Post-Soviet Region under International Trade Law, Private International Law and International Civil Procedure*. Cham: Springer. 2025. P. 95-107.

6. Bol'shakov A.G. Nepriznannye gosudarstva evropejskoj periferii i pogranich'ya [Unrecognized states of European periphery and borderlands]. – *Mezhdunarodnye protsessy [International processes]*. 2007. Vol. 5. № 3 (15). P. 83-88. (In Russ.)
7. Budaragina L.V. Status nepriznannykh gosudarstv [Status of unrecognized states]. – *Pravo i sovremennyye gosudarstva [Law and modern states]*. 2016. № 3. P. 44-49. (In Russ.)
8. Buzard K., Graham B.A.T., Horne B. Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence. – *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 2017. Vol. 33. № 3. P. 578-611.
9. Caspersen N., Stansfield G. 2011. *Unrecognized States in the International System*. London: Routledge. 272 p.
10. Drobysheva T.V. 2019. Osobennosti pravovogo polozheniya nepriznannykh gosudarstv (na primere nepriznannykh gosudarstv postsovetского prostranstva) [Features of the legal status of unrecognized states (on the example of unrecognized states of the post-Soviet space)]. – *Mezhdunarodnye otnosheniya [International relations]*. № 2. P. 154-160. (In Russ.)
11. Efimova N.A., Smirnov R.V., Konchakovskaya E.S. Problema opredeleniya pravovogo statusa nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstv v mezhdunarodno-pravovoy praktike [The problem of determining the legal status of unrecognized and partially recognized states in international legal practice]. – *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie [Innovation. Science. Education]*. 2021. № 2. P. 572-577. (In Russ.)
12. Filin A.Yu. Problema gosudarstvennogo suvereniteta v kontekste mir-sistemnogo analiza [The problem of state sovereignty in the context of world-system analysis]. – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2023. № 12. P. 41-51. (In Russ.)
13. Gagloev O.F. Dvoynoe grazhdanstvo v nepriznannykh i chastichno priznannykh gosudarstvakh [Dual citizenship in unrecognized and partially recognized states]. – *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal [Eurasian legal journal]*. 2022. № 12(175). P. 39-42. (In Russ.)
14. Gassiev M.V. Aktual'nost' kriteriev Montevideo dlya issledovaniya instituta priznaniya gosudarstv v mezhdunarodnom prave [Relevance of Montevideo criteria for research of state recognition in international law]. – *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta [Legal bulletin of Dagestan State University]*. 2014. № 3. P. 93-96. (In Russ.)
15. Goncharova O.A. Nekotorye voprosy uchastiya chastichno priznannykh gosudarstv v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Some issues of participation of partially recognized states in international relations]. – *Vestnik rossijskoj yustitsii [Bulletin of Russian justice]*. 2020. № 13. P. 5-12. (In Russ.)
16. Greshnova N.A., Pankov N.S. Zashchita lichnykh interesov grazhdan nepriznannykh gosudarstv [Protection of personal interests of citizens of unrecognized states]. – *Yuridicheskij mir [Legal world]*. 2023. № 12. P. 49-51. (In Russ.)
17. Grzybowski J. To Be or Not to Be: The Ontological Predicament of State Creation in International Law. – *European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. № 2. P. 409-432.
18. Ibragimov A.M. K voprosu o pravovom statuse nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom prave [On the question of the legal status of unrecognized states in international law]. – *Zakon i pravo [Law and right]*. 2022. № 5. P. 252-254. (In Russ.)
19. Kochieva A.A. Deyatel'nost' YuNESKO po okhrane kul'turnogo naslediya na territorii chastichno priznannykh i nepriznannykh gosudarstv [UNESCO activities for the protection of cultural heritage in the territory of partially recognized and unrecognized states]. – *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura [Concept: philosophy, religion, culture]*. 2022. Vol. 6. № 3(23). P. 50-67. (In Russ.)
20. Kvacheva P.I., Petrova S.V. 2017. Politiko-pravovoj status nepriznannogo gosudarstva v sovremennom mire: istoriko-pravovoj aspekt (na primere Respubliki Abkhaziya) [Political and legal status of an unrecognized state in the modern world: historical and legal aspect (on the example of the Republic of Abkhazia)]. – *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Bulletin of Perm University. Legal sciences]*. №1 (35). P. 56-65. (In Russ.)
21. Kyriz G., Luciano B. Collective recognition and regional parliaments: navigating statehood conflict. – *Global Studies Quarterly*. 2021. Vol. 1. № 3. Art. № ksab011.
22. Lajtmán V.I. Status nepriznannykh gosudarstv v mezhdunarodnom publicnom prave [Status of unrecognized states in international public law]. – *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law]*. 2022. Vol. 12. № 5A. P. 386-394. (In Russ.)
23. Lyapin I.F. Konstitutsionnoe sudoproizvodstvo v usloviyakh nepriznannogo gosudarstva: opyt Pridnestrov'ya [Constitutional judicial proceedings in the conditions of an unrecognized state: the experience of Transnistria]. – *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]*. 2022. № 2. P. 74-79. (In Russ.)
24. Marandici I. Great Power Competition, Clientelism, and De Facto States: Transnistria and Taiwan Compared. – *Nationalities Papers*. 2025. Vol. 53. № 3. P. 578-599.
25. Marusin I. O nekotorykh pravovykh aspektakh vzaimootnoshenij s nepriznannymi gosudarstvami [On some legal aspects of relations with unrecognized states]. – *Rossiiskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Russian yearbook of international law]*. 2001. St. Petersburg. P. 218-229. (In Russ.)
26. Matveeva T.D. Status «nepriznannykh gosudarstv» v kontekste doktriny mezhdunarodnoj pravosub'ektnosti [Status of «unrecognized states» in the context of the doctrine of international legal personality]. – *Advances in Law Studies*. 2015. Vol. 3. Issue 3 (15). P. 91-99. (In Russ.)
27. Mikhel' I.V., Fakhim M. Vopros o priznanii Armenii: pozitsii Pakistana i Indii [The question of recognition of Armenia: positions of Pakistan and India]. – *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African studies]*. 2021. № 3. P. 33-37. (In Russ.)
28. Mitin G.N. 2023. Konstitutsionno-pravovyye osnovaniya obrazovaniya transgosudarstv i ikh sushchnost' [Constitutional and legal foundations of trans-state formation and their essence]. – *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and municipal law]*. № 2. P. 28-30. (In Russ.)
29. Riegl M. *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. London: Springer. 2017. 235 p.
30. Rossi M. The Durability of Parastates: Declarative Statehood in the Absence of Constitutive Sovereignty. – *Nationalities Papers*. 2020. Vol. 48. № 1. P. 24-41.
31. Rukhtina V.S., Pan'kin S.I. Chastichno priznannye i nepriznannye gosudarstva: ponyatie i ikh status v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Partially recognized and

- unrecognized states: concept and their status in international relations]. – *Voprosy rossijskoj yustitsii [Issues of Russian justice]*. 2022. № 18. P. 495-502. (In Russ.)
32. Silaeva Z.V. Priznanie nezavisimosti spornykh gosudarstv v sovremennoj mirovoj politike [Recognition of independence of disputed states in contemporary world politics]. – *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]*. 2011. № 7 (13). P. 134-138. (In Russ.)
 33. Stavynoga V. Obespechenie zashchity prav lits, domitsirovannykh v nepriznannykh gosudarstvakh [Ensuring protection of rights of persons domiciled in unrecognized states]. – *Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er» [Electronic network publication "International Legal Courier"]*. 2022. № 2. P. 61-66. (In Russ.)
 34. Telenko O.N. Nepriznannye gosudarstva sovremenogo mira: sushchnost' ponyatiya i problema priznaniya [Unrecognized states of the modern world: essence of the concept and the problem of recognition]. – *Gileya: Nauchnyj vestnik [Gileya: Scientific bulletin]*. 2016. № 105. P. 314-317. (In Russ.)
 35. Tereshchenko M.V. Ponyatie i priznaki nepriznannykh gosudarstv [Concept and features of unrecognized states]. – *Colloquium-journal*. 2019. № 13-13. P. 172-175. (In Russ.)
 36. Visoka G., Doyle J., Newman E. *Routledge Handbook of State Recognition*. 1st ed. London: Routledge. 2019. 520 p.
 37. Voller Y. Contested sovereignty as an opportunity: understanding democratic transitions in unrecognized states. – *Democratization*. 2013. Vol. 22. № 4. P. 610-630.
 38. Worster W.T. Law, politics, and the conception of the state in state recognition theory. – *BU International Law Journal*. 2009. Vol. 27. P. 115-171.

Информация об авторе

Амага Сергеевна ЗАСЕЕВА

Аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

am.s.zasseeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-0014-1643

About the Author

Amaga S. ZASSEVA

Postgraduate Student of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

am.s.zasseeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0009-0008-0014-1643

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-96-109>

Исследовательская статья

УДК: 341.226

Поступила в редакцию: 23.10.2025

Принята к публикации: 15.12.2025

Вадим Валентинович ВОЙНИКОВ

БФУ им. И. Канта

Александра Невского ул., 14, Калининград, 236041, Российская Федерация

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Гагарина пр-т, 23, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация

voinicov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1495-3227

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ОТ 7 АПРЕЛЯ 2025 ГОДА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВИЛ О СВОБОДЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЗДУШНОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ. В статье представлен анализ консультативного заключения суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) от 7 апреля 2025 г. по разъяснению положений договора о ЕАЭС в части общего рынка услуг. В рамках рассмотрения дела суду Союза необходимо было ответить на вопросы, связанные с применением норм о свободе оказания услуг применительно к услугам воздушных перевозок внутри ЕАЭС. При этом основная проблема, которую пришлось решать в рамках рассмотрения дела, состояла в том, в какой степени трансграничные воздушные перевозки внутри ЕАЭС регулируются нормами международного воздушного права, а в какой – нормами права Союза. Учитывая три несовпадающих особых мнения, достичь консенсуса по вопросу не удалось. Тем не менее Большая коллегия сформулировала

правовую позицию, согласно которой положения о свободе оказания услуг распространяются на сферу воздушных перевозок в части, не противоречащей общей транспортной политики, соответственно, государства-члены не могут вводить дополнительные ограничения, а Евразийская экономическая комиссия обладает компетенцией в указанной сфере.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве методологической основы исследования выступили традиционные общенаучные и специальные методы познания правовых явлений: сравнительно-правовой метод; метод научного анализа; формально-юридический метод; метод синтеза социально-правовых явлений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что международные воздушные

перевозки внутри ЕАЭС регулируются сложным комплексом правовых норм, включающим в себя нормы международного воздушного права, национального права государств-членов, а также права ЕАЭС в части свободного передвижения услуг и скоординированной транспортной политики.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Действующее международное воздушное право, включая Конвенцию о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция) не устанавливает никаких ограничений для распространения положений о свободной торговле услугами на сферу коммерческих перевозок на воздушном транспорте. Фактически можно выделить две параллельные системы, касающиеся регулирования международных воздушных перевозок, первая из которых базируется на Чикагской конвенции; другая представляет собой экономическую систему, основанную на двусторонних соглашениях или в виде региональной системы. Право ЕАЭС предусматривает создание общего рынка воздушных перевозок, однако на сегодняшний момент он еще не сформирован. При этом государства-члены не должны вводить новых ограничений в торговле транспортными услугами, которые отсутствовали на момент

заключения учредительного договора. Нормы права ЕАЭС в части свободы оказания услуг и скоординированной (согласованной) транспортной политики и международное воздушное право не конкурируют друг с другом, а вместе с национальным правом формируют взаимодополняющую правовую систему в сфере воздушных перевозок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Суд ЕАЭС, международное воздушное право, Чикагская конвенция, регулирование трансграничных воздушных перевозок, общий рынок воздушного транспорта, скоординированная (согласованная) транспортная политика, торговля услугами

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Войников В.В. 2025. Консультативное заключение суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2025 года: проблема соотношения правил о свободе предоставления услуг и норм международного воздушного права. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-96-109>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

AIR LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-96-109>

Vadim V. VOYNIKOV

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Alexandra Nevskogo St., Kaliningrad, Russian Federation, 236041
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Gagarin Ave., 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022
voinicov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1495-3227

Research article

UDC: 341.226

Received 23 October 2025

Approved 15 December 2025

ADVISORY OPINION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION COURT OF 7 APRIL 2025: THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RULES ON THE FREEDOM TO PROVIDE SERVICES AND THE PROVISIONS OF INTERNATIONAL AIR LAW

INTRODUCTION. *This article presents an analysis of the Eurasian Economic Union (EAEU) Court's advisory opinion of April 7, 2025, clarifying the provisions of the EAEU Treaty regarding the common services market. In considering the case, the Union Court was required to address questions related to the application of freedom of services provisions to air transportation services within the Union. The main issue addressed before the Court was to what extent the cross-border air transportation within the EAEU is governed by international air law and by EAEU law. Given three dissenting opinions, consensus on this issue was not reached. Nevertheless, the Grand Collegium formulated a legal position according to which freedom of services provisions apply to air transportation services to the extent that they do not conflict with common transport policy. Accordingly, member states cannot impose additional restrictions, and the Eurasian Economic Commission has jurisdiction in this area.*

MATERIALS AND METHODS. *The methodological basis of the study was formed by traditional general scientific and specialized methods of understanding legal phenomena: the comparative legal method; the method of scientific analysis; the formal legal method; and the method of synthesizing socio-legal phenomena.*

RESEARCH RESULTS. *As a result of the study, the author concluded that international air transportation within the EAEU is regulated by a complex set of legal norms, including international air law, the national laws of member states, and the EAEU's law regarding the free movement of services and coordinated transport policy.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Current international air law, including the 1944 Chicago Convention, does not impose any restrictions on the extension of provisions on free trade in services to commercial air transportation. In fact, two parallel systems can be identified regarding the regulation of international air transportation: the first is based on the Chicago Convention; the other is an economic system based on bilateral agreements or a regional system. EAEU law provides for the creation of a common air transportation market, but it has not yet been formed. At the same time, member states must not introduce new restrictions on trade in transport services that did not exist at the time of the conclusion of the EAEU treaty. EAEU legal norms regarding trade of services and coordinated (harmonized) transport policy and international air law do not compete, but, together with national law, form a complementary legal system in the field of air transportation.*

KEYWORDS: *EAEU Court, international air law, Chicago Convention, regulation of cross-border air transport, common air transport market, coordinated transport policy, trade in services*

FOR CITATION: Voinikov V.V. Advisory Opinion of the Eurasian Economic Union Court of 7 April 2025: The Problem of the Relationship between the Rules on the Freedom to Provide Services and the Provisions of International Air Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 96–109. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-96-109>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Традиционно трансграничные воздушные перевозки регулируются нормами международного воздушного права, состоящего из целой системы международно-правовых документов, центральное место среди которых занимает Чикагская конвенция¹. Чикагская конвенция имеет стержневой характер в системе международного воздушного права [Вылегжанин, Баталов, Абатурова 2025:11], однако она является далеко не единственным актом, регулирующим отношения в указанной области. В настоящее время действует целый ряд международных актов, регулирующих различные аспекты международных воздушных перевозок, включая вопросы, связанные с оказанием соответствующих услуг [Баталов 2020].

Особый характер правового регулирования международных воздушных перевозок возникает в рамках интеграционных объединений, основанных на свободном передвижении товаров, лиц, услуг и капиталов. Основная идея внутреннего рынка услуг заключается в том, чтобы ликвидировать существующие препятствия и фактически приравнять трансграничное предоставление услуг с тем режимом, который применяется внутри государств.

Воздушные перевозки является специфической разновидностью услуг. При этом трансграничные воздушные перевозки внутри интеграционного объединения не перестают быть международными. Они по-прежнему регулируются нормами международного воздушного права, однако одновременно на них могут распространяться нормы о свободном передвижении услуг и (или) общей транспортной политики.

Эта ситуация способна породить практические проблемы, связанные с применением норм международного и интеграционного права применительно к воздушным перевозкам. В частности, такая ситуация возникла на пространстве ЕАЭС в связи с запретом на использование авиакомпанией «Белавиа» самолетов марки «Боинг» для полетов в Казахстан. Для разрешения данной ситуации потребовалось вмешательство

суда ЕАЭС, который 7 апреля 2025 г. вынес консультативное заключение по данному вопросу.

В связи с этим возникает проблема, касающаяся того, в какой степени трансграничные воздушные перевозки внутри ЕАЭС регулируются нормами международного воздушного права, а в какой степени – нормами права ЕАЭС.

Цель настоящей статьи заключается в попытке разрешения указанной научной проблемы, а именно в определении принципов разграничения сферы регулирования воздушных перевозок внутри Союза со стороны международного воздушного права и права ЕАЭС.

2. История вопроса

На протяжении десятилетий в отношении Республики Беларусь со стороны западных стран применяются односторонние ограничительные меры. Указанные меры касаются также авиационной отрасли. После инцидента с принудительной посадкой самолета авиакомпании Ryanair страны Европейского союза (ЕС) ввели ограничительные меры, предусматривающие запрет на использование белорусскими самолетами воздушного пространства стран ЕС.

После начала специальной военной операции (СВО) режим ограничительных мер в отношении Республики Беларусь был усилен, в частности, новые меры затронули авиационную отрасль. Таким образом, в отношении компании «Белавиа» были введены авиационные санкции по основаниям, не связанным с нарушениями в области гражданской авиации [Nakatani 2024]. Необходимо отметить, что в последнее время односторонние ограничительные меры экономического характера в авиационной сфере нередко применяются в отношении различных стран мира преимущественно со стороны государства группы семи (G7) [Mammadova 2025:81-82].

Национальный авиаперевозчик Республики Беларусь авиакомпания «Белавиа» использует в своем парке самолеты марки «Боинг» производства США. Согласно правилам экспортного регулирования США эксплуатация воздушных судов на международных коммерческих рейсах разрешена или в большинстве случаев допускается в соответствии со специальной лицензией

¹ Конвенция о международной гражданской авиации. 1944 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240> (дата обращения: 26.09.2025).

License Exception AVS² при условии, что право собственности на самолет не передаются, пока воздушное судно находится в иностранном государстве.

8 апреля 2022 г. Бюро промышленности и безопасности министерства торговли США (Bureau of Industry and Security of US Department of Commerce) отозвало экспортные привилегии у авиакомпании «Белавиа» в части эксплуатации самолетов марки «Боинг». Это означает, что авиакомпания «Белавиа» лишилась возможности без специальной лицензии осуществлять международные рейсы на самолетах марки «Боинг», равно как и на самолетах, состоящих из деталей, произведенных в США более чем на 25 %³.

Однако авиакомпания «Белавиа» продолжила осуществлять международные рейсы в Россию и иные страны мира на самолетах марки «Боинг». По этой причине Бюро промышленности и безопасности департамента торговли США издало временный запретительный приказ от 16 июня 2022 г. (The Temporal Denial Order), который запрещает «Белавиа» совершать международные рейсы на самолетах марки «Боинг»⁴.

В этом случае речь идет об экстерриториальных санкциях, которые фактически вводят запрет для всех лиц, включая тех, кто не находится под юрисдикцией США. В таком контексте экстерриториальность означает, что одно государство требует юрисдикции в отношении ситуации, территориально связанной с другим государством [Гландин 2018:107].

Несмотря на то что экстерриториальные ограничительные меры (санкции) не соответствуют международному праву [Schmidt 2022:61] Соединенные Штаты придерживаются именно этого подхода при осуществлении своей санкционной политики [Nagel 2023]. Ввиду того

что США занимают доминирующее положение в области производства и эксплуатации авиатранспорта и комплектующих к нему, многие страны мира вынуждены следовать экстерриториальным санкциям из-за опасения применения к ним вторичных санкций [Тимофеев 2024] и как следствие ограничения доступа к рынку авиатехники. Вторичные санкции можно определить как ограничительные меры, которые вводятся против иностранных экономических операторов, чья деятельность никак не связана с государством, применяющим санкции [Щукин 2025:159]. По своей правовой природе вторичные санкции чаще всего также имеют экстерриториальный эффект [Sossai 2019:67].

Среди стран, которые решили соблюдать экстерриториальные санкции против компании «Белавиа», оказались государства – члены ЕАЭС, в том числе Казахстан, который запретил авиакомпании «Белавиа» совершать полеты в республику на самолетах «Боинг»⁵. Ситуация послужила основанием для инициирования Республикой Беларусь разбирательства в Суде ЕАЭС в рамках консультативной процедуры.

В сентябре 2025 г. в рамках сделки между США и Беларусью Бюро промышленности и безопасности смягчило режим ограничительных мер в отношении авиакомпании «Белавиа». С 12 сентября 2025 г. авиакомпании «Белавиа» было разрешено совершать международные полеты на самолетах «Боинг», за исключением полетов в Россию, Сирию, Кубу, Северную Корею и некоторые другие страны⁶. Таким образом, формально ситуация, связанная с ограничением на полеты в Казахстан, была разрешена. Однако проблема разграничения правового регулирования трансграничных авиаперевозок внутри ЕАЭС между международным

² Russia Sanctions Year in Review: Impact on Aviation Sector. By Stephan E. Becker, Nancy A. Fischer, Aaron R. Hutman, Steven Farmer, Matthew R. Rabinowitz, Oleg Khokhlov, Roya Motazed, Mark Booth, Ata A. Akiner and Iris Karaman. February 23, 2023. URL: <https://www.globaltradeandsanctionslaw.com/russia-sanctions-year-in-review-impact-on-aviation-sector/> (дата обращения: 11.10.2025).

³ Bureau of Industry and Security takes enforcement action against Belarusian airline operating in violation of U.S. export control. URL: www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3029-2022-06-16-bis-press-release-belavia-tdo/file (дата обращения: 11.10.2025).

⁴ Bureau of Industry and Security takes enforcement action against Belarusian airline operating in violation of U.S. export control. URL: www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3029-2022-06-16-bis-press-release-belavia-tdo/file (дата обращения: 11.10.2025).

⁵ Посол Казахстана ответил на вопрос о запрете полетов для белорусских «боингов». URL: <https://virtualbrest.ru/news124627.php> (дата обращения: 03.10.2025).

⁶ Letter from Bureau of Industry and Security of US Department of Commerce to Director-General Belavia – Belarusian Airlines. URL: <https://www.bis.gov/media/documents/belavia-authorization-signed-091225-final.pdf> (дата обращения: 21.10.2025).

и интеграционным правом осталась. Во-первых, сохраняются аналогичные ограничения в отношении России касательно эксплуатации авиационной техники. Во-вторых, несмотря на смягчение режима санкций в отношении авиакомпании «Белавиа», сама проблема защиты внутреннего рынка в условиях внешних ограничительных мер сохраняет свою актуальность.

3. Судебная процедура

Первоначально Беларусь в лице министерства экономики намеревалась разрешить возникший спор посредством обращения в Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК, Комиссия). Однако Комиссия вынесла заключение об отсутствии признаков препятствий в торговле⁷. В этой ситуации Республика Беларусь в порядке, предусмотренном п. 39 (1) Статута Суда, имела возможность обратиться с заявлением о соблюдении другим государством-членом положений учредительного договора (межгосударственный спор). Однако в итоге Беларусь обратилась в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении в порядке п. 46 договора о ЕАЭС (консультативная процедура). Очевидно, что это было связано с нежеланием инициировать межгосударственный судебный спор⁸, а попытаться решить вопрос с использованием более мягких средств.

В своем заявлении Республика Беларусь в лице Министерства юстиции просила разъяснить положения договора о ЕАЭС⁹ в связи с ограничениями на выполнение полетов самолетами марки «Боинг», принадлежащих авиакомпании «Белавиа»:

1) применяются ли нормы раздела XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» договора о ЕАЭС к услугам воздушного транспорта, в том числе

по вопросам введения запретов и ограничений деятельности отдельных хозяйствующих субъектов государств – членов Союза;

2) имеет ли ЕЭК полномочия на рассмотрение вопросов, связанных с введением одним государством – членом Союза запретов (ограничений) на осуществление субъектами хозяйствования другого государства-члена перевозок воздушным транспортом, и на принятие обязательного для исполнения решения по снятию таких запретов (ограничений);

3) является ли запрет авиационных властей одного государства – члена Союза на полеты самолетов определенного типа, например «Боинг», субъекта хозяйствования другого государства-члена ограничением для создания общего рынка транспортных услуг на воздушном транспорте?

7 апреля 2025 г. Судом ЕАЭС был вынесен судебный акт (консультативное заключение), содержащий разъяснения по заявлению Республики Беларусь¹⁰. К судебному акту было подготовлено три несовпадающих особых мнения: судьи Э.В. Айриян, судьи А.Б. Кишкембаева и судьи Е.Ж. Исмаилова.

На первые два вопроса, содержащихся в заявлении, Суд ответил положительно. В рамках ответа на первый вопрос Суд ЕАЭС пришел к выводу о том, что нормы раздела XV «Торговля услугами, учреждение, деятельность и осуществление инвестиций» договора о ЕАЭС распространяются и на сферу услуг воздушного транспорта (п. 14.1).

По второму вопросу Суд ЕАЭС сделал вывод о наличии у Комиссии компетенции по мониторингу реализации положений договора о ЕАЭС в сфере воздушного транспорта, включая выявление и устранение препятствий на пути поэтапного формирования единого транспортного пространства (п. 14.2).

⁷ Отсутствие равных условий на получение разрешения на выполнение полетов самолетов государств-членов в аэропорты государств – членов Союза. URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru/registers/appeals/card/67bc9142aaa27e70af8fe210> (дата обращения: 07.10.2025).

⁸ Необходимо отметить, что за все время своей деятельности в производстве Суда ЕАЭС лишь единожды находился межгосударственный спор между Россией и Беларусью (дело о Калининградском транзите – Решение Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. № СЕ-1-1/1-16-БК Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010).

⁹ Договор о евразийском экономическом Союзе. URL https://www.economy.gov.ru/material/file/2b9bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 26.09.2025).

¹⁰ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение от 07 апреля 2025 г. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-5.24/ (дата обращения: 07.10.2025).

А по третьему вопросу Суд пришел к выводу о невозможности дать оценку степени реализации последовательного и поэтапного создания общего рынка услуг в сфере воздушного транспорта (п. 14.3). Иными словами, Суд не дал ответа относительно оценки обоснованности действий авиационных властей одного из государств – членов Союза, связанных с запретом полетов определенного типа воздушных судов.

Анализ судебного акта позволяет идентифицировать ключевую мысль Большой коллегии, которая заключается в том, что право Союза, наряду с международным и национальным правом регулирует сферу воздушных перевозок между государствами-членами.

Позиция Большой коллегии основана на том, что совместное прочтение п. 2 и 3 ст. 65 договора о ЕАЭС позволяет сделать вывод, согласно которому положения раздела XV договора (торговля услугами) применяется в отношении всех услуг, кроме прямо указанных в п. 2 ст. 65, а именно: государственные закупки и услуги, оказываемые во исполнение функций государства. Следовательно, положения ст. 65–67 договора о ЕАЭС в части либерализации торговли услугами затрагивают сферу услуг воздушного транспорта.

Трое судей, подготовивших особые мнения, не согласились с позицией своих коллег в части ответа на поставленные вопросы и их мотивации.

Так, судья Э.В. Айриян посчитала, что ответы на поставленные вопросы должны выглядеть иначе. По первому вопросу позиция сводится к тому, что сфера воздушных перевозок относится преимущественно к компетенции государств-членов. Соответственно, нормы раздела XV договора о ЕАЭС (торговля услугами) применяется к услугам воздушного транспорта в пределах правового регулирования этого вида услуг положениями Раздела XXI договора (транспортная политика), а указанный раздел договора имеет достаточно узкую сферу применения, которая не касается вопросов, поставленных заявителем.

По второму вопросу судья Э.В. Айриян посчитала, что правом Союза не установлены полномочия ЕЭК по рассмотрению вопросов, связанных с введением одним государством-членом Союза запретов на осуществление перевозок воздушным транспортом, поскольку данный вид перевозок регулируется национальным законодательством и двусторонними соглашениями.

В отношении третьего вопроса, по мнению судьи Э.В. Айриян, у Суда отсутствуют полномочия для предоставления консультативного заключения в силу того, что из сферы права Союза исключены вопросы регламентации полетов воздушных судов.

Сходной позиции придерживается судья Е.Ж. Исмаилов, который в особом мнении указал на то, что нормы учредительного договора полностью исключают из сферы правового регулирования права Союза регламентацию полетов воздушных судов государств-членов в рамках Союза. Соответственно, положения п. 1 ст. 66 договора о запрете новых дискриминационных мер в сфере оказания услуг, не распространяются на сферу услуг воздушного транспорта.

Судья А.Б. Кишкембаев в особом мнении также поставил под сомнение вывод Большой коллегии о применимости п. 1 ст. 66 раздела XV договора к сфере услуг воздушного транспорта. Он пришел к выводу о том, что деятельность государств – членов Союза в области воздушных перевозок не регламентирована правом Союза, а отнесена к области национального и двустороннего межгосударственного регулирования. Следовательно, ограничения на полеты не могут рассматриваться как препятствие на внутреннем рынке.

Таким образом, все трое судей, подготовивших особые мнения, пришли к выводу о том, что право Союза лишь в незначительной степени затрагивает сферу воздушных перевозок, которая, по их мнению, отнесена к компетенции государств-членов и регулируется национальным правом, а также соответствующими международными соглашениями.

Указанная позиция основана на следующих обстоятельствах. Во-первых, в силу п. 4 Приложения № 16 к договору о ЕАЭС в отношении способов поставки услуг, указанных в абз. 2 и 3 подп. 22 п. 6 положения Протокола не применяются к правам перевозки воздушным транспортом и услугам, непосредственно относящимся к правам перевозки, за исключением ремонтного и эксплуатационного обслуживания самолетов, поставки и маркетинга авиатранспортных услуг, а также услуг компьютерной системы резервирования.

Во-вторых, согласно п. 12 Приложения № 24 к договору о ЕАЭС государства-члены исходят из того, что каждое государство-член обладает полным и исключительным суверенитетом на воздушное пространство над своей территорией.

И в-третьих, в силу п. 13 Приложения № 24 полеты воздушных судов государств-членов в рамках Союза выполняются на основе международных договоров государств-членов и (или) разрешений, выдаваемых в порядке, установленном законодательством государств-членов.

4. То, чего нет в консультативном заключении

В консультативном заключении и особых мнениях к нему не затрагивается санкционная проблематика, которая и послужила причиной подачи заявления о разъяснении. По мнению А.С. Исполинова, эта ситуация существенно сужает возможность адекватного восприятия позиции Суда¹¹.

В открытом доступе отсутствует само заявление о разъяснении, а также иные материалы дела. Равным образом отсутствует открытые источники, дающие представление о ходе обсуждения данного дела в самом Суде. По этой причине мы не можем делать выводы о том, в какой степени затрагивалась санкционная тематика при вынесении судебного акта.

Ключевая проблема, формально оставшаяся за пределами судебного разбирательства, состояла в том, может ли одно государство-член соблюдать односторонние экстерриториальные ограничительные меры в отношении другого государства-члена. В судебном акте этот вопрос не разрешен. Несмотря на то что указанный вопрос лежал на поверхности, Суд был лишен возможности высказать свою позицию по нему ввиду того, что заявителем он не был прямо поставлен.

Тем не менее в научной и экспертной сфере дискуссия о влиянии внешних ограничительных мер на право Союза, в том числе в рамках рассматриваемого дела, уже получила свое развитие¹².

Ситуация, связанная с применением односторонних ограничительных мер против государств-членов интеграционного объединения, не является новой. Нередко такие ограничения имеют экстерриториальный характер, и это способно оказать свое влияние на внутренний

правопорядок интеграционного объединения. В этом случае для других членов указанного интеграционного объединения возникает дилемма между исполнением обязательств, вытекающих из членства в данном объединении, и необходимостью соблюдать экстерриториальные санкции.

Применительно к рассматриваемому делу следует отметить, что экстерриториальные санкции США в отношении авиакомпании «Белавиа» не создают никаких международных обязательств ни для одного из государств – членов ЕАЭС, что могло бы выступить основанием для ограничений во взаимной торговле согласно п. 6(3) ст. 65 или п. 1(5) ст. 29 договора о ЕАЭС. Неисполнение иностранных экстерриториальных ограничительных мер создают лишь угрозу применения вторичных санкций, которые по своей сути чаще всего являются неправомерными [Ryngaert, Ruys, Rodríguez Silvestre 2024], поскольку они посягают на экономический суверенитет третьих государств и свободу их экономических субъектов вести международный бизнес [Шукин 2025:159].

Однако сам факт наличия угрозы применения противоправных вторичных санкций не освобождает государства-члены от исполнения своих обязательств и не дает возможности применять ограничения во внутренней торговле с другими странами Союза.

Основываясь на позиции Большой коллегии о применении норм договора о ЕАЭС в части свободы предоставления услуг на сферу воздушных перевозок, можно сделать следующий вывод: ограничения полетов самолетов «Боинг», принадлежащих хозяйствующему субъекту государства-члена, со стороны авиационных властей другой страны Союза, обусловленных иностранными ограничительными мерами, не совместимо с принципами внутреннего рынка. Иными словами, такие действия можно квалифицировать как ограничения на общем рынке транспортных услуг на воздушном транспорте.

Указанные размышления не нашли своего отражения в судебном акте, хотя общая логика рассуждения Большой коллегии позволяет

¹¹ Исполинов А. *Пролетая над гнездом кукушки: Консультативное заключение Суда ЕАЭС по самолетам*. 25.04.2025. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/25/proletaya_nad_gnezdом_kukushki_konsultativnoe_zaklyuchenie_suda_eaes_po_samolyotam (дата обращения: 26.09.2025).

¹² Войников В. *Первым делом – самолеты*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pervym-delom-samolety/> (дата обращения: 29.09.2025).

прийти именно к такому выводу. Тем не менее отсутствие позиции по «санкционной проблематике» не снижает ценность судебного акта.

5. Мотивация Суда: ожидание и реальность

Рассматриваемый нами судебный акт интересен во многих отношениях. Одна из его особенностей заключается в том, что многие моменты в консультативном заключении читаются между строк. Во многом это обусловлено тем, что, несмотря на очевидность подоплеку спора, заявитель не стал раскрывать все обстоятельства дела. А поставленные вопросы имели гипотетический характер без привязки к конкретным лицам и обстоятельствам. В этой ситуации Суд Союза не стал выходить за рамки, обозначенные заявителем, и дал ответы исходя из того, как они были поставлены.

Анализ судебного акта показывает, что в рамках разбирательства Суду необходимо было решить вопрос о том, в какой степени трансграничные воздушные перевозки регулируются международным воздушным правом, а в какой – правом Союза.

Несмотря на отсутствие ответа на третий вопрос, Суд ЕАЭС дал ответ на главный вопрос, придя к выводу о том, свобода предоставления услуг включает в себя услуги на воздушном транспорте, соответственно, право Союза регулирует отношения в сфере воздушных перевозок, если они осуществляются между государствами-членами.

В силу п. 3 ст. 65 договора о ЕАЭС транспортные услуги регулируются положениями раздела XXI (скоординированная (согласованная) транспортная политика). Положения раздела об услугах действуют в части, не противоречащей разделу о транспорте. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель распространил нормы о свободе предоставления услуг на сферу транспорта, включая воздушные перевозки. Однако указанные нормы действуют в части, не противоречащей положениям о транспортной политике.

В соответствии с п. 1 ст. 86 договора о ЕАЭС поставлена цель на последовательное и поэтапное формирование единого транспортного пространства на принципах конкуренции, открытости, безопасности, надежности, доступности и экологичности.

Согласно п. 10 раздела III Приложения № 24 к договору о ЕАЭС развитие воздушного

транспорта в Союзе осуществляется в рамках проводимой скоординированной (согласованной) транспортной политики путем поэтапного формирования общего рынка услуг воздушного транспорта.

В силу п. 11 раздела III Приложения № 24 к договору о ЕАЭС формирование общего рынка услуг воздушного транспорта основывается в том числе на принципе обеспечения недискриминационного доступа авиакомпаний государств-членов к авиационной инфраструктуре.

В современной мировой практике рынок воздушных перевозок представляет собой достаточно чувствительную сферу, доступ на которой регулируется преимущественно на двусторонней основе и нередко зависит от политических факторов. В равной степени это пока относится и к ЕАЭС. На сегодняшний момент воздушные перевозки в рамках ЕАЭС регулируются в основном двусторонними соглашениями стран Союза, а также национальным законодательством [Бичурина 2024:343]. В сфере скоординированной транспортной политики были разработаны лишь акты мягкого права в виде дорожных карт, транспортных программ [Лесняков 2018:32].

Иными словами, помимо общих положений в учредительном договоре на уровне Союза не приняты специальные акты и не заключены международные договоры, регулирующие отношения в указанной сфере. То, как будет развиваться общий рынок воздушного транспорта, зависит от решений государств-членов, а также решений политических органов Союза, к которым не относится Суд ЕАЭС. В консультативном заключении отсутствует вывод о полном распространении свободы оказания услуг на сферу гражданской авиации. Наоборот, Большая коллегия подчеркивает отсутствие завершенности формирования общего рынка услуг воздушного транспорта, а также на ограничения, предусмотренные положениями о транспортной политике Союза.

Однако это не означает отсутствие компетенции Союза в области воздушных перевозок. Как правильно отметила Большая коллегия *«сама по себе незавершенность формирования общего рынка транспортных услуг не является основанием для несоблюдения вытекающих из Договора обязательств и требований»*. В ситуации незавершенности формирования общего рынка услуг на воздушном транспорте государства-члены обязаны соблюдать положения, содержащиеся

в учредительном договоре, включая те, что содержатся в п. 1 ст. 66 договора о ЕАЭС, запрещающего вводить новые дискриминационные меры в отношении торговли услугами.

Формирование общего рынка услуг на воздушном транспорте представляет собой сложный и многоуровневый процесс, предполагающий принятие актов вторичного законодательства или заключение многостороннего соглашения между государствами-членами¹³. К примеру, в рамках ЕС процесс создания единого европейского воздушного пространства занял десятилетия и включал в себя несколько этапов [Кульков 2015:293-294]. В ЕАЭС процесс формирования единого транспортного пространства был запущен еще до формального создания Союза и пока находится на начальной стадии.

На сегодняшний момент ЕАЭС обладает существенно меньшей компетенцией в сфере гражданской авиации, чем ЕС, где осуществляется комплексное регулирование использования воздушного пространства¹⁴, создан единый авиатранспортный рынок [Стеценко, Пархимович 2020], принято специальное законодательство¹⁵, а также учреждено специализированное агентство, занимающееся вопросами безопасности полетов [Баталов 2021:55-59]. Фактически в рамках ЕС реализована концепция «европейского воздушного пространства» со статусом, отличающимся от статуса суверенного воздушного пространства государств [Малеев 2016:66].

Однако договор о ЕАЭС уже заложил основы по формированию общей транспортной политики и рынка услуг на воздушном транспорте. По этой причине правоприменительная деятельность государств-членов не должна идти вразрез с теми ориентирами, которые заложены в учредительном договоре.

Следует отметить, что право ЕАЭС не вторгается в сферу, которая традиционно регулируется нормами международного воздушного права, а исполнение обязательств, предусмотренных правом Союза, не нарушает обязательств

государств-членов, вытекающих из Чикагской конвенции и двусторонних соглашений. В частности, допуск воздушных судов находится в сфере регулирования международного воздушного права, однако дальнейшая деятельность, связанная с оказанием услуг по трансграничным перевозкам, частично регулируется нормами права ЕАЭС.

Согласно п. 10 Приложения № 24 к договору ЕАЭС государства-члены координируют усилия по единому подходу к применению стандартов и рекомендуемой практики Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Таким образом, согласно учредительному договору политика ЕАЭС в области гражданской авиации должна развиваться в соответствии с нормами международного воздушного права.

Согласно ст. 82 Чикагской конвенции участвующие государства признают, что Конвенция отменяет все обязательства и соглашения между ними, несовместимые с ее положениями, и обязуются не принимать на себя любые такие обязательства и не вступать в подобные соглашения.

Действующие нормы договора о ЕАЭС, включая положения п. 1 ст. 66, нельзя квалифицировать в качестве несовместимых с положениями Чикагской конвенции. Основное назначение Чикагской конвенции заключается в установлении принципов и правил международной гражданской авиации, включая стандарты безопасности полетов, обслуживания воздушных судов, суверенитета государств над воздушным пространством и т.д. В сфере коммерческой деятельности на воздушном транспорте Чикагская конвенция устанавливает лишь базовые принципы и положения [Баталов 2023:45]. Конкретные условия воздушных сообщений определяются в соответствии с двусторонними или многосторонними соглашениями.

Таким образом, можно выделить две параллельные системы, организующие международные воздушные перевозки. Одна из них базируется на Чикагской конвенции. Другая представляет собой экономическую систему,

¹³ Бичурина Е.С. *Международно-правовое регулирование общего воздушного пространства Евразийского экономического союза*. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки). Казань, 2025. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ К примеру, Regulation (EC) No 1008/2008 of the European Parliament and of the Council of 24 September 2008 on common rules for the operation of air services in the Community (Recast) (Text with EEA relevance). – OJ L. 293. 31.10.2008. P. 3-20.

основанную на двусторонних соглашениях о воздушных перевозках, где государства на взаимной основе предоставляют права по перевозке пассажиров и грузов [Havel, Sanchez 2014].

При этом в международном воздушном праве нет никаких ограничений для распространения положений о свободной торговле услугами на сферу коммерческих перевозок на воздушном транспорте [Баталов 2023:45].

На региональном уровне государства вправе устанавливать особые правила воздушных сообщений, которые могут не соответствовать установившейся практике [Зверева 2013:143], но при этом не нарушают международные обязательства государств по Чикагской конвенции.

Право ЕАЭС скорее затрагивает те вопросы гражданской авиации, которые традиционно регулировались на национальном уровне и связаны с оказанием транспортных услуг.

По этой причине можно сделать вывод о том, что нормы права ЕАЭС в части свободы оказания услуг и скоординированной (согласованной) транспортной политики и международное воздушное право не конкурируют друг с другом, а вместе с национальным правом формируют взаимодополняющую правовую систему в сфере воздушных перевозок.

Доводы судей, подготовивших особое мнение, кажутся убедительными, неоспоримым является тот факт, что государства-члены обладают полным и исключительным суверенитетом на воздушное пространство над своей территорией, а также то, что воздушные перевозки внутри Союза регулируются двусторонними соглашениями. Однако эти положения не отменяют обязательства государств-членов не вводить новые ограничения в предоставлении услуг на транспорте.

Позиция Большой коллегии не нарушает принцип исключительного суверенитета на воздушное пространство над своей территорией. Указанный принцип зафиксирован в п. 12 Приложения № 24 к договору о ЕАЭС. Эти положения практически дословно повторяют норму, содержащуюся в ст. 1 Чикагской конвенции. Власти государств – членов ЕАЭС обладают исключительными полномочиями по допуску в свое воздушное пространство воздушных судов, однако такие действия должны быть подчинены требованиям международного права и обязательствам, вытекающим из права Союза. В частности, такие запреты не должны иметь дискриминационного характера и не должны

иметь характер ограничений в торговле услугами в рамках внутреннего рынка ЕАЭС. Как верно отмечено заявителем в рамках рассматриваемой нами консультативной процедуры «суверенитет над своим воздушным пространством не означает, что государство может принимать абсолютно любые меры произвольным образом».

Государства – члены ЕАЭС свободны в заключении двусторонних и международных соглашений по вопросам гражданской авиации, а также в осуществлении трансграничных воздушных перевозок с другими странами ЕАЭС. Однако если такие перевозки осуществляются, то они не должны противоречить нормам права Союза о торговле услугами и общей транспортной политики. Кроме того, государства-члены должны соблюдать положения подп. 6 п. 11 Приложения № 24 к Договору, согласно которому формирование общего рынка услуг воздушного транспорта основывается на принципе обеспечение недискриминационного доступа авиационных компаний государств-членов к авиационной инфраструктуре.

При этом изъятия, указанные в п. 4 Приложения № 16 к Договору в отношении способов поставки услуг, имеют достаточно узкое применение и касаются не всех положений Договора, а только определенных норм этого Протокола. По этой причине отсутствуют достаточные основания для неприменения к услугам воздушного транспорта нормы, содержащейся в п. 1 ст. 66 Договора о ЕАЭС.

Таким образом, Большой коллегией сделан обоснованный вывод о том, что трансграничные воздушные перевозки внутри Союза регулируются и нормами международного воздушного права, и нормами права Союза, касающимися свободного передвижения услуг и общей транспортной политики. Следовательно, нормы права внутреннего рынка, устанавливающие запрет на введения дополнительных барьеров в торговле услугами, применяются и к воздушным перевозкам внутри Союза.

Можно предположить, что целый ряд экспертов и практиков ожидал от Большой коллегии более смелого подхода к ответу на поставленные вопросы. В частности, некоторое разочарование могло вызвать отсутствие ответа на третий вопрос о правомерности с точки зрения правил внутреннего рынка запрета на полеты самолетов определенной марки. Вполне очевидно, что ответ на третий вопрос мог быть дан только

в случае, если бы заявитель раскрыл причины введения такого запрета. Как отмечалось выше, причины и основания введения ограничений на полеты самолетов марки «Боинг», не входили в предмет доказывания по этому делу, соответственно, Суд не мог дать оценку правомерности указанного запрета.

Право Союза, равно как и национальное право, допускает возможность запрета в сфере торговли услугами, в том числе на полеты самолетов определенной марки. К примеру, нередко авиационные власти вводят запреты на полеты определенных моделей самолетов по соображениям безопасности в случае выявления конструктивных дефектов либо авиапроисшествий по невыясненным обстоятельствам. Поэтому отказ Большой коллегии давать ответ на гипотетический вопрос является вполне логичным.

Как было отмечено выше, на сегодняшний день ограничительные меры против авиакомпании «Белавиа» со стороны США смягчены. У авиационных властей Казахстана более нет необходимости сохранять ограничения на полеты самолетов «Боинг». Поэтому навряд ли для Беларуси имеет смысл инициировать дальнейшие разбирательства по этому делу.

6. Заключение

Консультативное заключение от 7 апреля 2025 г., безусловно, является одним из ключевых судебных актов в практике Суда ЕАЭС на сегодняшний день. Перед Судом были поставлены непростые вопросы, от ответа на которые в определенной степени зависит дальнейшее развитие транспортной политики Союза.

Согласно п. 98 Статута Суда консультативное заключение имеет лишь рекомендательный характер. Тем не менее оно имеет важное значение для формирования дальнейшей правоприменительной практики.

Большая коллегия сформулировала важные правовые позиции относительно компетенции Союза в сфере оказания услуг и скоординированной транспортной политики. Из консультативного заключения следует, что ЕАЭС наделен компетенцией в сфере оказания услуг на воздушном транспорте, следовательно,

государства-члены обязаны соблюдать запреты в части введения новых ограничений по оказанию транспортных услуг.

Кроме того, Большая коллегия констатировала незавершенность формирования общего рынка услуг, что, по мнению Суда, не может служить основанием для несоблюдения вытекающих из Договора обязательств и требований.

На основании проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что международные воздушные перевозки внутри ЕАЭС регулируются сложным комплексом правовых норм, включающей в себя нормы международного воздушного права, национального права государств-членов, а также права ЕАЭС в части свободного передвижения услуг и скоординированной транспортной политики.

Право ЕАЭС не затрагивает те сферы международных воздушных перевозок, которые регулируются Чикагской конвенцией, иными многосторонними и двусторонними международными соглашениями. Политика ЕАЭС в области воздушных перевозок направлена на более эффективную имплементацию государствами-членами международных стандартов, включая стандарты безопасности, обеспечения недискриминационных условий ведения бизнеса, добросовестной конкуренции.

В любом случае построение общего рынка услуг воздушного транспорта – это не задача Суда ЕАЭС. Будущее рынка услуг воздушного транспорта будут определять государства-члены. В силу специфики правовой природы консультативного заключения, а также наличия трех несовпадающих особых мнений, указанный судебный акт не ставит точку в дискуссии по вопросу роли права ЕАЭС в регулировании трансграничных воздушных перевозок. Тем не менее при дальнейшем формировании общего рынка услуг воздушного транспорта позиция Большой коллегии не может быть проигнорирована. Кроме того, эта ситуация и позиция Суда Союза должны выступить стимулом для дальнейшего развития союзного законодательства в области трансграничных воздушных перевозок и интенсификации деятельности по формированию общего рынка услуг воздушного транспорта.

Список литературы

1. Баталов А.А. 2020. Источники международного воздушного права: актуальные вопросы теории и практики. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 64-90. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-64-90>.
2. Баталов А.А. 2021. Региональное сотрудничество в области безопасности полетов: международно-правовые вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 40-69.
3. Баталов А.А. 2023. Особенности международно-правового регулирования воздушных сообщений и правила ВТО. – *Российский юридический журнал*. № 6. С. 36-52.
4. Бичурина Е.С. 2024. Регулирование воздушных сообщений в ЕАЭС как составная часть интеграционного процесса. – *Юридическая наука*. № 12. С. 342-344.
5. Вылегжанин А.Н., Баталов А.А., Абатурова В.А. 2025. Особенности правового регулирования международных воздушных сообщений в Арктике. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 6-24. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-6-24>.
6. Гландин С. 2018. Экстерриториальность американских санкций в действии. – *Международное правосудие*. № 2(26). С. 105-122.
7. Зверева И.В. 2013. Проблемы либерализации рынка авиаперевозок в отношениях России и Европейского союза. – *Вестник Московского университета*. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 3. С. 139-161 (143).
8. Кульков В.В. 2015. Либерализация пассажирских авиаперевозок в странах ЕАЭС в контексте опыта Евросоюза. – *Проблемы современной экономики*. № 3 (55). С. 292-296.
9. Лесняков А.А. 2018. Обоснование необходимости совершенствования механизма формирования единого транспортного пространства в евразийском экономическом союзе. – *Проблемы экономики и юридической практики*. № 1. С. 32-34.
10. Малеев Ю.Н. 2017. Девятая «свобода воздуха» или скрытый каботаж. – *Московский журнал международного права*. № 106(2). С. 63-70. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-63-70>
11. Стеценко И.П., Пархимович А.В. 2020. Рынок пассажирских авиационных перевозок в Европе. – *Научный вестник МГТУ ГА*. № 23(1). С. 59-70. DOI: <https://doi.org/10.26467/2079-0619-2020-23-1-59-70>.
12. Тимофеев И.Н. 2024. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа. – *Сравнительная политика*. № 15(1). С. 95-114. DOI: <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114>.
13. Щукин А.И. 2025. Инструменты антисанкционного регулирования в глобальном трансграничном пространстве. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 18. № 3. С. 154-180. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.154.180(159).
14. Havel B.F., Sanchez G.S. 2014. The International Law Regime for Trade in Air Services. – *The Principles and Practice of International Aviation Law*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 69-122.
15. Mammadova S.K. 2025. International economic sanctions in the aviation sector and their impact on constitutional guarantees of freedom of movement. – *Futurity Economics&Law*. Vol. 5(2). P. 73-90.
16. Nagel A. 2023. Unilateral Extraterritorial Sanctions: The Search for a Jurisdictional Justification under International Law. – *LSE Law Review*. Vol. 8. P. 368-395.
17. Nakatani K. 2024. Sanctions Related to International Air Transport and International Law. – *The Kaleidoscope of International Law*. Springer, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-96-0062-5_8.
18. Ryngaert C., Ruys T., Rodríguez Silvestre F. 2024. Secondary Sanctions in the International Legal Order. – *The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law*. Eds. by T. Ruys et al. Cambridge: University Press.
19. Schmidt J. 2022. The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. Vol. 27. Issue 1. P. 53-81. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac005>.
20. Sossai M. 2019. *Legality of extraterritorial sanctions in Economic Sanctions in International Law and Practice*. Ed. by A. Masahiko P. 62-79. DOI: 10.4324/9780429052989-5.

References

1. Batalov A.A. Istochniki mezhdunarodnogo vozdušnogo prava: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [The sources of international air law: current issues of theory and practice]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2020. № 3. S. 64-90. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-64-90>. (In Russ.)
2. Batalov A.A. Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya vozdušnykh soobshhenij i pravila VTO [Specifics of international regulation of air services and WTO rules]. – *Rossiiskij juridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal]. 2023. № 6. S. 36-52. (In Russ.)
3. Batalov A.A. Regional'noe sotrudnichestvo v oblasti bezopasnosti poletov: mezhdunarodno-pravovye voprosy [Regional Cooperation in the Area of Aviation Safety: International Legal Issues]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2021. № 4. S. 40-69. (In Russ.)
4. Bichurina E.S. Regulirovanie vozdušnykh soobshchenij v EAES kak sostavnaya chast' integracionnogo processa [Regulation of air services in the EAEU as an integral part of the integration process]. – *Yuridicheskaya nauka* [Legal science]. 2024. № 12. S. 342-344. (In Russ.)
5. Glandin S. Eksterritorial'nost' amerikanskikh sanktsiy [The extraterritoriality of American sanctions in action]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice]. 2018. № 2(26). S. 105-122. (In Russ.)
6. Havel B.F., Sanchez G.S. The International Law Regime for Trade in Air Services. – *The Principles and Practice of International Aviation Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. P. 69-122.
7. Kul'kov V.V. Liberalizaciya passazhirskih aviaperevozok v stranah EAES v kontekste opyta Evrosoyuza [Liberalization of passenger air transportation in the EAEU countries in the context of the European Union experience]. – *Problemy sovremennoj ekonomiki* [Problems of the modern economy]. 2015. № 3(55). S. 292-296. (In Russ.)
8. Lesnyakov A.A., Obosnovanie neobhodimosti sovershenstvovaniya mekhanizma formirovaniya edinogo transportnogo prostranstva v evrazijskom ekonomicheskom soyuze [Justification of the need to improve the mechanism for the formation of a single transport space in the

- Eurasian Economic Union]. – *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of economics and legal practice]. 2018. № 1. S. 32-34. (In Russ.)
9. Maleev Ju.N. Devjataja «svoboda vozduha» ili skrytyj kabotazh [The ninth is “freedom of the air” or hidden cabotage]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2017. № 106(2). S. 63-70. (In Russ.)
 10. Mammadova S.K. International economic sanctions in the aviation sector and their impact on constitutional guarantees of freedom of movement. – *Futurity Economics&Law*. 2025. Vol. 5(2). P. 73-90.
 11. Nagel A. Unilateral Extraterritorial Sanctions: The Search for a Jurisdictional Justification under International Law. – *LSE Law Review*. 2023. Vol. 8. P. 368-395.
 12. Nakatani K. Sanctions Related to International Air Transport and International Law. – *The Kaleidoscope of International Law*. Springer, Singapore. 2024. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-96-0062-5_8.
 13. Ryngaert C., Ruys T., Rodríguez Silvestre F. Secondary Sanctions in the International Legal Order. – *The Cambridge Handbook of Secondary Sanctions and International Law*. 2024. Eds. by T. Ruys et al. Cambridge: University Press.
 14. Schmidt J. The Legality of Unilateral Extra-territorial Sanctions under International Law. – *Journal of Conflict and Security Law*. 2022. Vol. 27. Issue 1. P. 53-81. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcsl/krac005>.
 15. Shhukin A.I. Instrumenty antisankcionnogo regulirovaniya v global'nom transgranichnom prostranstve [Anti-sanctions regulation tools in the global cross-border space]. – *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics]. 2025. T. 18. № 3. S. 154-180. DOI: [10.17323/2072-8166.2025.3.154.180](https://doi.org/10.17323/2072-8166.2025.3.154.180) (159). (In Russ.)
 16. Sossai M. *Legality of extraterritorial sanctions in Economic Sanctions in International Law and Practice*. Ed. by A. Masahiko. 2019. P. 62-79. DOI: [10.4324/9780429052989-5](https://doi.org/10.4324/9780429052989-5).
 17. Stecenko I.P., Parkhimovich A.V. Passenger air transportation market in Europe. – *Scientific bulletin of MSTU GA* [Scientific bulletin of MSTU GA]. 2020. № 23(1). S. 59-70. DOI: <https://doi.org/10.26467/2079-0619-2020-23-1-59-70>. (In Russ.)
 18. Timofeev I.N. Vtorichnye sankcii SShA na rossijskom napravlenii: opyt jempiricheskogo analiza [Secondary US sanctions on Russia: the experience of empirical analysis]. – *Sravnitel'naja politika* [Comparative politics]. 2024. № 15(1). S. 95-114. DOI: <https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114>. (In Russ.)
 19. Vylegzhanin A.N., Batalov A.A., Abaturova V.A. Peculiarities of Legal Regulation of International Air Service in the Arctic [Features of the legal regulation of international air services in the Arctic]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2025. № 2. S. 6-24. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-2-6-24>. (In Russ.)
 20. Zvereva I.V. Problemy liberalizacii rynka aviaperevozok v otnosheniyah Rossii i Evropejskogo soyuza [Air transport liberalization agenda in the Russia – EU relations]. – *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University]. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2013. № 3. S. 139-161. (In Russ.)

Информация об авторе

Вадим Валентинович ВОЙНИКОВ

Доктор юридических наук, профессор, БФУ им. И. Канта

Александра Невского ул., 14, Калининград, 236041, Российская Федерация

Профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Ведущий научный сотрудник Центра европейский и евразийских правовых исследований юридического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Гагарина пр-т, 23, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация

voinicov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1495-3227

About the Author

Vadim V. VOYNIKOV

Doctor of Law Sciences, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University

14, Alexandra Nevskogo St., Kaliningrad, Russian Federation, 236041

Professor, Department of Integration Law and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Leading Researcher, Center for European and Eurasian Legal Studies, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Gagarin Ave., 23, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603022

voinicov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1495-3227

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-110-122>

Исследовательская статья

УДК: 341.225

Поступила в редакцию: 14.05.2025

Принята к публикации: 05.12.2025

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ

Мурманский арктический университет

Капитана Егорова ул., 15, Мурманск, 183038, Российская Федерация

vkzilan@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1025-550

Елена Викторовна КИЕНКО

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

e.kienko@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8997-065X

ГРЕНЛАНДСКИЙ УЗЕЛ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К РАЗНОГЛАСИЯМ В СФЕРЕ РЫБОЛОВСТВА

ВВЕДЕНИЕ. Исторически ключевой отраслью экономики Гренландии, самого крупного острова в мире, считалось рыболовство. С изменением климата, глобальным потеплением океанических вод, особенно в Северо-Западной Арктике, интерес к промышленному использованию морских живых ресурсов в исключительной экономической зоне Гренландии значительно возрос. Сегодня в гренландских водах встречаются не только европейские и российские рыбопромысловые суда, но и суда из Китая. В связи с этим исследовательский интерес представляют особенности управления рыбной промышленностью Гренландии и международное сотрудничество между островом и другими государствами в историческом контексте и на современном этапе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основано на нормативных и научно-аналитических материалах, раскрывающих двустороннюю договорную практику Гренландии с государствами, осуществляющими рыбный промысел в примыкающих к острову морских пространствах. В статье показана история развития международно-правовых норм, а также внутреннего законодательства Гренландии по вопросам рыбного промысла. При проведении исследования авторами использовались исторический, сравнительно-правовой, логический методы, а также методы сравнительного анализа, аналогии, описания, обобщения и некоторые другие общенаучные и специальные юридические методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Авторами выделены основные причины привлекательности Гренландии для ведущих мировых рыбопромысловых держав, которые осознают стратегическую ценность этого острова для развития своей экономики. На основании проведенного анализа установлено, что Гренландия придерживается единой с Европейским союзом (ЕС) и Соединенными Штатами Америки (США) политики сдерживания России, в том числе в Арктике. В последнее время это особенно явно прослеживается в двусторонних отношениях в сфере рыболовства. Вместе с тем в отличие от Гренландии, Фарерские острова, которые также входят в состав Дании,

ведут более прагматичную политику в области рыболовства по отношению к России, продлевая действие соглашения о рыболовстве и выделяя квоты для российских судов в своей исключительной экономической зоне на взаимной основе. Этот рациональный подход, продиктованный в первую очередь соображениями экономической выгоды и истории взаимоотношений, позволяет Фарерам поддерживать стабильные отношения с Россией, несмотря на общеевропейскую тенденцию к сдерживанию российской стороны.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Происходящие геополитические изменения в мире отразились в том числе и на рыбопромышленной отрасли Гренландии. В настоящее время очевидно намеренное втягивание Гренландии в противостояние с Россией, которое негативно влияет на международное сотрудничество по использованию морских живых ресурсов и на сферу рыболовства в Северо-Западной Арктике и сопредельных морях, а также на военно-политическую обстановку в Арктическом регионе в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Северо-Западная Арктика, сопредельные моря, морские живые ресурсы, Гренландия, Фарерские острова, Дания, Россия, США, Китай, рыболовство, рыбный промысел

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиланов В.К., Киенко Е.В. 2025. Гренландский узел: от сотрудничества к разногласиям в сфере рыболовства. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 110–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-110-122>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)», www.rscf.ru/project/23-78-50012/

LAW OF THE SEA

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-110-122>

Research article

UDC: 341.225

Received 14 May 2025

Approved 5 December 2025

Vyacheslav K. ZILANOV

Murmansk Arctic University

15, Kapitana Egorova St., Murmansk, Russian Federation, 183038

vkzilan@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1025-550

Elena V. KIENKO

Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

e.kienko@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8997-065X

GREENLAND KNOT: FROM COOPERATION TO DISAGREEMENT IN FISHERIES

INTRODUCTION. Historically, fishing was considered as a key economic sector in the largest island in the world, Greenland. Due to the climate change and global warming of the World Ocean, particularly in the northwestern Arctic, the interest in the industrial exploitation of marine living resources in Greenland's exclusive economic zone has increased significantly. Today, Greenlandic waters are frequented not only by European and Russian fishing vessels, but also by vessels from China. Therefore, at this stage and in the future the governance of Greenland's fishing industry and international cooperation between the island and other countries are of particular research interest.

MATERIALS AND METHODS. The study is based on normative and scientific analytical materials that reveal Greenland's bilateral treaty practices with states engaged in fishing in the maritime areas adjacent to the island. The article examines the history of the development of international legal norms, as well as Greenland's domestic legislation on fisheries. In conducting the study, the authors used historical, comparative legal, logical, comparative analysis, analogy, description, generalization, and several other general scientific and specialized legal methods.

RESULTS OF THE RESEARCH. The authors highlight the main reasons for Greenland's attractiveness to the world's leading fishing powers recognized the island's strategic value for the development of their economies. In the analysis it has been revealed that Greenland adheres to a policy of containing Russia, in line with the EU and the US policy, including in the Arctic region. This has become evident in current bilateral fisheries relations. However, unlike Greenland, the Faroe Islands, as a part of Denmark, pursue a more pragmatic fisheries policy vis-à-vis Russia,

extending the fisheries agreement and allocating quotas for Russian vessels in their exclusive economic zone on a reciprocal basis. This rational approach, primarily based on economic interests and historical relationships, allows the Faroe Islands to maintain stable relations with Russia despite the European trend toward Russia's containment.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. The current geopolitical shifts have impacted the fishing industry. It is expected that the deliberately drawing Greenland into a standoff with Russia will negatively impact international cooperation in the marine living resources exploitation and fisheries in the northwestern Arctic and adjacent seas, as well as the overall military and political situation in the Arctic region.

KEYWORDS: the Northwest Arctic, adjacent seas, marine living resources, Greenland, the Faroe Islands, Denmark, Russia, the United States, China, fisheries

FOR CITATION: Zilanov V.K., Kienko E.V. Greenland Knot: from Cooperation to Disagreement in Fisheries. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 110–122. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-110-122>

The authors declare the absence of conflict of interest.

Acknowledgements: The research is funded by the grant of the Russian Science Foundation №20-78-10159 “The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: The Peculiarity of Influence on Security Policy (on the Example of the Scandinavian-Baltic Region States)”, <https://rscf.ru/project/23-78-50012/>

1. Введение

Гренландия – самый большой остров в мире площадью 2,131 млн км², северная точка которого находится всего в 707 км от Северного полюса. Самая восточная точка восточного побережья Гренландии расположена в 1 500 км от архипелага Шпицберген и около 2 тыс. км от Кольского полуострова. Территория острова на 81 % покрыта ледниками, которые в своей толще содержат до 10 % мировых запасов пресной воды.

Природные ресурсы Гренландии, прежде всего, медь, свинец, цинк, серебро, палладий, уран, тантал, ниобий, графит и редкоземельные элементы, классифицируются как «критически важные виды сырья», а углеводородные запасы на его континентальном шельфе – как перспективные для будущего освоения. Вместе с тем несоизмеримо большее значение имеют морские живые ресурсы гренландской исключительной экономической зоны (ИЭЗ)¹, которые сегодня составляют основу экономики острова.

¹ Береговая линия вокруг острова Гренландия составляет 44, 1 тыс. км, а ее 200-мильная зона имеет площадь 370,4 тыс. км².

В настоящее время Гренландия обладает широкой автономией во внутренних делах, включая вопросы охраны окружающей среды и рыболовства. Центральное правительство Дании сохраняет контроль над внешней политикой, обороной и финансовой системой. При этом Гренландия имеет право заключать международные соглашения по вопросам, относящимся к компетенции местных властей, в том числе по вопросам рыбного промысла.

Ведущие мировые державы, прежде всего, США, Китай и Россия проявляют активный интерес в отношении Гренландии, который продиктован возможностью освоения гренландских природных ресурсов, а также использованием острова в качестве плацдарма для развития высокоширотного судоходства.

Соединенные Штаты активизировали усилия по укреплению своего влияния на остров потенциально для противодействия российскому и китайскому присутствию в Арктике². Несмотря на наличие в Гренландии американской военно-космической базы Питуффик (бывш. Туле), имеющей стратегическое значение для ядерных сил США, и действия Соглашения относительно обороны Гренландии 2004 г., российское военное присутствие в регионе обострило американский интерес к Гренландии. Китай также проявляет интерес к Гренландии, рассматривая остров как перспективное направление для расширения своего влияния, особенно в сфере инвестиций в его инфраструктурные проекты, а также в области разведки и разработки природных ресурсов. Такие инвестиционные проекты уже реализуются китайской стороной на основании соглашений о создании совместных предприятий, о разделе продукции и т.д. Китайские компании участвуют в разведке и разработке месторождений Гренландии посредством приобретения лицензий, акций гренландских

компаний, подписания контрактов на осуществление проектов в горнодобывающей отрасли. В числе наиболее известных: железный рудник Исуа, рудник по добыче цветных металлов во фьорде Ситронен, медный рудник на полуострове Вегенер и редкоземельный рудник Кванефьельд [Воротников, Збирун 2024:104].

Еще большему вниманию к Гренландии со стороны мирового сообщества способствовало озвученное намерение Президента США Дональда Трампа присоединить остров. В январе 2025 г. представители Республиканской партии подготовили законопроект, разрешающий Президенту США начать переговоры о приобретении острова Гренландия у Королевства Дания³. Д. Трамп обосновал это необходимостью «...обеспечения национальной безопасности (США) для защиты свободного мира»⁴. В намерении американской администрации присоединить остров прослеживается стремление стать еще и «европейским государством», что позволит им больше оказывать влияние и диктовать свою политику всем другим государствам – членам ЕС и Великобритании.

Сопrotивление замыслу Трампа по присоединению Гренландии встретило непринятие не только правительства Дании, местного правительства Гренландии, но и ряда государств – членов ЕС. Так, датское правительство выказало резкое недовольство. Премьер-министр Метте Фредериксен назвала предложения «абсурдными», указав на то, что Гренландия не продается и не может быть предметом купли-продажи⁵. Датское правительство также акцентировало внимание на том, что решение о будущем Гренландии должно приниматься в первую очередь ее населением. Премьер-министр Гренландии Йенс-Фредерик Нильсен высказался о предложениях Дональда Трампа еще более жестко, подчеркнув, что местные власти заявили о своей

² Подробнее об этом см. в Стратегии США в Арктическом регионе 2022 г. (National Strategy for the Arctic Region). URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 23.03.2025), а также в Стратегии безопасности США, того же года (National Security Strategy). URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

³ H.R. 361: Make Greenland Great Again Act. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/119/hr361/text> (дата обращения: 23.03.2025).

⁴ Зиланов В.К. Гренландский узел Трампа: кто его разрубит. – *Информационное агентство REX*. URL: <https://iarex.ru/articles/144336.html> (дата обращения: 23.03.2025).

⁵ «Борьба за Арктику усиливается»: к каким геополитическим последствиям могут привести планы Трампа купить Гренландию. – *RT*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/660888-tramp-grenlandiya-kupit> (дата обращения: 23.03.2025).

решимости развивать Гренландию как независимую и суверенную территорию, с акцентом на ее культурные корни и идентичность: «Мы никому не принадлежим. Мы сами определяем свое будущее»⁶.

Некоторые представители европейских стран, в частности Норвегии и Швеции, обеспокоены изменениями геополитической конфигурации в Арктическом регионе в случае реализации задумки Президента США. По их мнению, это повлечет за собой создание нестабильной ситуации в регионе ввиду потери контроля за ресурсами соседних государств. Сами гренландцы в опросах и заявлениях неоднократно подчеркивали, что они гордятся своей самобытностью и не желают превращаться в объект торговли и манипуляций. Желание сохранить культурную идентичность, а также экономическую автономию, особенно в области устойчивого использования и сохранения морских живых ресурсов и рыболовства, стало главной точкой противостояния как предложению Трампа, так и влиянию Дании. Отметим, что при любых вариантах развития событий относительно хода присоединения к территории США острова Гренландия, принадлежащего Дании, решающее слово останется за жителями этого самого большого острова в мире. Им самим придется разрубить «гренландский узел Трампа», так как они посчитают целесообразным для своего будущего развития⁷.

2. Становление и развитие правового регулирования рыбного промысла в Гренландии

Сегодня вдоль побережья восточной и западной Гренландии ведется крупномасштабное промышленное рыболовство. Экспорт рыбы и морепродуктов (в основном креветок, палтуса и трески) составляет более 90 % от общего объема экспорта Гренландии и в 2024 г. достиг 516 млн евро⁸. Рыбопромысловая отрасль является ключевой в экономике Гренландии (занято 15 % трудоспособного населения). Вторым по значимости сектором является оптовая и розничная торговля. Горнодобывающая промышленность,

стратегический сектор с неиспользованным потенциалом, в настоящее время развита слабо (менее 0,5 % занятости)⁹.

Рыболовство в Гренландии делится на «прибрежное» (inshore), которое осуществляется в пределах 3 морских миль и «морское» (offshore) – в пределах ИЭЗ и в открытом море (с соблюдением обязательств по международным соглашениям). Напомним, что свобода рыболовства в открытом море является, наряду со свободой судоходства, важнейшей составляющей статуса открытого моря [Золотой фонд 2021:275]. Согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. понятие открытого моря сужается лишь в том случае, если прибрежное государство своим национальным законом устанавливает свою ИЭЗ (шириной до 200 морских миль). В этом случае в такой зоне нет свободы рыболовства, и сама эта зона, согласно ст. 86 Конвенции 1982 г., не является частью открытого моря. Иными словами, свобода рыболовства других стран (как составная часть принципа международного права – свободы открытого моря) у побережья Гренландии действует только в открытом море, а оно «включает в себя все части моря, которые не входят ни в исключительную экономическую зону, ни в территориальное море или внутреннее воды какого-либо государства, ни в архипелажные воды государства-архипелага» [Зиланов, Киенко, Луговская 2022:52].

Промышленное рыболовство в Гренландии развивалось медленными темпами начиная с конца XIX века, хотя было известно, что в морских районах обитают такие объекты рыболовства, как треска, гренландский палтус, камбаловые, креветка и ряд других. После Второй мировой войны, благодаря индустриализации в 1950-х и 1960-х гг., был дан толчок развитию исследований морских живых ресурсов в гренландских водах иностранными научно-поисковыми судами и рыбопромысловым флотом. Работы эти осуществлялись в водах за пределами территориального моря, прилегающих к западной и восточной Гренландии, и организации здесь коммерческого рыболовства.

⁶ Greenland's new PM rejects Trump's latest threat: 'We do not belong to anyone else'. – *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/mar/31/greenland-donald-trump-us-plans-pm-jens-frederik-nielsen> (дата обращения: 23.03.2025).

⁷ Зиланов В.К. Гренландский узел Трампа: кто его разрубит.

⁸ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2025\)769534](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2025)769534) (дата обращения: 03.04.2025).

⁹ Ibidem.

Отметим, что подобные тенденции были характерны не только для Гренландии: весь послевоенный период вплоть до конца 60-х гг. представляет собой время становления современного промышленного рыболовства, на что повлиял в первую очередь значительный рост мировых уловов с 1950 по 1969 г. [Печеник 1960; Мировой океан ... 1986:82]. Одновременно и гренландский рыболовный флот наращивал свой улов как в территориальных водах, так и в открытом море [Rasmussen, Hamilton 2001:6].

В 1960-х гг. было введено требование, согласно которому все датчане, осуществляющие рыбный промысел в определенных морских районах в пределах 12-мильного территориального моря, имели постоянное место жительства в Гренландии и проживали там не менее полугода. Ограничения промысла для датских компаний в морских пространствах Гренландии действовали вплоть до 1979 г. [Rasmussen, Hamilton 2001:6]. С расширения территориального моря с 3 до 12 морских миль в 1963 г. началось управление иностранным рыболовством в Гренландии. Для отдельных европейских государств (Франции, Исландии, Норвегии, Испании, Великобритании и Германии) было установлено 10-летнее разрешение на промысел до 6 морских миль [Rasmussen, Hamilton 2001:6].

Этот период также отмечен увеличением числа межгосударственных соглашений по использованию морских живых ресурсов, усилением роли международных рыболовных организаций. Соглашения о регулировании рыболовства в открытом море того периода заключались в основном по вопросам сотрудничества и охраны живых ресурсов в определенных географических районах моря или для регулирования промыслов определенных видов живых организмов. Эти соглашения устанавливали квоты вылова рыбы различных видов, запретные для промысла сезоны, размеры ячей рыболовных сетей и другие правила [Зиланов, Киенко, Луговская 2022:53]. В совокупности это свидетельствовало о признании ограниченности потенциала, особенно традиционных видов промысла [Мировой океан ... 1986:83].

Значительные изменения в сфере рыболовства произошли в 1980-х гг. в связи с подписанием Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

и введением нового института морского права – ИЭЗ [Международная конвенция...1985:53]. С этого момента рыбопромысловые зоны оказались под юрисдикцией прибрежных государств, что повлекло активизацию промысла в районах открытого моря за их пределами [Зиланов, Киенко, Луговская 2022:54]. По причине установления ИЭЗ и принятия Закона о внутренней автономии 1979 г. Гренландия получила контроль над рыбными ресурсами, обитающими в ее морских пространствах¹⁰, аналогично, как это было ранее определено для Фарерских островов. В результате этого иностранный промысел был сокращен.

Впоследствии Гренландия (вместе с Фарерами) получила еще большую самостоятельность. В 1982 г. в Гренландии был проведен референдум, на котором большинство населения (53 %) проголосовало за выход из ЕС [Вилкова 2018:79]. Причиной такому решению послужили разногласия Гренландии с Европейским экономическим сообществом относительно общей политики в области рыболовства и стремления вернуть себе автономию в управлении рыбными ресурсами. Поскольку в Римском договоре 1957 г. отсутствовали положения о выходе из сообществ как государства, так и отдельных его автономий, детали выхода обсуждались путем переговоров. Результатом явилось принятие в 1984 г. Договора об изменении договоров, учреждающих Европейские сообщества, в отношении Гренландии, который подписали главы всех десяти государств, входивших в Европейские сообщества на тот момент: Бельгии, Дании, Германии, Греции, Франции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов и Великобритании [Вилкова 2018:79]. После референдума о выходе из Европейских сообществ учредительные договоры ЕС перестали действовать в отношении Гренландии, позволив гренландцам взять на себя вопросы регулирования рыболовства [Rasmussen, Hamilton 2001:16]. С 1985 г. по настоящее время двусторонние отношения в сфере рыболовства между ЕС и Гренландией заключаются в том, что европейские суда могут осуществлять рыболовство в гренландских водах в обмен на финансовую помощь и беспопышный доступ гренландской рыбной продукции на рынок ЕС¹¹. Стоит отметить, что при этом к Гренландии как к самоуправляющейся территории

¹⁰ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025.

¹¹ Ibidem.

в составе Дании не применяется «Единая рыболовная политика ЕС», которая направлена на обеспечение равенства юридических и физических лиц его государств-членов при осуществлении рыболовства и которые Дания выполняет как государство – член ЕС. Проблемы реализации общей рыболовной политики сохраняются, поскольку Дания отказывается применять эту политику к 200-мильной зоне у побережья Гренландии, с учетом автономного статуса этого острова и обязательств перед его населением [Вылегжанин 2009:293].

Изменение правового статуса Гренландии в 1979 г. (Закон о внутренней автономии Гренландии), и впоследствии – расширение полномочий местных властей острова в 2009 г. (Закон о самоуправлении Гренландии), создали новые основы для современного управления рыболовством.

В январе 2025 г. вступил в силу новый Закон о рыболовстве Гренландии (Greenland Fisheries Act)¹². Документ задает правовые рамки для рыбного промысла Гренландии с целью получения гренландцами долгосрочной экономической прибыли от своих рыбных запасов, которые названы «общей собственностью гренландского народа»¹³. В соответствии с Законом, любительское рыболовство возможно без предварительного разрешения для жителей Гренландии. Для промышленного рыболовства требуется получение лицензии, которая выдается только гренландским компаниям, соответствующим требованиям резидентства, налогообложения и права собственности, или иностранным компаниям в соответствии с международными соглашениями и специальными разрешениями¹⁴. Гренландские частные компании должны находиться в полном владении Гренландии и исключать финансирование со стороны иностранных совладельцев¹⁵. Иностранные суда могут вести промысел только по лицензии за пределами 12 морских миль¹⁶. Закон также установил

требование о разработке многолетних планов управления рыбными запасами. Они должны включать правила установления общего допустимого улова (ОДУ), который определяется ежегодно для каждой популяции, и квот (в соответствии с четкими целями и количественными показателями) и предусматривать технические и контрольные меры (например, ограничения на орудия лова и периодическое закрытие промыслов)¹⁷. После установления ОДУ они распределяются в виде квот между различными компонентами рыбодобывающего флота. Решения о квотах принимаются на основе научных рекомендаций Гренландского института природных ресурсов, Международного совета по исследованию моря (ИКЕС) и Организации по рыболовству в Северо-восточной части Атлантики (НЕАФК) и в Северо-западной части Атлантического океана (НАФО)¹⁸. Квоты предоставляются на определенные сроки (например, 10 лет для креветок и палтуса) и могут быть отозваны или перераспределены в случае их неполного использования или нарушения юридических обязательств. Закон также содержит положения о выгрузке, переработке, сохранении, контроле, сборе данных и санкциях за их нарушение¹⁹.

3. Двусторонние соглашения в сфере рыболовства с участием Гренландии

Воздействие климата на морскую среду может повлечь изменения в рыболовной сфере. По некоторым оценкам, существующие рыбные запасы могут исчезнуть и никогда не восстановиться, другие – могут стать доминирующими, а новые виды рыб могут распространиться в арктических морях. Вовлечение дополнительных морских живых ресурсов в промысел весьма перспективно и порождает конкуренцию между государствами [Теория и практика 2010:115]. Вместе с тем, несмотря на сокращение площади льда и развитие технологий промышленного

¹² Закон о рыболовстве Гренландии вступил в силу частично: обязательство о закупках 30 % улова вступит в силу с 1.01.2030 (пар. 76).

¹³ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025.

¹⁴ Fisheries Act (No. 29 of 2024). URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC237712> (дата обращения: 23.05.2025).

¹⁵ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025.

¹⁶ Fisheries Act (No. 29 of 2024).

¹⁷ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Fisheries Act (No. 29 of 2024).

рыболовства, более вероятно, что новые возможности для рыболовства появятся в ИЭЗ прибрежных государств, прежде чем появятся в открытом море [Molenaar 2013:105]. Поэтому заинтересованные в морском рыболовстве государства стремятся развивать международно-правовое сотрудничество с прибрежными государствами, располагающими значительными запасами морских живых ресурсов в их ИЭЗ, по использованию таких запасов. В этих целях, как правило, заключаются двухсторонние соглашения, благодаря которым согласуются условия и обязательства допуска рыболовного флота других государств к промыслу тех рыбных запасов, которые недоиспользуются своим прибрежным рыболовством, без подрыва самих запасов. При этом исключительное право прибрежного государства регулировать рыболовство в своих территориальных водах и ИЭЗ считается общепризнанным [Военно-морской...1966:233]. Кроме того, в таких международных документах содержатся нормы о совместном управлении рыболовством, ограничениях на улов и промысловом усилии, общих допустимых уловах, справедливом распределении квот между сторонами, характеристиках орудий лова, предоставлении взаимного доступа к ИЭЗ прибрежных государств и т.д.

К настоящему времени у Гренландии сформировалась солидная договорно-правовая основа сотрудничества, прежде всего, с Норвегией, Фарерскими островами, Россией и ЕС.

Двустороннее сотрудничество между Гренландией и Норвегией осуществляется на основании Соглашения о взаимных отношениях в области рыболовства (Agreement on Mutual Fishery Relations) 1992 г.²⁰ посредством ежегодных двусторонних консультаций сторон. Соглашение охватывает районы ИЭЗ за пределами материковой части Норвегии, включая 200-мильную рыбоохранную зону вокруг Шпицбергена ("fishery protection zone surrounding Svalbard"), рыболовную зону у берегов о. Ян-Майен, а также у побережья Гренландии. В отношении «рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена» необходимо отметить, что этот термин был в одностороннем порядке закреплён в норвежском законодательстве в 1977 г. В Договоре о Шпицбергене 1920 г.,

который определил правовой статус этого архипелага [Арктическая... 2024:261], такого понятия нет – в нём упоминаются только «территориальные воды местностей» Шпицбергена, в которых все лица государств-участников имеют «одинаковый свободный доступ для любой цели и задачи» и допущены на одинаковых основаниях к использованию природных ресурсов, в том числе к рыбному промыслу [Вылегжанин, Зиланов, Савва 2019:96-97].

Согласно ст. 2 Соглашения, каждая сторона ежегодно устанавливает ОДУ и после консультаций определяет квоты для рыболовных судов другой стороны. В этом международно-правовом документе закреплено не только право на рыболовство, но и обязанность по проведению научных исследований и разработок, в целях «достижения баланса» ("...to achieve balance in the cooperation between the Parties in fisheries which, in addition to fishing rights, shall also include research and development"). При этом каждая сторона сама определяет для себя необходимые меры для обеспечения сохранения, рационального управления и регулирования рыболовства в своем районе с учетом предотвращения создания каких-либо препятствий для мощностей промысла, разрешенных рыболовным судам другой стороны ("such measures and any measures taken after the annual establishment of harvesting capacities shall take account of the need to avoid creating any obstacles to the harvesting capacities allowed for fishing vessels of the other Party"). В ст. 6 Соглашения в связи с этим сказано, что оно основано на общем понимании необходимости разумного управления и сохранения морских живых ресурсов, а также содействия научным исследованиям в отношении рыбных запасов, находящихся в их ИЭЗ, а также за их пределами – в пространствах, примыкающих к ИЭЗ. Подтверждая приверженность развитию устойчивого рыболовства и проведению совместных научных исследований, Стороны следующим образом согласовали квоты на 2025 г.: Гренландия получила 3 700 тонн трески, 675 тонн пикши и 575 тонн сайды в Баренцевом море, а также квоты на прилов других видов; Норвегия имеет доступ к гренландским водам для вылова до 1350 тонн трески, 1050 тонн палтуса,

²⁰ Agreement between Denmark (also on behalf of Greenland) and Norway concerning mutual fishery relations. Signed at Copenhagen on 9 June 1992. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0073.pdf (дата обращения: 03.04.2025).

500 тонн морского окуня, 540 тонн малька и 150 тонн макруруса, а также квоты на прилов²¹.

Международное сотрудничество ЕС с Гренландией реализуется с 1985 г. посредством соглашения о партнерстве в области устойчивого рыболовства, которое носит рамочный характер. Как правило, в соответствии с таким видом договоренности, ЕС предоставляет финансовую и техническую помощь в обмен на право на рыболовство [Бекашев, Смольникова, Лаева 2021]. Последнее Соглашение о партнерстве в области устойчивого рыболовства между ЕС, Гренландией и Данией было заключено в 2021 г. со сроком действия до 2027 г.²² В нем подчеркивается, что рыболовство регулируется законами и правилами, действующими в Гренландии и Дании.

Этот международный документ является единственным в своем роде соглашением по рыболовству с участием Гренландии, в котором содержится положение о финансовой помощи. Финансовый взнос осуществляется ЕС в пользу Гренландии ежегодно и может быть пересмотрен, например, в случае сокращения рыболовных возможностей (ст. 8). В Соглашении стороны обязуются обеспечивать непрерывное устойчивое рыболовство в ИЭЗ Гренландии на основе принципов недискриминации между различными рыбопромысловыми судами и устойчивой эксплуатации морских биологических ресурсов. Под последним принципом понимаются излишки, определенные гренландской стороной, а также научными рекомендациями, общим промысловым усилием и общим объемом улова соответствующих запасов. При этом судам ЕС предоставляется преференциальный доступ к имеющимся излишкам. В соответствии со ст. 5, компетентные органы Гренландии выдают судам ЕС разрешения на рыболовство, соразмерные рыболовным возможностям. Эти рыболовные возможности могут использоваться судами, плавающими под флагом Норвегии, Исландии и Фарерских островов и зарегистрированными в этих странах, в той мере, в какой это необходимо для надлежащего выполнения

соглашений о рыболовстве, заключенных ЕС с этими сторонами. В связи с этим Гренландия обязуется разрешать судам, плавающим под флагом Норвегии, Исландии и Фарерских островов и зарегистрированным в этих странах, вести рыболовную деятельность в своей ИЭЗ. В целях обеспечения управления и сохранения морских живых ресурсов в ИЭЗ Гренландии создается Совместный комитет; а также проводятся консультации сторон, в том числе в рамках заинтересованных региональных организаций по управлению рыболовством и региональных организаций по рыболовству. В развитие Соглашения был принят Протокол (со сроком до 2030 г.), без подписания которого рыболовные суда ЕС осуществлять рыболовство в гренландских водах не имеют права [Бекашев, Смольникова, Лаева 2021].

Соглашение о рыболовстве с Фарерскими островами было заключено в 1997 г. В ноябре 2024 г. Гренландия и Фарерские острова подписали соглашения об обмене квотами на 2025 г., отметив, что этот документ имеет важное значение для обеих стран Северной Европы²³. Для Фарерских островов квоты на вылов рыбы в Гренландии на 2025 г. остаются такими же, как и в 2024 г.: квота на 2 500 тонн трески в гренландских водах, квоту на мигрирующего тунца в размере 375 тонн. Что касается палтуса, то для Фарерских островов установлен 50-тонный прилов палтуса, который делится на 325 тонн в Восточной Гренландии и 100 тонн в Западной Гренландии, а также квоты на некоторые другие виды рыбы и морепродуктов. Гренландские же рыболовные суда получили квоты на 23 750 тонн путассу и 4 900 тонн сельди в водах Фарерских островов²⁴.

Правовой основой двустороннего сотрудничества между Гренландией и Российской Федерацией является Соглашение между правительством Российской Федерации, с одной стороны, и правительством Королевства Дании и местным правительством Гренландии, с другой стороны, о взаимных отношениях в области

²¹ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025.

²² Sustainable Fisheries Partnership Agreement Between the European Union, of the one part, and the Government of Greenland and the Government of Denmark, of the other part. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A2021A0518%2801%29&qid=1424957307348> (дата обращения: 03.04.2025).

²³ 2025 fisheries agreement signed between Faroe Islands and Greenland. URL: <https://www.icenews.is/2024/11/29/2025-fisheries-agreement-signed-between-faroe-islands-and-greenland/> (дата обращения: 03.04.2025).

²⁴ EU-Greenland relations in fisheries. March 2025.

рыболовства между Российской Федерацией и Гренландией от 7 марта 1992 г. (Соглашение 1992 г.)²⁵ В соответствии с Соглашением 1992 г., российские суда осуществляют рыбный промысел в водах, находящихся под юрисдикцией Гренландии в Северной Атлантике и прилегающих морях. Аналогичные права представлены и гренландским судам в водах, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации в Северной Атлантике и прилегающих морях, а это, прежде всего, восточная часть Баренцева моря. Это положение является ключевым элементом договоренности и отражено в ст. 1–2 Соглашения 1992 г. Условия и механизмы осуществления рыболовства гренландскими и российскими судами в морских районах, находящихся под юрисдикцией сторон, определены в ст. 3–6, которыми предусмотрен взаимный обмен квотами на вылов морских живых ресурсов (палтуса, окуня, трески, пикши) на взаимовыгодной основе. Соглашением предусмотрено также сотрудничество в рамках соответствующих международных организаций в целях обеспечения сохранения рыбных запасов и надлежащего управления ими – в отношении запасов, находящихся за пределами действия национальной юрисдикции. Это относится, прежде всего, к взаимосвязанным запасам, которые в силу своих биологических особенностей в определенные периоды могут находиться, как в ИЭЗ, так и в районах открытого моря. Стороны также договорились содействовать сотрудничеству между заинтересованными фирмами, предприятиями, объединениями и организациями, а также проведению научных исследований, когда это представляет взаимный интерес (ст. 8). Для решения практических вопросов сотрудничества ежегодно проводятся консультации между российской и гренландской сторонами по всему спектру вопросов, отраженных в Соглашении 1992 г.

Все это осуществлялось на взаимовыгодной основе и с согласия обеих сторон²⁶. Ежегодные переговоры о взаимном промысле в ИЭЗ друг друга проводились вплоть до 2022 г. С момента

действия Соглашения 1992 г. и по 2022 г. было проведено 30 ежегодных консультативных заседаний Сторон, на которых рассматривались все вопросы, касающиеся взаимного рыболовства в их ИЭЗ. Так, Протокол от 2022 г. предоставил российским судам доступ в гренландские воды для вылова до 1 750 тонн палтуса и 100 тонн красной рыбы – окуня. Взамен гренландские суда получали квоты в 3 691 тонну трески и 250 тонн пикши из российских квот в Баренцевом море. Однако в 2022 г. Гренландия приостановила соглашение о рыболовстве с Россией «в связи с сокращением запасов некоторых видов рыб». Это означает, что в 2023–2025 гг. (не исключено, что и в последующие годы) Гренландия не намерена реализовывать свое право добычи трески и других рыб в Баренцевом море, и ни одно российское рыболовное судно не будет иметь доступа к промыслу палтуса и других рыб в ИЭЗ Гренландии. Это, формальное, мягко выраженное, объяснение. Истинная же причина, вероятно, кроется в присоединении Дании, как члена ЕС и Организации Североатлантического договора (НАТО), следовательно, и Гренландии к санкциям против Российской Федерации.

В сложившихся условиях Гренландия более заинтересована в развитии международного сотрудничества в сфере рыболовства с Канадой, США, странами ЕС, чем с Россией. Причиной тому служат также и финансовые вопросы: Гренландия получает финансирование от ЕС в обмен на ограниченный доступ к рыболовному промыслу и другим ресурсам [Вилкова 2018:82]. В связи с этим в июне 2022 г. бывший гренландский премьер М. Эгеде заявил о том, что «рыбный экспорт в Россию в последние годы составлял порядка 15 %»; что Гренландия пытается «наладить рынки сбыта в США и Канаде»; что у острова «хороший рынок сбыта в Великобритании и странах ЕС» и что ведутся «переговоры с Великобританией о создании зоны свободной торговли». В более широком контексте, призывал гренландский премьер «к более интенсивной экономической интеграции Гренландии с США и Канадой»²⁷.

²⁵ Соглашение между правительством Российской Федерации, с одной стороны, и правительством Королевства Дании, и местным правительством Гренландии, с другой стороны, о взаимных отношениях в области рыболовства между Российской Федерацией и Гренландией от 7 марта 1992 г. URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_310/doc310a558x390.htm (дата обращения: 03.04.2025)

²⁶ Зиланов В.К. Гренландский узел Трампа: кто его разрубит.

²⁷ Остров Гренландия – на грани «независимости», поощряемой англосаксами. – *Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика»*. URL: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/ostrov-grenlandiya-na-grani-nezavisimosti-pooshhryaemoj-anglosaksami/> (дата обращения: 23.03.2025).

Фарерские острова, как самоуправляющаяся территория в составе Дании, также не входящая в ЕС, принимают самостоятельно решения по вопросам рыболовства и выделения квот для заинтересованных государств. За продолжение сотрудничества с Россией особенно решительно выступали жители северных районов Фарер, зарабатывающие рыбной ловлей на жизнь. В отличие от Гренландии, Фарерские острова продлили Соглашение о рыболовстве с Россией, действующее с 1977 г., и определили квоты вылова рыбы в морских районах ИЭЗ двух стран. Оно дает фарерским рыболовным компаниям доступ к вылову трески в Баренцевом море в обмен на возможность рыбной ловли в фарерских водах для российских судов. По условиям обновленного соглашения, Фарерские острова получили квоту на ловлю 20 тыс. тонн трески и пикши в Баренцевом море, в то время как российская квота включает 100 тыс. тонн на вылов путассу, сельди и скумбрии в ИЭЗ Фарерских островов; российские суда также могут использовать фарерские порты для разгрузки и перегрузки улова [Белухин 2022]. В результате успешной рыбопромысловой политики Фарерские острова стали крупнейшим экспортером рыбной продукции в Россию (в 2014–2021 гг.) [Плюснин 2023:118]; в настоящее время действует Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Фарерских островов 2018 г.²⁸, Соглашение о свободной торговле с Евразийским экономическим союзом находится на стадии разработки [Gad 2020].

4. Выводы

Гренландия становится центром внимания для ведущих мировых держав, которые стремятся укрепить свои позиции в регионе. Ее рыболовные ресурсы, в сочетании с изменениями климата, определяют не только экономическую стратегию острова, но и его геополитическую значимость.

Рыболовство является в настоящее время одним из основных источников дохода для гренландцев. Учитывая, что около 90 % всего экспорта страны составляет рыбная продукция, устойчивое управление морскими живыми

ресурсами и рыболовством критически важно для экономики острова. Правительство Гренландии активно работает над тем, чтобы внедрить стратегии, позволяющие использовать свои рыбные запасы на благо гренландского населения, в том числе посредством принятия новых законов. В международных двусторонних соглашениях по управлению рыболовством с участием Гренландии учитываются состояние экосистемы и технологии, позволяющие минимизировать негативное влияние на морскую среду. В таких соглашениях закреплён принцип предосторожного подхода к рыболовству и подчеркивается обязанность по проведению научных исследований сторонами. Важно, что применение принципа предосторожного подхода не должно носить дискриминационного характера и быть инструментом политических и экономических игр [Бекашев 2017:70].

Гренландия активно сотрудничает с международными научными учреждениями, чтобы изучать колебания численности, миграцию объектов рыболовства и их реакции на изменения окружающей среды. Несмотря на имеющийся огромный потенциал для взаимовыгодного сотрудничества по использованию морских живых ресурсов и управления рыболовством, Гренландию втягивают в противостояние с Россией, которое вряд ли будет способствовать продвижению международного сотрудничества в Северо-Западной Арктике и сопредельных морях по сохранению морских живых ресурсов и их оптимальному использованию. Не менее важна и стабилизация низкой военно-политической напряженности в этом регионе. Примечательно, что в данном случае Фарерские острова, которые также являются самоуправляющейся территорией Дании, представляют собой пример здравого компромисса между экономическим прагматизмом и политической целесообразностью и воздерживаются пока от антироссийской риторики.

В связи с этим перспективным представляется предложить гренландцам, используя прошлый опыт промысла глубоководных объектов российскими рыбопромысловыми судами в районах Западной Гренландии и Гренландско-Канадского порога, приступить здесь

²⁸ Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Правительством Фарерских островов 2018 г. – Евразийский экономический союз. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/3857/> (дата обращения: 03.04.2025).

к совместным с Россией исследованиям состояния запасов тупорылого макрураса, камбалы-ерша и палтуса. В последующем на основе этих исследований приступить к организации в данном районе совместного рыболовства, заключив

в этих целях соответствующее межправительственное соглашение либо обязательный для обеих сторон правовой документ на определенный период.

Список литературы

1. *Арктическая правовая энциклопедия*. 2024. Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Н. Вылегжанина. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 280 с.
2. Бекашев Д.К. 2017. *Международно-правовые проблемы управления рыболовством*. Монография. Москва: Проспект. 512 с.
3. Бекашев Д.К., Смольникова Н.А., Лаева А.О. 2021. Правовые аспекты сотрудничества европейского союза с третьими государствами в области рыболовства. – *Advances in Law Studies*. Т. 9. № 2. С. 36–40. URL: <https://alsj.ru/ru/nauka/article/44918/view> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Белухин Н.Е. 2022. «Мы в этом не Копенгаген»: Фареры продлили рыболовное соглашение с Россией. – *ИМЭМО РАН*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/mi-v-etom-ne-kopengagen-fareri-prodlili-rybolovnoe-soglasenie-s-rossiei> (дата обращения: 03.04.2025).
5. Вилкова М.Ю. 2018. Право сецессии в европейской интеграции: опыт Гренландии и Великобритании. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 5. С. 78–83.
6. *Военно-морской международно-правовой справочник*. Авт. колл.: П.Д. Бараболя, А.С. Бахов, Л.А. Иваненко. Москва: Воениздат, 1966. 500 с.
7. Воротников В.В., Збирун Д.Н. 2024. Проблема сепаратизма Гренландии и Фарерских островов во внешней политике Королевства Дания. – *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 97–111.
8. Вылегжанин А.Н. 2009. Европейский союз: к созданию правовых основ комплексной морской политики. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 289–305.
9. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., Савва В.М. 2019. *Правовой режим Шпицбергена и прилегающих морских районов*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. Москва: Норма. 308 с.
10. Зиланов В.К., Кienko Е.В., Луговская А.А. 2022. Современные международно-правовые вопросы предотвращения нерегулируемого рыболовства в Арктике. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 49–67.
11. *Золотой фонд российской науки международного права*. Т. III. Международное право. 2021. Под ред. В.А. Уляницкого. Москва: Международные отношения. 488 с.
12. *Международная конвенция по морскому праву 1982 г.* Пособие для офицеров военно-морского флота. 1985. Под ред. В.А. Серкова. Москва: Военное издательство. 224 с.
13. *Мировой океан: экономика и политика: международные проблемы освоения*. 1986. Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. Под ред. Е.М. Примакова. Авт. колл.: Барсегов Ю., Войтоловский Г., Любимов Л., Могилевкин И., Рогинко А. Москва: Мысль. 620 с.
14. Печеник Л.Н. *Сырьевая база и условия промысла в районе Западной Гренландии*. 1960. Москва: Изд-во «Рыбное хозяйство». 40 с.
15. Плюснин Р.М. 2023. Внешняя торговля Фарерских островов в 2014–2022 гг.: разворот на Россию. – *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. No. 1. С. 114–122.
16. *Теория и практика морской деятельности*. Серия научных публикаций под ред. проф. Г.К. Войтоловского. Выпуск 17. 2010. Москва: СОПС. 259 с.
17. Gad U.P. 2020. Greenland, the Faroe Islands, and Denmark: Unity or Community? – P. Munk Christiansen, J. Elklit, P. Nedergaard (Eds.), *The Oxford Handbook in Danish Politics*, Oxford University Press. P. 28–45.
18. Molenaar E.J. 2013. Status and Reform of International Arctic Fisheries Law. – *Arctic Marine Governance: Opportunities for Transatlantic Cooperation*. Eds. by E. Tedsen, S. Cavalieri, R.A. Kraemer. P. 103–125.
19. Rasmussen, R.O., Hamilton L.C. 2001. *The Development of Fisheries in Greenland, with Focus on Paamiut/Fredrikshåb and Sisimiut/Holsteinsborg*. Roskilde, Denmark: North Atlantic Regional Studies. 62 p.

References

1. *Arkticheskaya pravovaya entsiklopediya [Arctic legal encyclopedia]*. Pod obshch. red. A.V. Torkunova, A.N. Vylegzhanina. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2024. 280 p. (In Russ.)
2. Bekyashev D.K. *Mezhdunarodno-pravovye problemy upravleniya rybolovstvom [International legal fisheries management's problems]*. Monography. Moscow: Prospekt. 2017. 512 p. (In Russ.)
3. Bekyashev D.K., Smol'nikova N.A., Laeva A.O. *Pravovye aspekty sotrudnichestva evropeiskogo soyuza s tret'imi gosudarstvami v oblasti rybolovstva [Legal aspects of cooperation between EU and third states]*. – *Advances in Law Studies*. 2021. T. 9. № 2. P. 36–40. URL: <https://alsj.ru/ru/nauka/article/44918/view> (data obrashheniya: 03.04.2025) (In Russ.)
4. Belukhin N.E. 2022. «My v etom ne Kopengagen»: Farery prodlili rybolovnoe soglasenie s Rossiei [We are not Copenhagen: the Faroe prolonged the Fisheries Agreement with Russia]. – *IMJeMO RAN*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/mi-v-etom-ne-kopengagen-fareri-prodlili-rybolovnoe-soglasenie-s-rossiei> (data obrashheniya: 03.04.2025). (In Russ.)
5. Gad U.P. Greenland, the Faroe Islands, and Denmark: Unity or Community? – P. Munk Christiansen, J. Elklit, P. Nedergaard (Eds.), *The Oxford Handbook in Danish Politics*, Oxford University Press. 2020. P. 28–45.
6. *Mezhdunarodnaya konventsia po morskому pravu 1982: posobie dlya ofitserov voenno-morskogo flota*

- [UNCLOS 1982: Navy manual]. Pod red. V.A. Serkova. 1985. Moscow: Voennoe izdatel'stvo [Military publishing office]. 224 p. (In Russ.)
7. Mirovoi okean: ekonomika i politika: mezhdunarodnye problemy osvoeniya [The World Ocean: economy and policy]. Pod red. E.M. Primakova. Avt. koll.: Barsegov Yu., Voitlovskii G., Lyubimov L., Mogilevkin I., Roginko A. Institut mirovoi ekonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii AN SSSR. Moscow: Mysl'. 1986. 620 p. (In Russ.)
 8. Molenaar E.J. Status and Reform of International Arctic Fisheries Law. – Arctic Marine Governance: Opportunities for Transatlantic Cooperation. Eds. by E. Tedsen, S. Cavalieri, R.A. Kraemer. 2013. P. 103-125.
 9. Pechenik L.N. Syr'evaya baza i usloviya promysla v raione Zapadnoi Grendlandii [Raw material base and fishing conditions in the West Greenland region]. Moscow: Izd-vo «Rybnoe khozyaistvo». 1960. 40 p. (In Russ.)
 10. Plyusnin R.M. Vneshnyaya torgovlya Farerskikh ostrovov v 2014–2022 gg.: razvorot na Rossiyu [The Faroe Islands' foreign trade in 2014–2022: turn to Russia]. – *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]. 2023. No. 1. P. 114-122. (In Russ.)
 11. Rasmussen R.O., Hamilton L.C. The Development of Fisheries in Greenland, with Focus on Paamiut/Frederikshåb and Sisimiut/Holsteinsborg. Roskilde, Denmark: North Atlantic Regional Studies. 2001. 62 p.
 12. *Teoriya i praktika morskoi deyatel'nosti* [Theory and practice of maritime activities]. Seriya nauchnykh publikatsii. Pod red. prof. G.K. Voitlovskogo. Moscow: SOPS. 2004. (In Russ.)
 13. Vilkova M.Yu. Pravo setsessii v evropeiskoi integratsii: opyt Grendlandii i Velikobritanii [The right of secession in the European integration]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of the university named after O.E. Kutafin (MSAL)]. 2018. № 5. P. 78-83. (In Russ.)
 14. Voenno-morskoj mezhdunarodno-pravovoi spravochnik [Handbook on the international law of naval operations]. Avt. koll.: P.D. Barabolya, A.S. Bakhov, L.A. Ivanashchenko. Moscow: Voenizdat, 1966. 500 p. (In Russ.)
 15. Vorotnikov V.V., Zbirun D.N. Problema separatizma Grendlandii i Farerskikh ostrovov vo vneshnei politike Korolevstva Daniya [Problem of separatism of Greenland and the Faroe Islands in the Kingdom of Denmark' foreign policy]. – *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS]. 2024. № 2. P. 97-111. (In Russ.)
 16. Vylegzhanin A.N. Evropeiskii soyuz: k sozdaniyu pravovykh osnov kompleksnoi morskoi politiki [The European Union: towards creating the legal basis of an integrated maritime policy]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2009. № 1. P. 289-305 (In Russ.)
 17. Vylegzhanin A.N., Zilanov V.K., Savva V.M. Pravovoi rezhim Shpitsbergena i prilegayushchikh morskikh raionov [Legal regime of Spitzbergen and adjacent marine areas]. Ed. by A.N. Vylegzhanin. Moscow: Norma. 2019. 308 p. (In Russ.)
 18. Zilanov V.K., Kienko E.V., Lugovskaya A.A. Sovremennye mezhdunarodno-pravovye voprosy predotvrashcheniya nereguliruemogo rybolovstva v Arktike [International legal issues of preventing unregulated fishing in the Arctic]. – *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. 2022. № 3. P. 49-67. (In Russ.)
 19. Zolotoi fond rossiiskoi nauki mezhdunarodnogo prava [Gold Fund of Russian science of international law]. V. III. Mezhdunarodnoe pravo [International law]. Pod red. V.A. Ulyanitskii. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. 488 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Вячеслав Константинович ЗИЛАНОВ

Кандидат биологических наук, профессор, почетный доктор Мурманского государственного технического университета, Мурманский арктический университет

Капитана Егорова ул., 15, Мурманск, 183038, Российская Федерация

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Елена Викторовна КИЕНКО

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

e.kienko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-8997-065X

About the Authors

Vyacheslav K. ZILANOV

Candidate of Biological Studies, Professor, Honored Doctor of the Murmansk State Technical University, Murmansk Arctic University

15, Kapitana Egorova St., Murmansk, Russian Federation, 183038

vkzilan@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1025-550

Elena V. Kienko

Candidate of Legal Sciences, Senior research fellow, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

e.kienko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-8997-065X

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-123-136>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 04.03.2025
Принята к публикации: 17.11.2025

Яна Евгеньевна БРАЗОВСКАЯ

ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова
Двинская ул., 5/7, Санкт-Петербург, 198035, Российская Федерация
bye2004@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4449-2209

Денис Максимович АДЫШ

ООО «Агентство морского права»
Калинкин пер., 4, лит. А, помещ. 1-Н, Санкт-Петербург, 190008, Российская Федерация
avdysh.denis@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7607-9765

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ КОЛОНИЗАЦИИ МАРСА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР РЕГУЛЯТОРНЫХ МЕХАНИЗМОВ (2024–2025 ГОДЫ)

ВВЕДЕНИЕ. Исследование представляет собой комплексный аналитический обзор правовых вызовов колонизации Марса, исследуется эволюция и системные пробелы международного космического права. В работе рассмотрены существующие правовые механизмы – от Договора по космосу 1967 г. до новейших инициатив, включая Соглашения Артемиды и обновленную политику Комитета по космическим исследованиям (далее – COSPAR) 2024 г. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием космических технологий и возрастающим интересом к марсианским миссиям как со стороны государственных космических агентств, так и частных компаний. Целью исследования является выявление потенциальных проблем правового регулирования правоотношений, связанных с возможной колонизацией Марса. Для достижения цели авторы решают следующие основные задачи: исследовать источники международного космического права,

потенциально применимые к марсианской колонии, выявить проблемы правового регулирования марсианской колонии и предложить механизмы их решения. Авторы подчеркивают, что создание устойчивой, т.е. способной к автономному функционированию и развитию, колонии на Марсе невозможно без формирования четкой и всеобъемлющей правовой базы, которая урегулирует все аспекты человеческого присутствия на планете: от вопросов юрисдикции над поселениями, их жителями и космическими объектами и использования ресурсов до планетарной защиты и разрешения потенциальных конфликтов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методология исследования базируется на комплексном применении формально-юридического и сравнительно-правового методов. Эмпирическую базу составили международно-правовые акты в области космического права, национальное законодательство в космической сфере, документы

международных организаций, материалы арбитражной практики по космическим спорам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Установлено, что ключевой принцип неприсвоения небесных тел (Договор по космосу 1967 г.) создает правовую коллизию с практической необходимостью территориального контроля для будущих поселений. Выявлены регуляторные проблемы, в частности, в использовании местных ресурсов (ISRU) в условиях соблюдения требований планетарной защиты и касающиеся правового статуса детей, рожденных на Марсе. Анализ показал, что односторонние акты (законы США и Люксембурга о добыче ресурсов) и новые многосторонние инициативы (Соглашения Артемиды) вступают в противоречие с универсальными нормами космического права. Правовые прецеденты, такие как инцидент со спутником «Космос-954», демонстрируют ограниченную применимость существующих механизмов ответственности к сложным марсианским миссиям.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Исследование демонстрирует, что правовое регулирование марсианской колонизации представляет собой беспрецедентный вызов для международного сообщества. Успешная реализация марсианской

программы требует создания комплексной правовой базы, учитывающей как технические и научные аспекты освоения Марса, так и социально-экономические факторы международного сотрудничества. Ключевыми элементами этой базы должны стать: четкое определение юрисдикции над марсианскими поселениями, механизмы распределения ресурсов, система разрешения споров и протоколы защиты окружающей среды Марса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: космическое право, колонизация Марса, юрисдикция на Марсе, космические ресурсы, планетарная защита, частная космонавтика, межпланетные споры, марсианские поселения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бразовская Я.Е., Авдыш Д.М. 2025. Современные правовые вызовы колонизации Марса: комплексный аналитический обзор регуляторных механизмов (2024–2025 годы). – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 123–136. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-123-136>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

SPACE LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-123-136>

Yana E. BRAZOVSKAYA

Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
5/7, Dvinskaya St., St. Petersburg, Russian Federation, 198035
bye2004@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4449-2209

Denis M. AVDYSH

Agency of Maritime Law LLC
4, letter A, room 1-N, Kalinkin Lane, St. Petersburg, Russian Federation, 190008
avdysh.denis@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7607-9765

Research article
UDC: 341
Received 4 March 2025
Approved 17 November 2025

CONTEMPORARY LEGAL CHALLENGES IN MARS COLONIZATION: A COMPREHENSIVE ANALYTICAL REVIEW OF REGULATORY FRAMEWORKS (2024–2025)

INTRODUCTION. *The study presents a comprehensive analytical review of legal challenges in Mars colonization, examining the evolution and systemic gaps in international space law. It analyzes existing legal mechanisms, from the 1967 Outer Space Treaty to the latest initiatives, including the Artemis Accords and the updated 2024 COSPAR policy. The relevance of this research is determined by the rapid development of space technologies and the growing interest in Martian missions from both state space agencies and private companies. The purpose of the research is to identify potential problems in the legal regulation of relations related to the possible colonization of Mars. To achieve this goal, the authors solve the following main tasks: to investigate the sources of international space law that are potentially applicable to a Martian colony, to identify the problems of legal regulation of a Martian colony, and to propose mechanisms for their solution. The authors emphasize that establishing a sustainable, meaning self-sufficient and capable of long-term development, colony on Mars is impossible without forming a clear and comprehensive legal framework that regulates all aspects of human presence on the planet – from issues of jurisdiction over settlements, their inhabitants, and space objects and resource utilization to planetary protection and resolution of potential conflicts.*

MATERIALS AND METHODS. *The research methodology is based on a comprehensive application of formal legal and comparative legal methods. The empirical basis of the study consists of international legal instruments in the field of space law, national legislation in the space sphere, documents of international organizations, and materials of arbitration practice on space disputes.*

RESEARCH RESULTS. *The study establishes that the key principle of non-appropriation of celestial bodies (Outer Space Treaty of 1967) creates a legal conflict with the practical need for territorial control for future*

settlements. Regulatory gaps were identified concerning the use of in-situ resources (ISRU) while complying with planetary protection requirements and the legal status of children born on Mars. The analysis shows that unilateral acts (U.S. and Luxembourg laws on resource extraction) and new multilateral initiatives (the Artemis Accords) conflict with universal norms of space law. Legal precedents, such as the Kosmos-954 satellite incident, demonstrate the limited applicability of existing liability mechanisms to complex Martian missions.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The study shows that the legal regulation of Martian colonization presents an unprecedented challenge for the international community. Successful implementation of the Martian program requires the creation of a comprehensive legal framework that takes into account both the technical and scientific aspects of Mars exploration, as well as the socio-economic factors of international cooperation. The key elements of this framework should be: a clear definition of jurisdiction over Martian settlements, resource allocation mechanisms, a dispute resolution system, and Mars environmental protection protocols.*

KEYWORDS: *space law, Mars colonization, Mars jurisdiction, space resources, planetary protection, private spaceflight, interplanetary disputes, Martian settlements*

FOR CITATION: Brazovskaya Ya.E., Avdysh D.M. Contemporary Legal Challenges in Mars Colonization: a Comprehensive Analytical Review of Regulatory Frameworks (2024–2025). – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 110–123. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-110-123>

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Колонизация Марса представляет собой одну из наиболее амбициозных задач, стоящих перед человечеством в XXI в. Как отмечает Г.Д. Снукс, «для установления устойчивой колонии на Марсе существуют два необходимых условия – трансформативная технология, обильные источники энергии и эффективная система жизнеобеспечения» [Snooks 2025:9]. История демонстрирует, что отсутствие понимания динамики жизненных систем делает создание устойчивых колоний чрезвычайно сложной задачей [Snooks 2025:6-7]. Поскольку правовое регулирование является неотъемлемой частью функционирования любой сложной системы, по мере приближения к реальным миссиям по освоению Красной планеты встанет острая необходимость в формировании четкой правовой базы, регулирующей все аспекты присутствия человека на Марсе.

2. Развитие международного космического права в контексте марсианской колонизации

Анализ правовых основ марсианской колонизации требует рассмотрения ключевых международных документов, формирующих современную архитектуру космического права: базового Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. (далее – Договор по космосу 1967 г.)¹, как фундаментального источника принципов космической деятельности, опыта правового регулирования деятельности на Международной космической станции (далее – МКС) как практической модели международного сотрудничества в космосе, и Соглашений Артемиды 2020 г. (англ. Artemis Accords) как наиболее актуального инструмента, определяющего перспективы освоения небесных тел, включая Марс.

Фундаментальной правовой основой для рассмотрения этого вопроса является Договор по космосу 1967 г. Из ст. II договора следует,

что «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». Принцип неприсвоения создает коллизию для будущих марсианских поселений: с одной стороны, он исключает возможность национального суверенитета над марсианской территорией, с другой стороны, практическая реализация долгосрочных колониальных проектов требует определенных форм территориального контроля и юрисдикции.

В контексте современных планов по освоению Марса особую значимость приобретает опыт правового регулирования деятельности на МКС, который может служить основой для правового регулирования будущих марсианских поселений. Значимым этапом в эволюции международного космического права стало подписание в октябре 2020 г. Соглашений Артемиды, определяющих принципы сотрудничества в гражданской деятельности по исследованию и использованию Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях [Nelson 2020:1-7]. Соглашения установили фундаментальные принципы для будущей космической деятельности на различных небесных телах, включая Марс. В Разделе 11 Соглашений регламентируется концепция «зон безопасности», согласно которой «участники обязуются: координировать свою деятельность во избежание вредного вмешательства» (п. 4); «предоставлять информацию о местоположении и характере космической деятельности при наличии риска создания помех» (п. 5); а также «соблюдать разумные зоны безопасности других участников, включая предварительное уведомление и координацию при проведении операций в установленных зонах безопасности» (п. 10)².

Отметим, что Р. Деplано высказывает мнение о проблематичности толкования Соглашений Артемиды в отношении «зон безопасности»: «Примечательно, что концепция зон безопасности не упоминается в Договоре по космосу. В этом отношении ее введение в Разделе 11 Соглашений Артемиды представляет собой

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Москва, Вашингтон, Лондон, 27 января 1967 г. – *Справочная правовая система «Гарант»*. URL: <https://base.garant.ru/2540462/> (дата обращения: 18.02.2025).

² NASA. Раздел 11 Соглашений Артемиды. 2020. URL: <https://www.nasa.gov/artemis-accords/> (дата обращения: 18.02.2025).

подлинную инновацию. Возникает вопрос, в какой степени положения Раздела 11 Соглашений Артемиды представляют собой последующую практику в соответствии со статьей 31(3) (b) Венской конвенции о праве международных договоров – то есть, для цели толкования международных договоров [Deplano 2021:799-819]. Хотя создание зон безопасности является лишь одним из возможных способов избежать вредного вмешательства, положения Раздела 11 Соглашений Артемиды не расширяют и не ограничивают сферу действия статьи IX Договора по космосу. Тем не менее они формируют новые правовые вопросы, требующие тщательного согласования с основополагающими нормами международного космического права и решения вопроса об их соответствии универсальному характеру Договора по космосу.

Хотя Соглашения «Артемиды» позиционируются как новый этап в эволюции международного космического права, их следует рассматривать в контексте сепаратной правовой политики США, которая идёт вразрез с коллективными интересами большинства государств-участников Договора по космосу 1967 г., как можно понять из работы А. Вылегжанина и соавторов, данная политика, инициированная Вашингтоном, фактически создаёт альтернативное международно-правовое поле, основанное на американских экономических интересах, и является скорее вызовом большинству государств, чем приглашением к уточнению статуса космических ресурсов [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023: 6–30]. Стоит также заметить, что соглашения Артемиды, при всей их значимости для развития международного космического права, имеют определенные пробелы в контексте практической реализации марсианской программы в силу своих общих формулировок, различного толкования их положений и отсутствия среди участников таких стран, как Российская Федерация и Китайская Народная Республика.

Таким образом, рассмотренные документы представляют собой эволюционную цепочку развития международного космического права: от общих принципов Договора по космосу через практический опыт МКС к специализированным нормам Соглашений Артемиды. Однако существующие правовые пробелы и неопределенности требуют дальнейшего развития международно-правовой базы для эффективного регулирования марсианской колонизации.

3. Системные противоречия в вопросе юрисдикции и использования марсианских ресурсов

Особого внимания заслуживает вопрос правового статуса и юрисдикции над будущими марсианскими колонистами. Согласно ст. VIII Договора по космосу 1967 г., «государство, в регистр которого занесен запущенный объект, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом и его экипажем во время их нахождения в космическом пространстве, включая небесные тела». На начальных этапах освоения Марса, включающих краткосрочные и долгосрочные исследовательские миссии, действующие принципы международного космического права могут быть эффективно применены. Положительный опыт Межправительственного соглашения по МКС 1998 г. демонстрирует возможность успешного регулирования многонациональных космических проектов с интегрированной инфраструктурой, где объекты различных государств функционируют как единый комплекс. Однако при переходе к этапу постоянной колонизации могут возникнуть сложности в применении регистрационного принципа юрисдикции. Формирование постоянных многонациональных поселений с тесно интегрированной инфраструктурой, включающей объекты разных государств, потребует создания соответствующих правовых механизмов. Поскольку территориальный принцип юрисдикции неприменим к Марсу согласно ст. II Договора по космосу 1967 г., необходимо будет адаптировать регистрационный принцип к условиям долгосрочного присутствия человека на планете.

Следует отметить, что даже в Соглашениях Артемиды этот вопрос рассматривается в общем порядке через подтверждение приверженности положениям Договора по космосу 1967 г. без выделения в качестве отдельного принципа. Это подчеркивает актуальность дальнейшего развития международно-правовых подходов к регулированию долгосрочного присутствия человека на небесных телах.

Юрисдикционная неопределенность усугубляется противоречивыми подходами государств к правовому статусу космических ресурсов. Вопрос регулирования добычи и использования космических ресурсов представляет особую сложность в контексте существующего международного космического права.

Например, на национальном уровне Закон США о конкурентоспособности в сфере коммерческих космических запусков 2015 г.³ установил прецедент признания права на добычу космических ресурсов частными компаниями, разрешив им «владеть, иметь в собственности, перевозить, использовать и продавать добытые ими ресурсы, находящиеся на астероидах или в космосе». Этот односторонний акт вызвал дискуссии о его соответствии международному космическому праву. В частности, Российская Федерация представила свою позицию⁴ на 53-й сессии Научно-технического подкомитета Комитета Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по использованию космического пространства в мирных целях. Рассуждая об этической стороне политики в космосе, российская сторона озвучила свою обеспокоенность относительно принятого США Закона № 114-90, в котором предпринята попытка легализовать присвоение космических ресурсов, игнорируя историю переговоров в ООН и существующее регулирование статуса природных ресурсов небесных тел. Россия отмечает, что США декларируют новое понимание «национального присвоения космического пространства», якобы не противоречащее Договору по космосу 1967 года, используя академический аргумент о том, что статья II Договора, запрещающая национальное присвоение, не затрагивает ресурсы, поскольку это не установлено *expressis verbis*. Особую озабоченность вызывает отсутствие попыток США обсудить свою интерпретацию в Юридическом подкомитете ООН, регулярно проводящем обзор действия основных космических договоров.

В данном контексте следует отметить, что Люксембург, приняв законы «Об исследовании и использовании космических ресурсов» 2017 г.⁵ и «О космической деятельности» 2020 г.⁶

воспроизвел американскую модель регулирования, но с существенными модификациями [Вылегжанин, Крохина 2024:17-35]. В соответствии со ст. 1 Закона Люксембурга 2017 г. «космические ресурсы допустимо присваивать» (*sont susceptibles d'appropriation*), при этом право собственности возникает только при «одобрении миссии» (*agrement de mission*) министром (ст. 2(1)).

При этом стоит отметить, что еще на этапе подготовки проекта Закона 2017 г., вопрос о противоречии его международному космическому праву был поднят Государственным советом Люксембурга, однако не был разрешен⁷.

Договор по космосу 1967 г. в ст. I устанавливает, что «исследование и использование космического пространства должно осуществляться на благо и в интересах всех стран». В ст. II запрещается национальное присвоение небесных тел, но отсутствует прямой запрет на использование их ресурсов, как и было отмечено США. Эта «конструктивная двусмысленность» в тексте договора создает значительные правовые неопределенности, особенно в отношении того, должна ли прибыль от космической деятельности делиться между инвестором и всеми странами, независимо от уровня их развития. По мнению Ф.Г. Фон дер Дунка, актуальный и на 2025 г., «этот правовой пробел создает пространство для различных интерпретаций и неопределенность в вопросе о том, в какой степени права частной собственности на космические объекты или их ресурсы законны, возможны или потенциально допустимы» [Von der Dunk 2018:142-151].

Таким образом, вопросы юрисдикции и использования ресурсов в марсианском контексте представляют собой взаимосвязанный комплекс правовых проблем, где попытки

³ U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. Public Law 114-90. 2015. – *Congress.gov*: [caüm]. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2262> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴ ООН. Документ ООН A/AC.105/C.1/2016/CRP.15 от 17 февраля 2016 г. С. 6 «Рассмотрение возможностей достижения Венского консенсуса по космической безопасности, охватывающего несколько областей регулирования». Рабочий документ, представленный Российской Федерацией на 53-й сессии НТСК. URL: https://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/documents/2016/aac.105c.12016crp/aac.105c.12016crp.15_0.html (дата обращения: 18.02.2025).

⁵ Закон от 20 июля 2017 г. об исследовании и использовании космических ресурсов. – *Journal officiel Люксембурга*: [caüm]. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo> (дата обращения: 18.02.2025).

⁶ Закон от 15 декабря 2020 г. о космической деятельности и внесении изменений. – *Journal officiel Люксембурга*: [caüm]. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2020/12/15/a1086/jo> (дата обращения: 18.02.2025).

⁷ Министерство экономики Люксембурга. Де Ман Ф. Министр экономики Люксембурга Этьен Шнайдер в июне во время выступления в Нью-Йорке сделал акцент на законе о космических ресурсах. 2017. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.0c1ddb2-67c0aedb-a5515abd-74722d776562/https://thespacereview.com/article/3355/1 (дата обращения: 18.02.2025).

государств регулировать права на космические ресурсы неизбежно затрагивают более широкие вопросы юрисдикционного устройства будущих внеземных поселений.

4. Некоторые вопросы правового регулирования: от требований планетарной защиты до юрисдикционных вопросов в отношении марсианских колонистов и новорожденных

Особую актуальность приобретает вопрос защиты международных научных интересов при освоении Марса. Комитет по космическим исследованиям разработал международные стандарты планетарной защиты, направленные на предотвращение биологического загрязнения планеты. Эти стандарты определяют различные категории миссий и соответствующие требования к стерилизации космических аппаратов, однако их применение к постоянным человеческим поселениям требует существенной доработки. При этом в 2022 г. сообщалось, что COSPAR и его партнеры по космическим агентствам поддерживают многолетний поэтапный процесс разработки подходов к решению требований планетарной защиты для миссий с участием человека за пределами орбиты Земли⁸, что нашло отражение в версии документа от 20 марта 2024 г.⁹

В контексте потенциальных конфликтов участников марсианской программы существующие механизмы разрешения споров, предусмотренные Конвенцией о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972), могут быть применимы, но недостаточны. Инцидент с советским спутником «Космос-954» в 1978 г., когда аппарат с ядерной энергетической установкой совершил аварийное падение на территории Канады, стал одним из ключевых прецедентов [Diederiks-Verschoor 1993:361]. В юридической доктрине он рассматривается как показательный пример

для анализа применения Конвенции об ответственности, при этом следует отметить, что на практике СССР отказался от формального применения процедур Конвенции, и возмещение части ущерба было произведено в порядке доброй воли. Как отмечено в работе Б.А. Гурвица, анализ данного случая демонстрирует принципы функционирования международно-правовых механизмов того периода в области космической деятельности [Diederiks-Verschoor 1993:361]. Однако в контексте деятельности на Марсе в конвенции сохраняются значительные правовые пробелы: не учтены особенности марсианской среды при оценке ущерба и отсутствуют детальные механизмы ограничения ответственности.

Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях (COPUOS) играет ключевую роль в развитии международного космического права, что было подтверждено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 79/87 от 4 декабря 2024 г. Согласно резолюции, «Комитет представляет собой уникальную платформу мирового уровня для международного сотрудничества в сфере космической деятельности»¹⁰. При этом создание в составе Комитета в 2024 г. Инициативной группы по проведению консультаций о деятельности на Луне демонстрирует определенную гибкость организации в адаптации к новым задачам космической деятельности.

Особую роль в формировании правового режима освоения Марса играют неправительственные организации. Международный институт космического права (МИКП, IISL) и Ассоциация международного права (АМП, ILA) внесли значительный вклад в разработку модельных правил. Согласно документу ООН¹¹ «МИКП в 2024 году представил Юридическому подкомитету ООН результаты работы по проблеме светового загрязнения ночного неба (документ ООН A/AC.105/C.2/2024/CRP.28)». Данная

⁸ Spry J.A., Siegel B., Bernardini J., Pratt L., Kminek G. COSPAR Workshop Series on Refining Planetary Protection Requirements for Human Missions to Mars. – 44th COSPAR Scientific Assembly. 2022. URL: <https://ntrs.nasa.gov/citations/20220005549> (accessed date: 18.02.2025).

⁹ COSPAR. Политика COSPAR по планетарной защите. 2024. URL: https://cosparhq.cnes.fr/assets/uploads/2024/07/PP-Policy_SRT_220-July-2024.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁰ ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/79/87 Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях. 2024. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/resolutions/2024/general_assembly_79th_session/ares7987_html/ARES_79_087E.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

¹¹ ООН. Доклад Юридического подкомитета: документ A/AC.105/C.2/L.329/Add.1. URL: <https://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/documents> (дата обращения: 18.02.2025).

инициатива непосредственно связана с будущими марсианскими поселениями, поскольку регулирование искусственной среды критически важно для научной деятельности и развития интеллектуальной собственности – ключевого ресурса самодостаточной колонии [Pelc, Torchala, Suścicka, Łabowska, Popiel 2020:1-10].

Таким образом, опыт влияния эпистемических сообществ на разработку международно-правового регулирования космической деятельности создает важный прецедент для будущего формирования правового режима исследования и использования Марса, где роль неправительственных организаций в создании документов *soft law* (мягкого права) и их последующей трансформации в обязательные нормы может стать ключевым фактором устойчивого и мирного освоения красной планеты [Черных, Гугунский, Солнцев 2024:215-230].

Формирование эффективного правового режима марсианской колонизации требует учета как существующих международно-правовых норм, так и новых реалий космической деятельности. Как было отмечено ранее, международная практика эксплуатации МКС демонстрирует возможность создания многостороннего режима управления космическими объектами, однако, по мнению А. Е. Фарсариса, «специфика марсианских поселений потребует существенной адаптации этого опыта» [Farsaris 2021:63-74].

Отметим некоторые из вопросов и проблем, потенциально требующих особого регулирования при создании и функционировании марсианской колонии.

В частности, потенциально возможен вопрос правового статуса детей, рожденных в марсианских колониях. Статья V Договора по космосу 1967 г. определяет космонавтов как «посланцев человечества», но этот статус не распространяется автоматически на лиц, рожденных вне Земли. Отсутствие специального соглашения о статусе детей, рожденных на Марсе, потребует применения действующих принципов гражданства – *jus sanguinis* (право крови) и *jus soli* (право земли). Однако применимость *jus soli* на территории, юридически не подлежащей присвоению ни одним государством, создает

фундаментальное противоречие, требующие создания механизма правового регулирования. Разрешить это противоречие и потенциально предотвратить увеличение числа апатридов возможно, используя аналогию права, а именно концепцию «рождения в открытом море»: рожденные в нейтральных водах приобретают гражданство той страны, под флагом которой зарегистрировано судно. Однако решение вопроса осложняется определением правового статуса колонии.

Относительно вопроса юрисдикции преступлений в марсианских поселениях логичным предоставляется использовать существующую практику, сформированную Межправительственным соглашением по МКС, устанавливающим принцип параллельной юрисдикции, позволяющий государствам осуществлять уголовное преследование своих граждан¹².

Особого внимания заслуживает проблема регулирования добычи водных ресурсов из полярных шапок Марса. Согласно современным научным данным, марсианские полярные шапки содержат значительные запасы водяного льда [Smith, Putzig, Holt, Phillips 2016:1075-1078], потенциально допустимого к использованию. Как отмечалось, международное космическое право не содержит прямых норм, регулирующих использование ресурсов небесных тел [Островская, Черных 2023:85-90], в том числе водных. При этом вода является критически важным ресурсом как для обеспечения жизнедеятельности колонистов, так и для производства ракетного топлива [Freer, Pesch, Zabel 2024:1-12].

Технология использования местных ресурсов (In-Situ Resource Utilization, ISRU)¹³ для строительства марсианских объектов представляет собой значительный пробел с точки зрения правового регулирования. Обновленная политика COSPAR от марта 2024 г. устанавливает многоуровневую систему требований и, в частности, к обеспечению биологической безопасности¹⁴, что с учетом положений раздела 6.6 политики COSPAR создает юридическую коллизию между строгими требованиями к стерильности и практической необходимостью использования местных ресурсов.

¹² Статья 22 Межправительственного соглашения по МКС 1998 г.

¹³ NASA. Using Space-Based Resources for Deep Space Exploration. URL: <https://www.nasa.gov/overview-in-situ-resource-utilization/> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁴ Методические рекомендации. Раздел 6.1.2.2.4 Политика COSPAR по планетарной защите. 2024.

Существующая нормативная база COSPAR создает базовые правовые рамки для реализации технологий ISRU, однако требует существенной доработки в части конкретных технических регламентов и стандартов, применимых к постоянным человеческим поселениям. Особую актуальность представляет разработка юридически обязывающих протоколов мониторинга биологического загрязнения при масштабной переработке марсианского грунта и четких правовых процедур, регламентирующих действия при обнаружении признаков существующей или исчезнувшей жизни в процессе добычи ресурсов.

Соответственно, важным аспектом в вопросах правового регулирования является необходимость создания механизма координации между различными участниками марсианской программы. Опыт координации деятельности на МКС через Многостороннюю координационную комиссию (МСВ) может служить моделью для создания аналогичного органа для управления марсианскими операциями [Соловьев, Любинский 2010:10-18].

5. Сравнительный анализ экстерриториальных правовых режимов, механизмов разрешения споров и государственно-частного партнерства в контексте марсианской колонизации

Проведя сравнительный анализ экстерриториальных правовых режимов, необходимо обратить внимание на особый подход к вопросам ответственности в морском праве, который потенциально применим к марсианской колонизации. В международной юридической практике ограничение ответственности является важной составной частью, стимулирующей развитие морской торговли и исследований на протяжении столетий [Chen 2001]. Применительно к космическому праву интерес представляет Протокол 1996 г. к Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям 1976 г.¹⁵, который дополнительно увеличил размеры ограничения ответственности с учетом инфляции и экономических флуктуаций¹⁶.

Данный Протокол демонстрирует гибкость морского права и адаптацию к меняющимся экономическим реалиям, что особенно актуально для развивающейся сферы космических технологий в отношении Марса.

Инцидент с советским спутником «Космос-954», обсуждавшийся ранее, показал, что затраты на его урегулирование составили 6 млн долларов, но они меркнут по сравнению с первоначальными инвестициями СССР в данный проект, оцениваемыми в 20-80 млн долларов (с учетом инфляции для того периода), как указывает Р. Роджерс [Rogers 2019:741-760]. Согласно усредненным подсчетам, современные затраты на запуск и поддержание спутника на орбите составляют приблизительно от 100 до 260 млн долларов, а марсианские миссии стоят значительно дороже [Пряничников, Горбунова 2017:26-28].

Отличие от морского права, ст. II Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., устанавливает абсолютную ответственность запускающего государства за ущерб на поверхности Земли или воздушному судну в полете. Ответственность за ущерб в космосе определяется на основе вины согласно ст. III Конвенции. В связи с этим целесообразно рассмотреть адаптацию к космическим операциям принципа ограниченной ответственности, заимствованного из морского права.

Суть принципа заключается в том, что судовладелец вправе ограничить свою финансовую ответственность по совокупности требований, возникших в результате одного инцидента, заранее установленным пределом. Механизм предполагает создание «фонда ограничения ответственности», куда вносится максимальная сумма, которая затем пропорционально распределяется между всеми истцами. Адаптация этого механизма для космоса могла бы означать, что государство или частная компания, осуществляющая запуск, могли бы ограничить свою ответственность за ущерб некой расчетной суммой. Этот предел мог бы определяться на основе объективных критериев, таких как масса

¹⁵ Протокол 1996 г. к Конвенции об ограничении ответственности по морским требованиям. 1976. – *Центр нормативно-технической документации*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901765262> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁶ Экономические флуктуации – периодические колебания основных макроэкономических показателей (ВВП, занятости, инвестиций, потребления), характеризующиеся чередованием фаз экономического роста и спада. Включают циклические изменения деловой активности, сезонные колебания и краткосрочные нерегулярные отклонения от долгосрочного тренда развития экономики.

космического объекта, его стоимость или категория миссии. Такой подход, в отличие от действующего режима абсолютной ответственности, способствовал бы более активному участию в марсианских программах как государственных космических агентств, так и частных компаний, поскольку снизил бы риски катастрофических финансовых потерь при технических сбоях.

Ценные уроки для формирования правового режима марсианской колонизации можно извлечь из опыта регулирования деятельности человека в других экстремальных средах. Особый интерес представляет правовой режим Антарктики (Договор 1959 г. и последующие соглашения Системы Договора об Антарктике)¹⁷. Принципы использования территории в мирных целях, запрет на территориальные претензии при сохранении существующих прав, механизмы международного научного сотрудничества и строгие экологические стандарты могут быть адаптированы к марсианскому контексту [Демидов, Лукин 2019:117-135].

Релевантным является опыт правового регулирования деятельности в международном районе морского дна за пределами национальной юрисдикции. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.¹⁸ установила принцип «общего наследия человечества» для ресурсов морского дна и создала Международный орган по морскому дну (далее – МОМД) для регулирования их разведки и разработки. Подобная модель могла бы использоваться для создания международного органа по управлению марсианскими ресурсами. Особенно ценным представляется опыт МОМД в разработке правил поисково-разведочных работ, учитывающих интересы разработчиков ресурсов и необходимость защиты морской среды.

Правовой режим научных станций в Антарктике, предусматривающий сохранение юрисдикции создавших их государств при строгом соблюдении международных экологических стандартов, может служить моделью для

регулирования первых марсианских поселений. При этом опыт решения вопросов снабжения антарктических станций, утилизации отходов и проведения спасательных операций в экстремальных условиях имеет прямое практическое значение для марсианской программы.

Особую роль в формировании правового режима марсианской колонизации могут сыграть региональные космические агентства, в частности Европейское космическое агентство (European Space Agency, ESA), представившее в октябре 2024 г. план Explore 2040. Эта инициатива направлена на укрепление позиций Европы в космической деятельности и содержит ключевые направления: присутствие на низкой околоземной орбите, отправку астронавтов ESA на Луну и Марс, а также развитие транспортной инфраструктуры для исследований¹⁹. В контексте реализации подобных амбициозных планов особый интерес представляет опыт создания международно-правовой базы для крупномасштабных космических проектов, продемонстрированный в Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции от 25 ноября 2022 г., вступившего в силу 7 июля 2024 г.²⁰ Данное соглашение предусматривает эффективные правовые механизмы, многие из которых могут быть адаптированы для регулирования международного сотрудничества в марсианской программе. Ключевыми элементами соглашения, применимыми к формированию правовой базы марсианской колонизации, являются: создание организационно-правовой основы для взаимовыгодного сотрудничества; разработка механизмов привлечения международных партнеров; комплексная защита интеллектуальной собственности; регулирование конфиденциальной информации и технологическая защита²¹. Особую значимость для высоко рискованных межпланетных миссий

¹⁷ ООН. Договор об Антарктике. 1959. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁸ ООН. Конвенция ООН по морскому праву. 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁹ ESA. Исследование 2040. URL: https://esamultimedia.esa.int/docs/HRE/Explore_2040.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

²⁰ МИД России. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции от 25 ноября 2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/61731/ (дата обращения: 18.02.2025).

²¹ Там же. Ст. 1, 2, 9, 10-11, приложение.

представляет предусмотренный соглашением принцип взаимного отказа от претензий, а также эффективный механизм разрешения споров через дипломатические каналы²².

Правовые инструменты, опробованные в рамках российско-китайского соглашения, могут быть адаптированы при формировании многосторонней правовой базы марсианской программы, обеспечивая баланс интересов различных участников и эффективное управление рисками международного космического сотрудничества.

Международный опыт разрешения космических споров указывает на необходимость специализированного арбитражного механизма для марсианских операций с учетом уникальных условий: временной задержки в коммуникации (3–22 мин.), ограниченных возможностей вмешательства земных органов и потребности в оперативном принятии решений в чрезвычайных ситуациях. Актуальность подтверждается феноменом «отчуждения» экипажа от центра управления, выявленным в экспериментах SIRIUS-19 и Mars-500, когда изолированные команды демонстрируют снижение коммуникативной активности с Землей, рост операционной независимости и тенденцию к самостоятельным решениям без консультаций с наземными службами [Supolkina, Yusupova, Shved, Gushin, Savinkina, Lebedeva, Chekalina, Kuznetsova 2021:1–10].

В связи с этим представляется целесообразным создание многоуровневой системы разрешения споров, включающей как локальные механизмы на уровне марсианской колонии, так и земные арбитражные институты для более сложных случаев. Постоянная палата третейского суда в Гааге, имеющая разработанные «Факультативные правила арбитража космических споров» (2011), могла бы стать основой для создания такого механизма²³.

При анализе альтернативных арбитражных процедур в космических спорах выделяется дело Devas против Antrix (2015)²⁴, рассмотренное

Международным арбитражным судом при Международной торговой палате. Спор возник между Devas Multimedia и государственной корпорацией Antrix относительно соглашения об аренде спутникового сегмента. После пятилетнего исполнения контракта Antrix аннулировала соглашение по решению правительства Индии, что арбитраж признал неправомерным, обязав выплатить 562.5 млн долларов компенсации. Аналогичную значимость имеет прецедент Eutelsat против Мексики (2021)²⁵, где французский спутниковый оператор инициировал арбитраж в ICSID, оспаривая дискриминационное регулирование спутникового спектра. Оба случая приобретают особую важность в контексте будущей марсианской колонизации, где вопросы распределения ресурсов и правительственного вмешательства в коммерческие проекты могут стать ключевыми источниками споров.

Успешное разрешение подобных споров в рамках существующих арбитражных механизмов подтверждает возможность их адаптации к марсианскому контексту, однако с учетом необходимости создания специализированных процедур, отвечающих специфике межпланетных операций и требованиям планетарной защиты согласно обновленной политике COSPAR от марта 2024 г.

Регулирование деятельности частных компаний остается ключевым вызовом в освоении Марса. Частная космонавтика демонстрирует эффективность государственно-частного партнерства, при этом государственный контроль в сфере безопасности сохраняется. SpaceX представляет наиболее амбициозные планы, разрабатывая многоразовый Starship для марсианских миссий. Однако исследование В. Майвальд показывает, что существующие технологические решения ограничены: «даже при 100 % рекуперации расходных материалов, масса системы превышает заявленные характеристики более чем на 100 метрических тонн» [Maiwald, Bauerfeindt, Felker et al. 2024]. Участие частных компаний соз-

²² МИД России. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции от 25 ноября 2022. Ст. 12, 17.

²³ PCA. Факультативные правила арбитража космических споров. 2011. URL: https://www.unoosa.org/pdf/limited/c2/AC105_C2_2012_CRP17E.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

²⁴ Jus Mundi. Решение арбитража по делу Devas Multimedia Private Limited против Antrix Corporation Limited, ICC № 18051/CYK, 2015. URL: <https://jusmundi.com/en/document/decision/en-devas-multimedia-private-limited-v-antrix-corporation-limited-award-monday-14th-september-2015> (дата обращения: 18.02.2025).

²⁵ Решение арбитража по делу Eutelsat S.A. против Мексиканских Соединенных Штатов, ICSID № ARB(AF)/17/2, 2021. – *Aceris Law*: [caŭm]. URL: <https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2024/05/Eutelsat-S.A.-v.-United-Mexican-States.pdf> (дата обращения: 18.02.2025).

дает правовые вызовы, поскольку международное космическое право ориентировано на регулирование деятельности государств. Необходимо создание механизмов контроля частной деятельности на Марсе, особенно учитывая технологические ограничения транспортных систем и попытки создания национальных нормативных актов (Люксембург, США), противоречащих международному космическому праву.

6. Заключение: ключевые направления развития правового регулирования марсианской колонизации

Анализ существующей международно-правовой базы и перспектив колонизации Марса позволяет сформулировать ряд конкретных рекомендаций. Принципиально важным является сохранение базовых положений Договора по космосу 1967 г. при одновременной разработке дополнительных правовых инструментов на международном уровне, учитывающих современные реалии космической деятельности.

Исследование показывает, что правовое регулирование марсианской колонизации представляет собой беспрецедентный вызов для международного сообщества. Успешная реализация марсианской программы потребует создания комплексной правовой базы, учитывающей как технические и научные аспекты освоения Марса, так и социально-экономические факторы международного сотрудничества, включая вопросы государственно-частного партнерства и взаимодействия различных космических агентств.

Ключевыми элементами этой правовой базы должны стать: четкое определение юрисдикции над марсианскими поселениями и их жителями, механизмы распределения и использования ресурсов, систему разрешения споров и конфликтов, протоколы обеспечения безопасности и защиты окружающей среды Марса. Особую актуальность приобретает вопрос регулирования применения технологий использования местных ресурсов (ISRU) в контексте требований планетарной защиты, установленных обновленной политикой COSPAR от марта 2024 г.

Анализ существующих правовых механизмов, включая опыт регулирования деятельности на МКС, в Антарктике и международном районе морского дна, демонстрирует возможность адаптации успешных моделей международного сотрудничества к марсианскому контексту. Особую ценность представляет опыт двустороннего сотрудничества в рамках создания Международной научной лунной станции между КНР и РФ, предлагающий эффективные механизмы регулирования крупномасштабных космических проектов.

В итоге успех марсианской программы будет зависеть не только от технических достижений, но и от способности международного сообщества создать эффективную систему правового регулирования, обеспечивающую баланс интересов всех участников и устойчивое развитие человеческого присутствия на Марсе. Особое внимание должно быть уделено вопросам планетарной защиты, эффективного использования ресурсов и обеспечения безопасности марсианских поселений при соблюдении фундаментальных принципов международного космического права.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Крохина П.А. 2024. Законодательство Люксембурга о природных ресурсах небесных тел и международное право. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 17-35. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-3-17-35> (дата обращения: 18.02.2025).
2. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М., Алексеев М. 2023. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? – *Международные процессы*. Т. 21. № 3 (74). С. 6–30. URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.5> (дата обращения: 18.02.2025).
3. Демидов Н.Э., Лукин В.В. 2017. Антарктида как полигон для отработки пилотируемых экспедиций на Луну и Марс. – *Исследования Солнечной системы. Астрономический вестник*. Т. 51. № 2. С. 117-135. URL: <https://doi.org/10.7868/S0320930X17020025> (дата обращения: 18.02.2025).
4. Островская А.А., Черных И.А. 2023. Экономико-правовые аспекты обеспечения устойчивой деятельности на Луне. – *Международный правовой курьер*. № 7. С. 85-90. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/107604/> (дата обращения: 18.02.2025).
5. Пряничников Р.А., Горбунова И.А. 2017. Сравнительный анализ стоимости запуска ракетопосителей. – *Наука без границ*. № 7 (12). С. 26-28. URL: <https://nauka-bez-granic.ru/zhurnaly/n-7-12-iyul-2017/sravnitelnyj-analiz-stoimosti-zapuska-raketonositelej.html> (дата обращения: 18.02.2025).
6. Соловьев В.А., Любинский В.Е. 2010. МКС – новый этап международного сотрудничества в космосе. – *Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана*. Сер. Машиностроение. № 5. С. 10-18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mks-novyy-etap-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-kosmose> (дата обращения: 18.02.2025).

7. Черных И.А., Гугунский Д.А., Солнцев А.М. 2024. Влияние эпистемических сообществ на разработку будущего международно-правового регулирования деятельности на Луне. – *RUDN Journal of Law*. Т. 28. № 1. С. 215–230. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230> (дата обращения: 18.02.2025).
8. Chen X. 2001. Limitation of liability for maritime claims: A study of U.S. law, Chinese law and international conventions. The Hague: Kluwer law intern. 168 p. URL: <https://brill.com/downloadpdf/display/book/9789004481947/front-2.pdf> (accessed date: 18.02.2025).
9. Deplano R. 2021. The Artemis Accords: Evolution or Revolution in International Space Law? – *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 70. Issue 3. P. 799–819. URL: <https://doi.org/10.1017/S0020589321000142> (accessed date: 18.02.2025).
10. Diederiks-Verschoor I.H.P. 1993. State Responsibility for Space Activities. – *Netherlands International Law Review*. Vol. 40. Issue 2. P. 361. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1017/S0165070X00009554> (accessed date: 18.02.2025).
11. Farsaris A.E. 2021. The Intergovernmental Agreement of the International Space Station (ISS) as a Precedent for Regulating the First Human Settlements on Mars. – *Assessment of Mars Agreement Including Human Settlement*. Studies in Space Policy. Vol. 30. Ed. by A. Froehlich. Cham: Springer. P. 63–74. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65013-1_6 (accessed date: 18.02.2025).
12. Freer R., Pesch V., Zabel P. 2024. Experimental study to characterize water contaminated by lunar dust. – *Frontiers in Space Technologies*. Vol. 5. P. 1–11. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/space-technologies/articles/10.3389/frspt.2024.1366591/full> (accessed date: 18.02.2025).
13. Maiwald V., Bauerfeindt M., Felker S., et al. 2024. On the Feasibility of the SpaceX Mars Human Mission Scenario Using Starship. – *Scientific Reports*. Vol. 14. Art. 11804. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-024-54012-0> (accessed date: 18.02.2025).
14. Nelson J.W. 2020. The Artemis Accords and the Future of International Space Law. – *ASIL Insights*. Vol. 24. No. 31. P. 1–7. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/31/artemis-accords-and-future-international-space-law> (accessed date: 18.02.2025).
15. Pelc J., Torchała P., Suścicka B., Łabowska M., Popiel M. 2020. Mars Society – How Should Policy and Organization in Mars Colony Look Like? P. 1–10. URL: https://www.researchgate.net/publication/344075776_MARS_SOCIEITY_-_HOW_SHOULD_POLICY_AND_ORGANIZATION_IN_MARS_COLONY_LOOK_LIKE (accessed date: 18.02.2025).
16. Rogers R. 2019. The Sea of the Universe: How Maritime Law's Limitation on Liability Gets It Right, and Why Space Law Should Follow by Example. – *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 26. Issue 2. Art. 10. P. 741–760. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol26/iss2/10/> (accessed date: 18.02.2025).
17. Smith I.B., Putzig N.E., Holt J.W., Phillips R.J. 2016. An Ice Age Recorded in the Polar Deposits of Mars. – *Science*. Vol. 352. P. 1075–1078. URL: <https://doi.org/10.1126/science.aad6968> (accessed date: 18.02.2025).
18. Snooks G.D. 2025. Colonising Mars: How to Create New Worlds in Space. IGDS eBooks. Canberra. P. 1–62. URL: https://www.researchgate.net/publication/388195816_COLONISING_MARS_how_to_create_new_worlds_in_space (accessed date: 18.02.2025).
19. Supolkina N., Yusupova A., Shved D., Gushin V., Savinkina A., Lebedeva S.A., Chekalina A., Kuznetsova P. 2021. External Communication of Autonomous Crews in Simulated Interplanetary Missions. – *Frontiers in Physiology*. Vol. 12. Art. 751170. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.3389/fphys.2021.751170> (accessed date: 18.02.2025).
20. Von der Dunk F.G. 2018. Private Property Rights and the Public Interest in Space Exploration. – *Biological Theory*. Vol. 13. P. 142–151. URL: <https://doi.org/10.1007/s13752-017-0271-9> (accessed date: 18.02.2025).

References

1. Chen X. Limitation of liability for maritime claims: A study of U.S. law, Chinese law and international conventions. The Hague: Kluwer law intern. 2001. 168 p. URL: <https://brill.com/downloadpdf/display/book/9789004481947/front-2.pdf> (accessed date: 18.02.2025).
2. Chernykh I.A., Gugunskii D.A., Solntsev A.M. Vliyanie epistemicheskikh soobshchestv na razrabotku budushchego mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti na Lune [Influence of Epistemic Communities on the Development of Future International Legal Regulation of Activities on the Moon]. – *RUDN Journal of Law*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 215–230. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-215-230> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)
3. Demidov N.E., Lukin V.V. Antarktida kak poligon dlya otrabotki pilotiruemykh ekspeditsii na Lunu i Mars [Antarctica as a testing ground for piloted expeditions to the Moon and Mars]. – *Issledovaniya Solnechnoi sistemy. Astronomicheskii vestnik [Research of the Solar System. Astronomical Herald]*. 2017. Vol. 51. No. 2. P. 117–135. URL: <https://doi.org/10.7868/S0320930X17020025> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)
4. Deplano R. The Artemis Accords: Evolution or Revolution in International Space Law? – *International and Comparative Law Quarterly*. 2021. Vol. 70. Issue 3. P. 799–819. URL: <https://doi.org/10.1017/S0020589321000142> (accessed date: 18.02.2025).
5. Diederiks-Verschoor I.H.P. State Responsibility for Space Activities. – *Netherlands International Law Review*. 1993. Vol. 40. Issue 2. P. 361. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1017/S0165070X00009554> (accessed date: 18.02.2025).
6. Farsaris A.E. The Intergovernmental Agreement of the International Space Station (ISS) as a Precedent for Regulating the First Human Settlements on Mars. – *Assessment of Mars Agreement Including Human Settlement*. Studies in Space Policy. Vol. 30. Ed. By A. Froehlich. Cham: Springer. 2021. P. 63–74. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65013-1_6 (accessed date: 18.02.2025).
7. Freer R., Pesch V., Zabel P. Experimental study to characterize water contaminated by lunar dust. – *Frontiers in Space Technologies*. 2024. Vol. 5. P. 1–11. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/space-technologies/articles/10.3389/frspt.2024.1366591/full> (accessed date: 18.02.2025).
8. Maiwald V., Bauerfeindt M., Felker S., et al. On the Feasibility of the SpaceX Mars Human Mission Scenario Using Starship. – *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Art. 11804. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-024-54012-0> (accessed date: 18.02.2025).

9. Nelson J.W. The Artemis Accords and the Future of International Space Law. – *ASIL Insights*. 2020. Vol. 24. No. 31. P. 1-7. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/24/issue/31/artemis-accords-and-future-international-space-law> (accessed date: 18.02.2025).
10. Ostrovskaya A.A., Chernykh I.A. Ekonomiko-pravovye aspekty obespecheniya ustoichivoi deyatel'nosti na Lune [Economic and Legal Aspects of Ensuring Sustainable Activities on the Moon]. – *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er [International Legal Courier]*. 2023. № 7. P. 85-90. URL: <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/107604/> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)
11. Pelc J., Torchała P., Suścicka B., Łabowska M., Popiel M. Mars Society – How Should Policy and Organization in Mars Colony Look Like? 2020. P. 1-10. URL: https://www.researchgate.net/publication/344075776_MARS_SOCIETY_-_HOW_SHOULD_POLICY_AND_ORGANIZATION_IN_MARS_COLONY_LOOK_LIKE (accessed date: 18.02.2025).
12. Pryanichnikov R.A., Gorbunova I.A. Sravnitel'nyi analiz stoimosti zapuska raketonositelei [Comparative analysis of the cost of launching rockets]. – *Nauka bez granic [Science without borders]*. 2017. №7 (12). P. 26-28. URL: <https://nauka-bez-granic.ru/zhurnaly/n-7-12-iyul-2017/sravnitelnyj-analiz-stoimosti-zapuska-raketonositelej.html> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)
13. Rogers R. The Sea of the Universe: How Maritime Law's Limitation on Liability Gets It Right, and Why Space Law Should Follow by Example. – *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2019. Vol. 26. Issue 2. Art. 10. P. 741-760. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/ijgls/vol26/iss2/10/> (accessed date: 18.02.2025).
14. Smith I.B., Putzig N.E., Holt J.W., Phillips R.J. An Ice Age Recorded in the Polar Deposits of Mars. – *Science*. 2016. Vol. 352. P. 1075-1078. URL: <https://doi.org/10.1126/science.aad6968> (accessed date: 18.02.2025).
15. Snooks G.D. Colonising Mars: How to Create New Worlds in Space. IGDS eBooks. Canberra. 2025. P. 1-62. URL: https://www.researchgate.net/publication/388195816_COLONISING_MARS_how_to_create_new_worlds_in_space (accessed date: 18.02.2025).
16. Solov'ev V.A., Lyubinskii V.E. MKS – novyi etap mezhdunarodnogo sotrudnichestva v kosmose [ISS – a new stage of international cooperation in space]. – *Vestnik MGTU im. N.E. Bauman. Ser. Mashinostroenie [Herald of the Bauman Moscow State Technical University. Series Mechanical Engineering]*. 2010. № S. P. 10-18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mks-novyy-etap-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-kosmose> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)
17. Supolkina N., Yusupova A., Shved D., Gushin V., Savinkina A., Lebedeva S.A., Chekalina A., Kuznetsova P. External Communication of Autonomous Crews in Simulated Interplanetary Missions. – *Frontiers in Physiology*. 2021. Vol. 12. Art. 751170. P. 1-10. URL: <https://doi.org/10.3389/fphys.2021.751170> (accessed date: 18.02.2025).
18. Von der Dunk F.G. Private Property Rights and the Public Interest in Space Exploration. – *Biological Theory*. 2018. Vol. 13. P. 142-151. URL: <https://doi.org/10.1007/s13752-017-0271-9> (accessed date: 18.02.2025).
19. Vylegzhanin A.N., Krokhina P.A. Zakonodatel'stvo Lyuksemburga o prirodnkh resursakh nebesnykh tel i mezhdunarodnoe pravo [Luxembourg Legislation on Natural Resources of Celestial Bodies and International Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2024. № 3. P. 17-35. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-3-17-35> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)
20. Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M., Alekseev M. Mezhdunarodno-pravovaya kosmicheskaya politika SSHA: priglasenie k utochneniyu statusa prirodnkh resursov nebesnykh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Space Policy of the USA: An Invitation to Clarify the Status of Natural Resources of Celestial Bodies or a Challenge to the Majority of States?]. – *Mezhdunarodnye protsessy [International Processes]*. 2023. Vol. 21. № 3 (74). P. 6-30. URL: <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.3.74.5> (data obrashheniya: 18.02.2025). (In Russ.)

Информация об авторах

Яна Евгеньевна БРАЗОВСКАЯ

Доцент кафедры международного и морского права, ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова

Двинская ул., 5/7, Санкт-Петербург, 198035, Российская Федерация

bye2004@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4449-2209

Денис Максимович АВДЫШ

Юрист, ООО «Агентство морского права»

Калинкин пер., 4, лит. А, помещ. 1-Н, Санкт-Петербург, 190008, Российская Федерация

avdysh.denis@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7607-9765

About the Authors

Yana E. BRAZOVSKAYA

Associate Professor of the Department of International and Maritime Law, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

5/7, Dvinskaya Str., St. Petersburg, Russian Federation, 198035

bye2004@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4449-2209

Denis M. AVDYSH

Lawyer, Agency of Maritime Law LLC

4, letter A, room 1-N, Kalinkin Lane, St. Petersburg, Russian Federation, 190008

avdysh.denis@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7607-9765

Иван Вячеславович ДЫХАНОВ

Общество с ограниченной ответственностью «Гидрострой»

Портовая ул., 30, пом. 5, Калининград, 236039, Российская Федерация

БФУ им. И. Канта

Александра Невского ул., 14, Калининград, 236041, Российская Федерация

dykahnov39@gmail.com

ORCID: 0009-0003-5340-9256

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДНОУГЛУБИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ВВЕДЕНИЕ. Дноуглубление представляет собой деятельность, направленную на увеличение глубины определенной акватории путем извлечения донного грунта. Для осуществления этой деятельности используются суда технического флота особого типа – земснаряды. Высокая техническая сложность работ по дноуглублению, их воздействие на окружающую среду, а также уникальный характер, предусматривающий использование специализированных судов, обуславливает необходимость комплексного регулирования такой деятельности. Европейский союз (ЕС, Союз) является юрисдикцией базирования ведущих компаний, предоставляющих дноуглубительные услуги, вследствие чего подход ЕС к регулированию этой деятельности представляет особенный интерес.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье рассматриваются аспекты правового регулирования дноуглубительной деятельности в ЕС. Автором использовались труды российских и зарубежных ученых, посвященные проблемам и особенностям дноуглубления. С учетом тематики настоящего исследования, использовавшиеся труды российских ученых посвящены в основном рассмотрению общих аспектов дноуглубительных работ, тогда как работы зарубежных исследователей касаются частных вопросов

регулирования дноуглубления непосредственно в ЕС. Исследование основывается на анализе законодательных актов ЕС, включая как акты первичного права Союза, такие как Договор о функционировании ЕС, так и акты вторичного права Союза – различные директивы и регламенты ЕС, регулирующие осуществление дноуглубительных работ. Автором также анализируются решения Суда ЕС, в которых затрагиваются аспекты реализации дноуглубительной деятельности и эксплуатации судов дноуглубительного флота. Кроме того, автором рассматривается ряд глобальных международных договоров в области судоходства и иных источников международного права. В рамках исследования применялся формально-юридический метод, метод юридической герменевтики, сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Союз не относит дноуглубление к транспортным услугам, регулируя его как инженерно-гидротехническую, строительную деятельность. Это представляется оправданным и распространенным подходом: для дноуглубления судходность является второстепенным признаком, тогда как основная цель заключается в извлечении грунта. При этом модель регулирования дноуглубительных работ в ЕС можно

охарактеризовать как гибкую, поскольку в ее рамках сочетаются необходимость признания и уважения свободы предоставления услуг и необходимость защиты объектов критической инфраструктуры, выражающейся в возможности ограничения доступа к рынку дноуглубления ЕС по соображениям безопасности. В то же время обнаружены пробелы в регулировании статуса извлеченного грунта, который в зависимости от обстоятельств может квалифицироваться как отход или вторичный ресурс. Также выявлена недостаточная детализация правил допуска иностранных компаний на европейский рынок дноуглубительных работ.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Гибкость регулирования дноуглубительных работ в ЕС позволяет адаптироваться к конкретным условиям проектов, что является его преимуществом. Вместе с тем отсутствие единообразного подхода к статусу извлекаемого грунта создает правовую неопределенность. Кроме того, несмотря на наличие положений, позволяющих ограничить доступ компаниям из третьих

стран к рынку дноуглубления ЕС, вместо них применяются меры по защите от иностранных субсидий, что противоречит основной идее ограничений на рынке дноуглубления. В целом, опыт ЕС в данной сфере можно считать положительным, но требующим дальнейшего совершенствования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дноуглубительная деятельность, право Европейского союза, морское право, дноуглубление, земснаряд, гидротехника, экологическое право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дыханов И.В. 2025. Особенности регулирования дноуглубительной деятельности в рамках права Европейского союза. – Московский журнал международного права. № 4. С. 137–149. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-137-149>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

EUROPEAN UNION LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-137-149>

Ivan V. DYKHANOV

Gidrostroy Ltd.

30, room 5, Portovaya St., Kaliningrad, Russian Federation, 236039

Immanuel Kant Baltic Federal University

14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russian Federation, 236041

dykahnov39@gmail.com

ORCID: 0009-0003-5340-9256

Research article
UDC: 341.225
Received 21 March 2025
Approved 6 October 2025

REGULATION OF DREDGING OPERATIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE LAW OF THE EUROPEAN UNION AND ITS PECULIARITIES

INTRODUCTION. Dredging is an activity aimed at increasing the depth of a specific water area by extracting bottom sediments. This activity is carried out

using a special type of technical fleet vessels – dredgers. The high technical complexity of dredging operations, their environmental impact, and the unique nature of

this activity, which requires the use of specialized vessels, necessitate a comprehensive regulatory framework. The European Union (EU, Union) is home to leading companies providing dredging services, making the EU's regulatory approach to this sector of particular interest.

MATERIALS AND METHODS. This article examines the legal aspects of dredging regulation in the EU. The author relies on the works of both Russian and foreign scholars dedicated to the legal and operational specifics of dredging activities. Given the topic of this study, the works of Russian scholars primarily focus on general aspects of dredging operations, whereas foreign researchers address specific regulatory issues within the EU. The study is based on an analysis of EU legal acts, including primary EU law, such as the Treaty on the Functioning of the European Union, as well as secondary EU law—various directives and regulations governing dredging operations. The author also examines case law of the Court of Justice of the European Union (CJEU) related to dredging activities and the operation of dredging vessels. Additionally, the study considers global international treaties on navigation and other sources of international law. The research methodology includes formal legal analysis, legal hermeneutics, and comparative methods.

RESULTS. The EU does not classify dredging as a transport service but rather regulates it as an engineering, hydraulic, and construction activity. This approach is both justified and widely applied: navigability is a secondary aspect of dredging, whereas the primary objective is sediment extraction. The EU's regulatory model for dredging can be characterized as flexible, as it balances the fundamental principle of the freedom to provide services with the necessity of protecting critical infrastructure, which allows for restric-

tions on access to the EU dredging market on security grounds. However, the study identifies gaps in the regulation of extracted sediment, which, depending on the circumstances, may be classified either as waste or as a secondary resource. Additionally, there is a lack of detailed rules governing the access of foreign companies to the EU dredging market.

DISCUSSION AND CONCLUSION. The flexibility of the EU's regulatory approach to dredging allows for adaptation to specific project conditions, which is one of its key advantages. However, the absence of a uniform approach to the legal status of extracted sediment creates uncertainty in regulatory enforcement. Moreover, although EU law provides for restrictions on market access for third-country companies, these restrictions are currently implemented through measures against foreign subsidies rather than direct market access limitations, which contradicts the original intent of such restrictions. Overall, the EU's regulatory experience in this sector can be considered positive, though requiring further refinement and improvement.

KEYWORDS: dredging operations, European Union law, maritime law, dredging, dredger, hydraulic engineering, environmental law

FOR CITATION: Dykhanov I.V. Regulation of Dredging Operations within the Framework of the Law of the European Union and its Peculiarities. – *Moscow Journal of International Law*. 2025. No. 4. P. 137–149. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-4-137-149>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Дноуглубление играет важнейшую роль в осуществлении судоходства и мореплавания. Эта деятельность заключается в извлечении посредством использования специализированных судов – земснарядов – грунта со дна определенной акватории. Подобное извлечение грунта может осуществляться с целью последующего строительства гидротехнических сооружений [Воронина 2002:199], например, объектов портовой инфраструктуры, увеличения судоходности каналов и рек [Сметанин,

Жогин 2023:28], очистки водных путей [Сметанин 2022:13], а также с иными целями. В связи с этим строительство практически любых сооружений и объектов, имеющих значение для судоходства и навигации, сопровождается предварительными дноуглубительными работами. Кроме того, извлеченный грунт и песок впоследствии могут использоваться в целях намыва пляжей и берегоукрепления [Закиров, Чубаренко, Бурнашов 2024:79], а в ряде случаев – для строительства искусственных островов и иных сооружений. Также строительство таких гидротехнических сооружений может выступать способом достижения политических целей, как,

например, в случае с рядом островов, построенных Китаем в Южно-Китайском море [Stubbs, Stephens 2017:28]. Таким образом, дноуглубление играет важную роль в развитии транспортной инфраструктуры.

Вместе с тем дноуглубление, будучи сложной гидротехнической деятельностью, должно осуществляться с применением определенных мер предосторожности. Так, дноуглубительные работы необходимо проводить после обязательной экологической экспертизы, которая будет учитывать место их проведения – в противном случае, экосистемам данной акватории может быть нанесен существенный вред. Следует также учитывать, что многие дноуглубительные проекты не предусматривают намыва, и извлеченный судами грунт должен сбрасываться на специально предназначенной для этого морской свалке. Сброс грунта в иных местах может причинить ущерб морским ресурсам, а если он осуществляется в крупных объемах, то подобная несанкционированная свалка может повлиять на всю береговую линию, привести к размыву побережья и иным необратимым последствиям.

С учетом приведенных рисков, регулирование дноуглубительной деятельности является необходимостью в контексте развития морского транспорта и водопользования. Кроме того, такое регулирование должно учитывать экологические, географические, социальные, экономические и иные факторы реализации данной деятельности. В этом контексте особый интерес представляют меры, предпринимаемые ЕС, поскольку Союз является юрисдикцией базирования крупнейших дноуглубительных компаний. Так, в ЕС зарегистрирована так называемая большая четверка – четыре компании, являющиеся абсолютными лидерами на мировом рынке дноуглубления, а именно: Boskalis (Нидерланды), DEME Group (Бельгия), Jan De Nul Group (Бельгия, Люксембург) и Van Oord (Нидерланды). С учетом указанных факторов, для данного интеграционного объединения вопрос регулирования дноуглубительной деятельности стоит наиболее остро и требует учета множества аспектов.

2. Основная часть

2.1. Правовая природа дноуглубления в контексте свободы предоставления услуг в Европейском союзе

Как ранее указывалось, дноуглубление представляет собой процесс извлечения грунта со дна определенной акватории. Этот процесс может осуществляться с различными целями, но, если говорить о промышленном дноуглублении, оно, как правило, осуществляется для последующего строительства гидротехнических сооружений либо с целью придания судоходности каналу или реке. Вместе с тем дноуглубление осуществляется посредством эксплуатации специализированных кораблей – земснарядов. Особенность земснарядов состоит в том, что они снабжены необходимыми устройствами для извлечения грунта: трубами для откачивания грунта (землесосы), ковшами для его выкапывания (ковшовые земснаряды) и т.д. При этом в связи с тем, что большинство земснарядов обладают валовой вместимостью свыше 300 тонн, они являются судами в значении международного морского права, им присваивается номер ИМО в соответствии с требованиями Резолюций А.600(15) и А.1078(28) Международной морской организации. Кроме того, на все операции с применением земснарядов в морских пространствах распространяется действие Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ), поскольку по смыслу этой конвенции судном является эксплуатируемое в морской среде судно любого типа¹. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) распространяет свое действие на суда валовой вместимостью свыше 500 регистровых тонн², что также обуславливает распространение действия данной конвенции на большинство земснарядов.

Дноуглубительная деятельность по своей экономико-правовой природе является коммерческой, т.е. предусматривает выполнение этих работ за плату. С учетом специфики этого вида

¹ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года (в ред. от 26.09.1997). Ст. 2. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764502> (дата обращения: 04.02.2025).

² Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (в ред. от 24.05.2018). Правило 3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901765675> (дата обращения: 07.02.2025).

деятельности, зачастую заказчиками по дноуглубительным проектам выступают организации, тем или иным образом аффилированные с государством, например, администрации морских портов. В отдельных случаях интересантом проведения дноуглубительных работ может быть государство как таковое в лице уполномоченных органов, таких как министерство транспорта. Это обстоятельство связано с тем, что дноуглубление, как правило, либо сопровождается крупными инфраструктурными проектами (как, например, строительство терминалов для сжиженного природного газа³ или атомных электростанций⁴), либо направлено на увеличение эффективности, доступности и безопасности эксплуатации морского транспорта и морских перевозок как таковых. Подобные направления деятельности, особенно в контексте строительства объектов энергетической или транспортной инфраструктуры, неразрывно связаны с необходимостью обеспечения государственной безопасности: выполнение подобных работ предполагает наличие доступа к информации об объекте инфраструктуры. С учетом данного обстоятельства, а также руководствуясь иными протекционистскими стремлениями, многие государства вводят ограничения на доступ к своим рынкам дноуглубления. Например, в Малайзии⁵ и на Филиппинах⁶ действуют законодательные акты, не позволяющие получить разрешение на проведение дноуглубительных работ компаниям, в которых менее половины участников являются гражданами соответствующего государства. Аналогичные требования действуют в США, Китае, Индии, Индонезии и других странах. При этом большинство государств, применяющих подобные ограничения, не располагают достаточным количеством дноуглубительных судов, и вследствие этого многие из них вынуждены предусматривать исключения и предоставлять временные разрешения для привлечения иностранных дноуглубительных компаний.

В рамках ЕС вопросы выполнения трансграничных дноуглубительных работ должны разрешаться с учетом соответствующих положений права ЕС. Основное противоречие, которое возникает при анализе правовой природы дноуглубления с позиций соответствующего законодательства ЕС, заключается в определении того, какой услугой является дноуглубительная деятельность – транспортной или инженерной. С одной стороны, основной целью дноуглубительных работ является извлечение грунта для дальнейшего строительства гидротехнических, портовых сооружений или обеспечения иных задач. С другой стороны, эта цель достигается посредством эксплуатации судов, т.е. морского транспорта. Между тем разрешение этого противоречия необходимо для определения того, какими нормами Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) будет регулироваться осуществление дноуглубительной деятельности. Если эта услуга является инженерной (гидротехнической), к ней в полной мере будут применяться общие положения главы 3 раздела IV ДФЕС о свободе предоставления услуг. Если же услуга является транспортной, то в дополнение к общим положениям о свободе предоставления услуг будут применяться положения раздела VI ДФЕС о транспорте, которые обладают дополнительными особенностями и требуют применения специальных регламентов и директив.

Исходя из анализа законодательства Союза, а также правоприменительной практики Суда ЕС, можно констатировать, что дноуглубление не является транспортной услугой, и должно признаваться строительной, инженерной либо гидротехнической деятельностью. Прежде всего следует обратиться к Директиве 2014/25/ЕС, которая регулирует вопросы закупок в водном, энергетическом, транспортном и почтовом секторах. Эта Директива относит дноуглубление к услугам по строительству водных объектов⁷, тем самым явно отграничивая дноуглубительную

³ Дноуглубительные работы в терминале «Утренний» проекта «Арктик СПГ-2» завершат во второй декаде октября. URL: <https://portnews.ru/news/284864/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ The marine works for El Dabaa Nuclear Power Plant – Egypt. URL: <https://www.arabcont.com/english/project-809> (дата обращения: 07.02.2025).

⁵ Merchant Shipping Ordinance (Ord. 70/1952). Section 65KA. URL: <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/89550/MYS89550%20Eng.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

⁶ MARINA Circular No. 3, Series of 2006. Revised Guidelines on the Accreditation of Domestic Shipping Enterprises or Entities. URL: <https://marina.gov.ph/wp-content/uploads/2018/07/MC-2006-03.pdf> (дата обращения: 07.02.2025).

⁷ Directive 2014/25/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on procurement by entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors and repealing Directive 2004/17/EC. Annex I. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014L0025-20240101> (дата обращения: 07.02.2025).

деятельность от транспортных услуг. Аналогичный подход прослеживается и в Регламенте № 718/1999 о политике увеличения мощности флота Сообщества в целях развития внутреннего водного транспорта. Так, в Регламенте прямо указывается, что он не распространяет свое действие на дноуглубительное оборудование, такое как трюмные земснаряды, понтоны и плавучие строительные установки, при условии, что такое оборудование не используется для перевозки грузов между двумя или более пунктами по внутренним водным путям государств-членов⁸.

Интересно, что данное положение Регламента становилось предметом спора в Суде ЕС. В деле T-82/01 нидерландская компания обратилась с заявлением об отмене решения Комиссии Европейских сообществ, которым принадлежащий этой компании земснаряд признавался попадающим под действие Регламента № 718/1999. Компания-судовладелец ссылалась на положение Регламента, согласно которому дноуглубительное оборудование не попадает под его действие, тогда как Комиссия заявляла, что данное судно использовалось для перевозки грузов. Суд установил, что судно действительно использовалось для перевозки песка и щебня в порты на территории ЕС, и вследствие этого отказал в удовлетворении заявления⁹. Исходя из этого решения, можно сделать вывод о том, что дноуглубительное судно в определенных случаях может оказывать транспортные услуги, а именно тогда, когда оно, в противоречие со своей основной функцией, приспособлено для такой цели судовладельцем или иным пользователем. В том же случае, если судно эксплуатируется сугубо для целей дноуглубления, оно осуществляет строительную (гидротехническую, инженерную) деятельность, вследствие чего к такой деятельности не могут применяться положения транспортного законодательства ЕС.

Вместе с тем преждевременно делать вывод о том, что свобода предоставления услуг в контексте рынка дноуглубления ЕС является абсолютной. Несмотря на то что ограничения, предусмотренные транспортной политикой Союза, не распространяются на дноуглубительную деятельность, она все равно представляет собой сложный вид инженерных работ, формирующих потенциальную угрозу безопасности. Так, государства-члены вправе ограничить участие иностранных компаний в дноуглубительных проектах, если они касаются портовой, критической или оборонной инфраструктуры: это право гарантируется как в силу ст. 52 ДФЕС, так и положений Директивы 2014/25/ЕС. Дополнительное подтверждение особого статуса дноуглубления содержится в Регламенте 2017/352 об установлении основы для предоставления портовых услуг и общих правил финансовой прозрачности деятельности портов. Регламент предусматривает достаточно либеральный механизм регулирования портовых услуг, в частности, возможность получения беспрепятственного доступа к ним, однако на дноуглубление распространяются лишь положения о финансовой прозрачности¹⁰. Следует отметить, что при подготовке Регламента дноуглубление признавалось «портовой услугой» в полном объеме, однако Комитет регионов рекомендовал исключить его и ряд прочих услуг из его сферы действия. Данная позиция Комитета основывалась на том, что дноуглубление подчиняется целям общего интереса, т.е. безопасности, защищенности и защите окружающей среды¹¹.

Вместе с тем нельзя с уверенностью утверждать, что рассматриваемый механизм ограничения участия компаний из третьих стран работает достаточно эффективно. Так, обеспокоенность европейских компаний вызывает рост числа дноуглубительных проектов на территории ЕС,

⁸ Council Regulation (EC) No 718/1999 of 29 March 1999 on a Community-fleet capacity policy to promote inland waterway transport. Article 2(1)(g). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01999R0718-20140618> (дата обращения: 07.02.2025).

⁹ Judgment of the Court of First Instance (Third Chamber) of 8 May 2003 in Case T-82/01. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62001TJ0082&from=SK> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁰ Regulation (EU) 2017/352 of the European Parliament and of the Council of 15 February 2017 establishing a framework for the provision of port services and common rules on the financial transparency of ports. Article 1(3). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02017R0352-20200528> (дата обращения: 07.02.2025).

¹¹ Opinion of the Committee of the Regions on 'Framework on future EU ports policy' 2014/C 114/11. Clause 13. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A52013AR3610> (дата обращения: 07.02.2025).

которые реализуются компаниями из Китая. Специалисты указывают, что с середины 2023 г. количество таких проектов в ЕС снизилось, во многом благодаря принятию Регламента 2022/2560 об иностранных субсидиях¹². Однако из этого следует, что изначальная возможность ограничения участия иностранных компаний в дноуглубительных проектах на территории ЕС не использовалась государствами-членами. Более того, в некоторых государствах ЕС, в частности Италии, компании из Китая являлись не только исполнителями, но и инвесторами ряда ключевых инфраструктурных проектов [Luise, Buckley, Voss, Plakoyiannaki, Barbieri 2021:179]. Это может быть объяснено тем, что китайские компании предлагают более низкую стоимость и вследствие этого заказчикам по проекту выгоднее обращаться к ним, нежели к компаниям из ЕС. Представляется, что в целях защиты рынка дноуглубления законодательство Союза могло бы быть уточнено в части гармонизации правил привлечения судов под иностранным флагом для участия в дноуглубительных работах. Это уточнение может заключаться, например, во введении правил, аналогичных действующим в Российской Федерации и ряде других стран, когда суда под флагами третьих стран могут привлекаться лишь в том случае, когда отсутствует возможность привлечения судов под флагами государств – членов ЕС. Очевидно, что потребность в сохранении бюджетных средств не должна ставиться выше интересов государственной и интеграционной безопасности – особенно если работы проходят на объектах критической инфраструктуры. Кроме того, у Союза наличествует опыт введения ограничений на основании флага судна – такие меры были введены в отношении судов, плавающих под флагом Российской Федерации. Вместе с тем, если в отношении российских судов ограничения были введены на основании эфемерных угроз и диктовались преимущественно политическими мотивами [Дыханов 2024:56], то предлагаемая в контексте защиты рынка дноуглубления мера исходит из экономического базиса.

Таким образом, уместно сделать вывод о том, что дноуглубление представляет собой особый вид услуги по смыслу законодательства ЕС. Несмотря на то что дноуглубление

осуществляется посредством эксплуатации транспортных средств, а именно особой категории судов, оно не является транспортной услугой, поскольку основной целью их эксплуатации является извлечение грунта, что представляет собой особый вид инженерно-гидротехнической деятельности. Вместе с тем на эти суда распространяются основные требования международного морского права в сфере безопасности судоходства: их корпус, машинное оборудование, а также гражданская ответственность судовладельца должны быть надлежащим образом застрахованы, они должны отвечать применимым требованиям МАРПОЛ, СОЛАС и иных международных конвенций и т.д. Кроме того, в связи с тем, что дноуглубительные работы часто осуществляются в непосредственной близости от объектов критической инфраструктуры (энергетические объекты, порты, гидротехнические сооружения), государства – члены ЕС вправе вводить определенные ограничения в контексте свободы предоставления данного рода услуг, руководствуясь соответствующими положениями ДФЕС и вторичного права Союза. Вместе с тем положения о возможности введения подобных ограничений недостаточно конкретизированы, поскольку они не способствовали снижению числа проектов на территории ЕС, которые реализовывались компаниями из Китая – для борьбы с подобными практиками потребовалось принятие Регламента об иностранных субсидиях. Представляется, что для целей конкретизации рассматриваемых положений ЕС необходимо уточнить правила привлечения судов под иностранным флагом с целью осуществления дноуглубительных работ на территории Союза.

2.2. Природоохранное законодательство Европейского союза и его роль в регулировании дноуглубления

Дноуглубление, будучи деятельностью по извлечению грунта со дна акватории, фактически представляет собой разновидность пользования водными объектами. Вместе с тем такое пользование значительно отличается от других его разновидностей, поскольку оно затрагивает землю, формирующую дно той или иной акватории.

¹² Buitendijk M. China is a systematic rival for European dredging companies. URL: <https://swzmaritime.nl/news/2024/02/22/china-is-a-systematic-rival-for-european-dredging-companies/> (дата обращения: 07.02.2025).

Прежде всего, тем самым дноуглубление комплексно воздействует на окружающую среду: к обычному воздействию на воду добавляется воздействие на дно, грунт, ил. Так, некоторые исследователи утверждают, что иногда дноуглубительные работы могут привести к высвобождению токсичных веществ, находящихся на дне акватории [Igwe, Ugovwarhe, Ejiofor, Mentkiti, Okonkwo 2017:1147]. Поэтому при работе в различных районах необходимо учитывать состояние донных ресурсов, а именно степень их загрязненности химическими веществами и соединениями [Staniszewska, Boniecka 2017:4]. Кроме того, как правило (в случае, если он не используется впоследствии для намыва пляжей), этот грунт отправляется на специально оборудованную свалку, которая представляет собой отведенное место на дне акватории. Произвольный сброс грунта вне свалки недопустим – место для свалки должно быть выбрано таким образом, чтобы не нанести ущерба экосистемам акватории [Essink 1999:71]. Кроме того, при выборе места для свалки учитывается необходимость не допустить обратного попадания грунта в место извлечения под действием природных факторов. В противном случае черпание придется проводить повторно [Бухарицин 2023:331].

В связи с указанными обстоятельствами, возникает вопрос относительно статуса извлеченного и впоследствии сброшенного дноуглубительным судном грунта. Дело в том, что в соответствии с законодательством ЕС понятие «отходы» трактуется достаточно широко. Так, согласно Директиве 2008/98/ЕС, отходами признается любое вещество или предмет, которое его владелец выбрасывает, намеревается выбросить или обязан выбросить¹³. При этом ст. 2 Директивы предусмотрены вещества и предметы, которые формально попадают под приведенное определение, однако исключены из сферы ее регулирования. Так, к ним относятся

незагрязненная почва и другие природные материалы, извлеченные в ходе строительных работ, если материал будет использоваться в целях строительства в его естественном состоянии на месте, откуда он был извлечен, и отходы, образующиеся в результате разведки, добычи, обработки и хранения полезных ископаемых, а также разработки карьеров, в той степени, в которой это регулируется Директивой 2006/21/ЕС¹⁴. Обе категории могут быть отнесены к добытому при дноуглублении грунту лишь с высокой степенью условности. Прежде всего грунт не используется в целях строительства, поскольку он остается на свалке. Что касается Директивы 2006/21/ЕС, то ей регулируются вопросы управления отходами добывающей промышленности. В Директиве не упоминается дноуглубление (равно как и в Директиве 2008/98/ЕС), тогда как под отраслями добывающей промышленности понимаются учреждения и предприятия, занимающиеся добычей полезных ископаемых открытым или подземным способом в коммерческих целях, включая добычу путем бурения скважин или переработку добытого материала¹⁵. Представляется, что дноуглубление не относится к подобным видам деятельности.

Однако наиболее существенным аргументом в пользу признания извлеченного при дноуглублении грунта отходами является Решение Еврокомиссии 2000/532/ЕС, которым устанавливается перечень типов отходов. Под кодом 17 05 в списке значится почва, камни и грунт, извлеченные в ходе дноуглубительных работ¹⁶. Этот список даже становился основой для вынесения решений Судом ЕС в спорах относительно признания добытого при дноуглублении грунта отходами: так, в рамках дела C-194/05 Суд ЕС посчитал, что положения законодательства Италии не соответствуют праву ЕС, поскольку в Италии добытый при дноуглублении грунт не признавался отходами¹⁷.

¹³ Directive 2008/98/EC of the European Parliament and the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives. Article 3(1). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02008L0098-20240218> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁴ Ibid. Article 2.

¹⁵ Directive 2006/21/EC of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 on the management of waste from extractive industries and amending Directive 2004/35/EC. Article 3(6). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02006L0021-20090807> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁶ Commission Decision of 3 May 2000 replacing Decision 94/3/EC establishing a list of wastes pursuant to Article 1(a) of Council Directive 75/442/EEC on waste and Council Decision 94/904/EC establishing a list of hazardous waste pursuant to Article 1(4) of Council Directive 91/689/EEC on hazardous waste. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02000D0532-20231206> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁷ Judgement of the Court (Third Chamber) of 18 December 2007 in Case C-194/05. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:62005CJ0194> (дата обращения: 11.02.2025).

Вместе с тем в решении по делу C-194/05 Суд ЕС формулирует важный критерий разграничения отходов и побочных продуктов. Так, если те или иные предметы будут впоследствии использованы и не будут выброшены, то они являются не отходом, а побочным продуктом. Этот тезис имеет существенное значение в контексте дноуглубления: очень часто извлеченный грунт используется для рефулирования, т.е. намыва грунта землесосными установками [Sengara, Bratanata, Krisnanto 2022:12005]. Для аналогичных целей, а именно намыва пляжей, землесосами и земснарядами иных типов извлекается морской песок. В определенных случаях при помощи намыва могут образовываться новые острова, что, например, было реализовано в рамках ряда проектов в Дубае [Juma, Karanam, Al Harmoudi 2018:1]. Кроме того, различными акторами предлагаются новые альтернативные инициативы по использованию извлеченного грунта, например, в строительстве [Altaf 2021:1133]. Иными словами, извлеченное сырье в таких случаях находит свое применение и отходом по смыслу права ЕС считаться не может.

Следует также отметить, что свалка добытого при дноуглублении грунта не является свалкой по смыслу Директивы 1999/31/ЕС о свалке отходов. Так, согласно ст. 3 Директивы, из ее сферы действия исключаются свалки грунта, добываемого в ходе дноуглубительных работ¹⁸. Возникает достаточно противоречивая ситуация: добытый грунт причисляется к отходам, однако место его складирования не признается свалкой отходов. Вероятно, это можно объяснить тем фактом, что положения Директивы 1999/31/ЕС в случае, если применять их по отношению к свалкам грунта, существенно усложнят производство дноуглубительных работ, поскольку ими предусматривается множество мер и правил утилизации, переработки, исчисления, накопления и контроля отходов на свалке. В свою очередь положения Директивы 2008/98/ЕС, касающиеся неопасных отходов (к которым относится и добытый грунт), не столь категоричны и не формируют существенных препятствий для осуществления дноуглубительных работ.

Другим экологическим фактором, оказывающим влияние на осуществление дноуглубительных работ, является их воздействие на экосистемы и биоразнообразие. Извлечение донного грунта приводит к нарушению целостности дна, заилению и заносу воды землей, работа землеса или земснаряда может привести к гибели рыбы и ракообразных, а также уничтожению их мест обитания [Панкратова, Поздняков 2017:38]. Особенную опасность дноуглубление представляет для мигрирующих видов [Soinski, Gato, Matsumoto, Brazao, Smith 2022:2], а также нерестящихся рыб [Freedman 2012:267]. Кроме того, дноуглубление крайне пагубно влияет на макробентос, т.е. организмов, обитающих на дне и в донном грунте: некоторые исследования подтверждают, что такие экосистемы практически не восстанавливаются после проведения работ [Sousa, Cutrim, Júnior, de Oliveira 2023]. В связи с этим государствами предпринимаются определенные действия по защите экосистем от негативных воздействий дноуглубительных работ.

Двумя важнейшими источниками права ЕС в данном контексте представляются Директива 92/43/ЕЕС о сохранении естественной среды обитания дикой фауны и флоры, а также Директива 2009/147/ЕС о сохранении диких птиц. Каждая из директив предусматривает возможность установления государствами-членами особых природоохранных зон (англ. Special Areas of Conservation), в которых применяются необходимые для поддержания или восстановления мест обитания или популяций меры. Совместно эти особые природоохранные зоны образуют сеть охранных участков, именуемую «Натура 2000» (англ. Natura 2000). «Натура 2000» включает в себя 9 %, или порядка 450 тыс. км² морей ЕС¹⁹, а также около 19 % территорий суши ЕС²⁰. С учетом того, что в соответствии с директивами государства вправе вводить определенные ограничения на этих территориях и акваториях, подобные ограничения могут касаться и дноуглубления.

Вместе с тем представляется, что для этого вида деятельности риск каких-либо

¹⁸ Council Directive 1999/31/EC of 26 April 1999 on the landfill of waste. Article 3(2). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01999L0031-20240804> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁹ Natura 2000 coverage in Europe's seas. URL: <https://www.eea.europa.eu/themes/biodiversity/natura-2000/natura-2000-coverage-in-european-seas-4> (дата обращения: 11.02.2025).

²⁰ Natura 2000 Barometer. URL: <https://www.eea.europa.eu/en/analysis/maps-and-charts/natura-2000-barometer-dashboards> (дата обращения: 11.02.2025).

ограничений в связи с включением акватории в программу «Натура 2000» минимален. Прежде всего, само по себе распространение мер по защите экосистем, как правило, подразумевает запрет на строительство гидротехнических сооружений или судоходство – во всяком случае, если осуществление дноуглубительных работ будет запрещено, указанные виды деятельности также наверняка попадут под запрет. Таким образом, в капитальном дноуглублении как таковом не будет смысла. Что же касается ремонтного черпания, т.е. поддержания тех или иных гидротехнических сооружений в надлежащем состоянии, то в данном контексте показательным представляется дело Суда ЕС C-57/89. Дело было инициировано по заявлению Еврокомиссии против Германии, поскольку Германия осуществляла ряд работ, включая дноуглубительные, предусмотренных для ремонта дамбы в заливе Лейбухт. Акватория залива и прилегающие территории были объявлены особой природоохранной зоной, поэтому Комиссия усмотрела нарушение директив. Германия же заявляла, что ремонт дамбы был необходим, поскольку ее состояние создавало реальную угрозу прорыва. Суд ЕС поддержал Германию, исходя из двух факторов. Во-первых, угроза затопления территорий за дамбой была признана чрезвычайным обстоятельством, которое само по себе угрожало природоохранной зоне и местам обитания птиц гораздо больше, чем проведение ремонтных работ. Во-вторых, Суд ЕС усмотрел положительные последствия для среды обитания птиц, так как проектом предусматривалась схема защиты для района, а также закрытие некоторых судоходных каналов, вследствие чего судоходство в среде обитания птиц было бы полностью прекращено²¹.

Таким образом, как правило, при планировании дноуглубительных работ всегда могут быть предусмотрены условия для определенных изъятий, позволяющих осуществлять данную деятельность даже в особых природоохранных зонах. В данном контексте ЕС исходит из диспозитивного подхода, предоставляя государствам-членам широкую автономию при определении возможных механизмов минимизации

воздействия на окружающую среду при производстве дноуглубительных работ. Это неудивительно, учитывая тот факт, что особые природоохранные зоны определяются самими государствами-членами, тогда как окружающая среда относится к сфере совместной компетенции. Вместе с тем специалисты в области правового сопровождения дноуглубительной деятельности отмечают, что государства-члены достаточно подробно рассматривают заявления на выдачу разрешений на производство работ, и высока доля отказов по причине несоответствия требованиям защиты окружающей среды [Mink, Dirks, Van Raalte, De Vlieger, Russel 2006]. С учетом данного обстоятельства, представляется, что при планировании дноуглубительных работ субъектам данного рынка необходимо заранее предусматривать меры по снижению негативного воздействия на окружающую среду.

3. Заключение

Дноуглубление является важной сферой деятельности для ЕС. Высокий объем дноуглубительных мощностей позволяет компаниям – резидентам Союза не только эффективно осуществлять проекты в ЕС, но и реализовывать их в третьих странах. В связи с этим право ЕС достаточно успешно регулирует вопросы, связанные с порядком и условиями реализации дноуглубления как услуги. Так, вполне справедливо исходя из того факта, что дноуглубление не относится к транспортной деятельности, поскольку транспортные средства – земснаряды – используются для перевозки грунта лишь до свалки, тогда как основной целью является достижение проектных глубин, законодательство Союза все же предусматривает возможность введения определенных ограничений на данном рынке государствам-членам. Это связано с тем, что дноуглубление зачастую затрагивает объекты критической инфраструктуры, такие как порты, объекты энергетики и гидротехнические сооружения. Таким образом, общий для права Союза принцип возможности ограничения «четырёх свобод» по соображениям безопасности соблюдается и в контексте дноуглубительных работ.

²¹ Judgment of the Court of 28 February 1991 in Case C-57/89. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=dredging&docid=96516&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=381131> (дата обращения: 11.02.2025).

Однако, несмотря на наличие подобных ограничительных положений, ЕС столкнулся с тем, что значительная доля тендеров по дноуглублению реализовывалась компаниями из Китая. Только введение мер, ограничивающих иностранное субсидирование, позволило преодолеть данную проблему. Представляется, что более рациональным подходом было бы ограничение участия компаний из третьих стран в дноуглубительных проектах на основании соображений безопасности – это достаточно традиционная мера, используемая множеством государств мира, поскольку дноуглубление, как правило, реализуется в отношении объектов критической инфраструктуры.

Кроме того, регулирование ЕС дноуглубления как деятельности, оказывающей влияние на окружающую среду и состояние биологических ресурсов, представляется недостаточно совершенным. Несмотря на наличие ряда решений Суда ЕС и множества актов вторичного права, вопрос квалификации добытого при дноуглублении грунта является по существу неразрешенным. С одной стороны, он считается отходом, поскольку в большинстве случаев он складывается на подводной свалке грунта. С другой стороны, его можно назвать побочным продуктом, поскольку даже в случае его размещения на дне он возвращается в среду, из которой был извлечен. Кроме того, зачастую грунт или иной материал, добытый при дноуглублении, может использоваться для рефулирования, т.е. намыва грунта на берег в рамках берегоукрепления. Представляется, что в этом контексте необходимо конкретизировать регулирование – во многом проблема возникла еще и потому, что законодатель крайне редко упоминает термин «дноуглубление» в источниках вторичного права ЕС, содержащих нормы об отходах.

При этом следует отметить положительный опыт ЕС в вопросах регулирования воздействия дноуглубления на экосистемы, в частности, в особых природоохранных зонах. Несмотря на особый статус этих акваторий и территорий, ЕС применяет гибкий подход, позволяя осуществлять дноуглубительные работы даже в этих районах. Однако такое разрешение носит

исключительный характер и должно быть обосновано, во-первых, исключительностью ситуации (например, в случаях, когда работы необходимы для избегания катастрофы), а во-вторых, наличием мер по снижению негативного воздействия на окружающую среду в проектной документации.

Таким образом, несмотря на некоторые недочеты, опыт ЕС в регулировании дноуглубительных работ следует охарактеризовать как положительный. Гибкость законодателя ЕС в вопросах, связанных с данной деятельностью, позволяет учитывать сложившуюся ситуацию и реальную необходимость реализации проектов по дноуглублению. В частности, подход к защите экосистем в рамках программы «Натура 2000» так хорошо зарекомендовал себя, что сходные системы предлагаются к имплементации исследователями в третьих странах [Akçay, Cömert, Yıldız 2025]. Вместе с тем, с учетом специфического характера дноуглубительных работ, которая заключается в их взаимосвязи с обеспечением деятельности объектов критической инфраструктуры, представляется, что подход ЕС в отношении обеспечения доступа к данной деятельности иностранных компаний должен быть более строгим.

В заключение хотелось бы отметить, что для Российской Федерации имплементация опыта ЕС в регулировании дноуглубления была бы достаточно полезной: несмотря на то, что российский рынок дноуглубительных работ значительно меньше европейского, его немногочисленные участники сталкиваются с существенными проблемами. Подавляющее большинство проблем возникает вследствие отсутствия специализированных нормативных актов, направленных на регулирование дноуглубительных работ как отдельной сферы. Вследствие этого, подрядчики и заказчики вынуждены руководствоваться общими положениями российского законодательства в сфере строительства, многие из которых значительно осложняют процесс проведения дноуглубительных работ. Представляется, что закрепление за дноуглублением особого статуса по модели ЕС значительно бы облегчило положение российских акторов рынка дноуглубления.

Список литературы

- Бухарицин П.И. 2023. Почему работы по дноуглублению Волго-Каспийского судоходного канала неэффективны. – *Природные опасности: Связь науки и практики. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Михаила Ивановича Сумгина*. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. С. 330-336.
- Воронина Ю.Е. 2022. Методические подходы оценки заносимости перекаатов нижнего бьефа Нижегородской ГЭС и их влияние на обеспечение судоходных глубин участка. – *Научные проблемы водного транспорта*. № 72. С. 198-207.
- Дыханов И.В. 2024. Ограничительные меры Европейского Союза в сфере морского права: проблемы правового регулирования. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № S9(121). С. 52-58.
- Закиров Р.Б., Чубаренко Б.В., Бунашов Е.М. 2024. Источники песчаного материала для берегозащиты морского берега Балтийской косы. – *Природообустройство*. № 4. С. 75-82.
- Панкратова С.Ю., Поздняков В.И. 2017. Мероприятия по минимизации воздействия на водные биологические ресурсы при проведении дноуглубительных работ. – *Судостроение*. № 6(835). С. 37-41.
- Сметанин В.И. 2022. Очистка и дноуглубление русел рек. – *Мелиорация и водное хозяйство*. № 4. С. 12-17.
- Сметанин В.И., Жогин И.М. 2023. Дноуглубление и поддержание судоходных глубин судоходных рек и каналов на внутренних водных путях. – *Гидротехническое строительство*. № 4. С. 28-34.
- Akçay E., Cömert N., Yıldız T. 2025. Protecting coastal habitats: is a 24-meter isobath ban on purse seines adequate for coastal areas and endangered species? – *Journal of Coastal Conservation*. Vol. 29. Issue 1.
- Altat H. 2021. Analysis and Stabilization of Dredged Material Using Marble Dust for Its Potential Use in Sub-Grade. – *International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology*. Vol. 9. Issue 9. P. 1133-1138.
- Essink K. 1999. Ecological effects of dumping of dredged sediments; options for management. – *Journal of Coastal Conservation*. Vol. 5. Issue 1. P. 69-80.
- Freedman J. 2012. Gravel dredging alters diversity and structure of riverine fish assemblages. 2012. – *Freshwater Biology*. Vol. 58. Issue 2. P. 261-274.
- Igwe P., Ugovwarhe O., Ejiofor C., Mentkiti H., Okonkwo C. 2017. A Review of Environmental Implications of Dredging Activities. – *International Journal of Advanced Engineering, Management and Science*. Vol. 3. Issue 12. P. 1143-1149.
- Juma I.M., Karanam S., Al Harmoudi A.A. 2018. Application of Composite Groynes in Stabilizing Dubai Beaches. – *Coastal Engineering Proceedings*. Vol. 1. Issue 36. P. 1-8.
- Luise C., Buckley J., Voss H., Plakoyiannaki E., Barbieri E. 2021. A bargaining and property rights perspective on the Belt and Road Initiative: Cases from the Italian port system. – *Journal of International Business Policy*. Vol. 5. Issue 2. P. 172-193.
- Mink F., Dirks W., Van Raalte G., De Vlieger H., Russel M. 2006. Impact of European Union Environmental Law on Dredging. – *Terra et Aqua*. No. 104. URL: <https://www.iadc-dredging.com/wp-content/uploads/2017/02/article-impact-of-european-union-environmental-law-on-dredging-104-1.pdf> (accessed date: 11.02.2025).
- Sengara W., Bratanata J., Krisnanto S. 2022. Utilization of Dredged Mud in Land Reclamation: A Comparison Study of Several Soil Improvement Methods. – *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. Vol. 1065. Issue 1. P. 12005-12005.
- Soinski T., Gato C., Matsumoto A., Brazao M., Smith W. 2022. Dredging on water bodies and margin interventions: effects on fish. – *Boletim do Instituto de Pesca*. Vol. 48. P. 1-9.
- Sousa L., Cutrim M., Júnior M., de Oliveira V. 2023. Does dredging activity exert an influence on benthic macrofauna in tropical estuaries? Case study on the northern coast of Brazil. – *Iheringia. Série Zoologia*. Vol. 113.
- Staniszewska M., Boniecka H. 2017. Managing dredged material in the coastal zone of the Baltic Sea. – *Environmental monitoring and assessment*. Vol. 189. Issue 2. P. 1-46.
- Stubbs M., Stephens D. 2017. Dredge Your Way to China?: The Legal Significance of Chinese Reclamation and Construction in the South China Sea. – *Asia-Pacific Journal of Ocean Law and Policy*. Vol. 2. Issue 1. P. 25-51.

References

- Akçay E., Cömert N., Yıldız T. Protecting coastal habitats: is a 24-meter isobath ban on purse seines adequate for coastal areas and endangered species? – *Journal of Coastal Conservation*. 2025. Vol. 29. Issue 1.
- Altat H. Analysis and Stabilization of Dredged Material Using Marble Dust for Its Potential Use in Sub-Grade. – *International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology*. 2021. Vol. 9. Issue 9. P. 1133-1138.
- Buharicin P.I. Pochemu raboty po dnouglubleniju Volgo-Kaspijskogo sudohodnogo kanala nejeffektivny [Why dredging of the Volga-Caspian shipping canal is ineffective]. – *Prirodnye opasnosti: Svjaz' nauki i praktiki. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 150-letiju Mihaila Ivanovicha Sumgina [Natural Hazards: The Relationship between Science and Practice. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 150th Anniversary of Mikhail Ivanovich Sumgin]*. Saransk: National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev. 2023. P. 330-336. (In Russ.)
- Dykanov I.V. Ogranichitel'nye mery Evropejskogo Sojuza v sfere morskogo prava: problemy pravovogo regulirovanija [Restrictive measures of the European Union in the field of maritime law: problems of legal regulation]. – *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGJuA) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2024. No. S9(121). P. 52-58. (In Russ.)
- Essink K. Ecological effects of dumping of dredged sediments; options for management. – *Journal of Coastal Conservation*. 1999. Vol. 5. Issue 1. P. 69-80.
- Freedman J. Gravel dredging alters diversity and structure of riverine fish assemblages. 2012. – *Freshwater Biology*. 2012. Vol. 58. Issue 2. P. 261-274.
- Igwe P., Ugovwarhe O., Ejiofor C., Mentkiti H., Okonkwo C. A Review of Environmental Implications of Dredging

- Activities. – *International Journal of Advanced Engineering, Management and Science*. 2017. Vol. 3. Issue 12. P. 1143-1149.
8. Juma I.M., Karanam S., Al Harmoudi A.A. Application of Composite Groynes in Stabilizing Dubai Beaches. – *Coastal Engineering Proceedings*. 2018. Vol. 1. Issue 36. P. 1-8.
 9. Luise C., Buckley J., Voss H., Plakoyiannaki E., Barbieri E. A bargaining and property rights perspective on the Belt and Road Initiative: Cases from the Italian port system. – *Journal of International Business Policy*. 2021. Vol. 5. Issue 2. P. 172-193.
 10. Mink F., Dirks W., Van Raalte G., De Vlieger H., Russel M. Impact of European Union Environmental Law on Dredging. – *Terra et Aqua*. 2006. № 104. URL: <https://www.iadc-dredging.com/wp-content/uploads/2017/02/article-impact-of-european-union-environmental-law-on-dredging-104-1.pdf> (accessed date: 11.02.2025).
 11. Pankratova S.Ju., Pozdnjakov V.I. Meroprijatija po minimizaciji vozdejstvija na vodnye biologicheskie resursy pri provedenii dnouglubitel'nyh rabot [Measures to minimize the impact on aquatic biological resources during dredging operations]. – *Sudostroenie [Shipbuilding]*. 2017. № 6(835). P. 37-41. (In Russ.)
 12. Sengara W., Bratanata J., Krisnanto S. Utilization of Dredged Mud in Land Reclamation: A Comparison Study of Several Soil Improvement Methods. – *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2022. Vol. 1065. Issue 1. P. 12005-12005.
 13. Smetanin V.I. Ochistka i dnouglublenie rusel rek [Cleaning and dredging of river beds] – *Melioracija i vodnoe hozjajstvo [Melioration and water management]*. 2022. № 4. P. 12-17. (In Russ.)
 14. Smetanin V.I., Zhogin I.M. Dnouglublenie i podderzhanie sudohodnyh glubin sudohodnyh rek i kanalov na vnutrennih vodnyh putjah [Dredging and maintenance of shipping depths of shipping rivers and canals on inland waterways]. – *Gidrotehnicheskoe stroitel'stvo [Hydraulic engineering]*. 2023. № 4. P. 28-34. (In Russ.)
 15. Soinski T., Gato C., Matsumoto A., Brazao M., Smith W. Dredging on water bodies and margin interventions: effects on fish. – *Boletim do Instituto de Pesca*. 2022. Vol. 48. P. 1-9.
 16. Sousa L., Cutrim M., Júnior M., de Oliveira V. Does dredging activity exert an influence on benthic macrofauna in tropical estuaries? Case study on the northern coast of Brazil. – *Iheringia. Série Zoologia*. 2023. Vol. 113.
 17. Staniszewska M., Boniecka H. Managing dredged material in the coastal zone of the Baltic Sea. – *Environmental monitoring and assessment*. 2017. Vol. 189. Issue 2. P. 1-46.
 18. Stubbs M., Stephens D. Dredge Your Way to China?: The Legal Significance of Chinese Reclamation and Construction in the South China Sea. – *Asia-Pacific Journal of Ocean Law and Policy*. 2017. Vol. 2. Issue 1. P. 25-51.
 19. Voronina Ju. E. Metodicheskie podhody ocenki zanosimosti perekatov nizhnego b'efa Nizhegorodskoj GJeS i ih vlijanie na obespechenie sudohodnyh glubin uchastka [Methodological approaches to assessing the shallows' sedimentation of the lower pool of the Nizhny Novgorod hydroelectric power station and their impact on ensuring the shipping depths of the site]. – *Nauchnye problemy vodnogo transporta [Russian Journal of Water Transport]*. 2022. No. 72. P. 198-207. (In Russ.)
 20. Zakirov R.B., Chubarenko B.V., Burnashov E.M. Istochniki peschanogo materiala dlja beregozashchity morskogo berega Baltijskoj kosy [Sources of sand material for coastal protection of the Baltic Spit seashore]. – *Prirodoobustrojstvo [Environmental management]*. 2024. No. 4. P. 75-82. (In Russ.)

Информация об авторе

Иван Вячеславович ДЫХАНОВ

Юрист, Общество с ограниченной ответственностью «Гидрострой»

Портовая ул., 30, пом. 5, Калининград, 236039, Российская Федерация

Аспирант, БФУ им. И. Канта

Александра Невского ул., 14, Калининград, 236041, Российская Федерация

dykahnov39@gmail.com
ORCID: 0009-0003-5340-9256

About the Author

Ivan V. DYKHANOV

Lawyer, Hidrostroy Ltd.

30, room 5, Portovaya St., Kaliningrad, Russian Federation, 236039

Postgraduate Student, Immanuel Kant Baltic Federal University

14, Alexander Nevsky St., Kaliningrad, Russian Federation, 236041

dykahnov39@gmail.com
ORCID: 0009-0003-5340-9256